This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK188.6
M8
T87
1898

Turtsevich, Ar.

STANFORD
LIBRARIES

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ГРАФА М. Н. МУРАВЬЕВА.

Составилъ **Ар. Турцевичъ,**

преподаватель Виленской I гимназіи.

Изданіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Комитета по сооруженію памятника *Графу М. Н. Муравьеву.*

ВИЛЬНА.
Типографія А. Г. Сыркина, Большая ул., соб д., № 88.

1898.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ГРАФА М. Н. МУРАВЬЕВА.

Составилъ **Ар. Турцевичъ,**

преподаватель Виленской I гимназіи.

Изданіе ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Комитета по сооруженію памятника *Графу М. Н. Муравьеву.*

ВИЛЬНА.

Типографія А. Г. Сыркина, Большая ул., соб. д., № 88.

1898.

AN M3585

Дозволено цензурою 27-го Октября 1898 года.—Вильна.

ГЛАВА I.

Время рожденія графа М. Н. Муравьева.—Родители и братья его.—Первоначальное воспитаніе.—Поступленіе въ университетъ и основаніе Общества математиковъ.

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ родился 1 октября 1796 г. въ Петербургѣ.

Родители его были люди, выдающіеся своими душевными качествами. Отецъ, Николай Николаевичъ Муравьевъ, благородная отрасль стариннаго дворянскаго рода Муравьевыхъ, получилъ прекрасное по своему времени образованіе. Отчимъ его, князь Урусовъ, замѣчая въ пасынкѣ большія способности и прилежаніе, отправилъ его учиться во Францію въ знаменитый тогда Страсбургскій университетъ. Здѣсь молодой Муравьевъ съ особеннымъ стараніемъ занимался математикой и военными науками и пріобрѣлъ въ нихъ основательныя познанія. Возвратившись въ началѣ 1788 въ Петербургъ, онъ блестяще выдержалъ экзаменъ, произведенъ былъ въ мичманы и назначенъ на корабль „Саратовъ" подъ команду капитана Ханыкова, но черезъ два года уже самъ получилъ въ командованіе галеру „Орелъ" и принялъ участіе въ морскомъ сраженіи со шведами при Роченсальмѣ. Здѣсь молодой Муравьевъ обнаружилъ пылкую отвагу и рѣшительность. Предъ самымъ началомъ боя уже въ виду непріятеля онъ подъѣхалъ къ адмиральскому кораблю и спросилъ, гдѣ его мѣсто. Контръ-адмиралъ Литта отвѣчалъ: „человѣкъ съ честью найдетъ свое мѣсто". Тогда Муравьевъ пустился подъ всѣми парусами въ непріятельскую линію, сталъ между шведскими кораблями и открылъ по нимъ огонь съ обоихъ бортовъ. Весьма понятно, что не долго могъ онъ противостоять превосходнымъ силамъ непріятеля: галера его была разбита и стала тонуть. Онъ направилъ ее на мель и, спасши своихъ людей на лодкахъ, самъ бросился вплавь, но скоро былъ взятъ въ плѣнъ, такъ какъ не могъ плыть вслѣдствіе раны, нанесенной ему осколкомъ гранаты.

По возвращеніи изъ плѣна, Муравьевъ въ 1791 г. женился и еще въ теченіе пяти лѣтъ продолжалъ служить во флотѣ, но

въ 1796 г., когда вступилъ на престолъ Императоръ Павелъ I, онъ былъ переведенъ подполковникомъ въ гусарскій-Дунина полкъ, стоявшій въ южной Россіи. Прослуживъ въ гусарахъ только одинъ годъ, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ своемъ родовомъ имѣніи Сырецъ, Лужскаго уѣзда, гдѣ былъ выбранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

Въ 1801 г. князь Урусовъ, удрученный лѣтами, пригласилъ Н. Н. Муравьева переѣхать со всѣмъ семействомъ въ Москву. Не имѣя хорошихъ средствъ для воспитанія дѣтей, Николай Николаевичъ принялъ это предложеніе. Онъ переѣхалъ въ Москву и съ этого времени болѣе 10 лѣтъ жилъ при своемъ отчимѣ, завѣдывая всѣми его дѣлами. Но вотъ наступилъ знаменательный двѣнадцатый годъ. Муравьевъ тотчасъ оставляетъ всѣ свои частныя дѣла и вновь поступаетъ на службу начальникомъ штаба ополченій 3 округа. Престарѣлый князь Урусовъ, раздраженный тѣмъ, что не могъ удержать его при себѣ, угрожалъ ему лишеніемъ наслѣдства, которое назначилъ ему по завѣщанію, но Николай Николаевичъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ. Такъ велика была его любовь къ отечеству.

Въ 1813 году Н. Н. Муравьевъ въ званіи начальника штаба корпуса, бывшаго подъ командою графа Толстого, участвовалъ въ многочисленныхъ сраженіяхъ. Отличаясь превосходнымъ знаніемъ военнаго дѣла и распорядительностью, онъ за службу свою въ этой кампаніи получилъ золотую саблю за храбрость и чинъ генералъ-маіора. Въ началѣ 1823 года разстройство здоровья заставило Н. Н. Муравьева выйти въ отставку. Оставивъ службу, онъ со свойственными ему увлеченіемъ и страстью занялся сельскимъ хозяйствомъ, сначала въ деревнѣ, а потомъ въ Москвѣ, гдѣ у него была образцовая ферма у городской заставы на Бутыркахъ. Кромѣ того, Н. Н. Муравьевъ много содѣйствовалъ распространенію математическихъ знаній въ Россіи и основалъ „Московское учебное заведеніе для колонновожатыхъ", которое подготовляло молодыхъ людей для службы въ генеральномъ штабѣ. Вообще Н. Н. Муравьевъ былъ человѣкъ всесторонне образованный и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. „Почетные жители Москвы и посѣтители столицы", говоритъ Кропотовъ, „искали его ученой бесѣды и утѣшались обществомъ почетнаго старца, который до конца сохранилъ всю умственную бодрость и теплоту сердца, всю веселость и живость характера. Онъ не переставалъ трудиться, учить другихъ и учиться самъ". [1]).

---

[1]) Д. А. Кропотовъ: „Жизнь графа Муравьева", стр. 21.

Н. Н. Муравьевъ умеръ въ 1840 г. въ Москвѣ на 72 году отъ роду.

Мать Михаила Николаевича, Александра Михайловна, дочь инженеръ-генерала Мордвинова, была женщина въ высшей степени развитая, религіозная и чадолюбивая.

У Михаила Николаевича была одна сестра Софія, умершая до замужества, и четыре брата: Александръ, Николай, Андрей и Сергѣй. Изъ нихъ наиболѣе извѣстны Андрей и Николай. Андрей былъ весьма извѣстнымъ писателемъ въ области духовной литературы. Николай Николаевичъ, начавъ свою службу участіемъ въ отечественной войнѣ 1812 г., служилъ на Кавказѣ, участвовалъ въ усмиреніи польскаго возстанія 1830—31 г., ѣздилъ посломъ въ Хиву, Египетъ, Константинополь, командовалъ пятымъ корпусомъ и, наконецъ, въ 1854 году занималъ высокій постъ Кавказскаго намѣстника и главнокомандующаго дѣйствующей арміей въ Малой Азіи (во время Крымской войны). Принадлежа къ числу просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, Николай Николаевичъ отличался необыкновенной честностью, непреклонной твердостью характера и замѣчательными военными способностями. Онъ особенно прославился своими побѣдами надъ турками и за взятіе сильной турецкой крѣпости Карса извѣстенъ подъ именемъ Карскаго, хотя на это прозваніе и не получилъ офиціальнаго права. Николай Николаевичъ имѣлъ обыкновеніе записывать всѣ замѣчательные случаи изъ своей жизни и оставилъ намъ весьма интересный дневникъ, который сообщаетъ много любопытныхъ подробностей и о жизни брата его М. Н. Муравьева.

Самъ Михаилъ Николаевичъ былъ третьимъ сыномъ Николая Николаевича Муравьева. Воспитаніемъ его сначала занималась сама мать Александра Михайловна, имѣвшая самое благотворное вліяніе на своихъ дѣтей. „Если мы вышли порядочными людьми, а не сорванцами,“ говорилъ впослѣдствіи Михаилъ Николаевичъ, „то всѣмъ этимъ обязаны покойной матушкѣ.“ Затѣмъ, по обычаю того времени, приглашены были въ домъ Муравьевыхъ гувернеры—иностранцы, изъ числа которыхъ въ особенности надо упомянуть о Гатто, уроженцѣ Лотарингіи. Это былъ человѣкъ честный, добросердечный и, что важнѣе всего, онъ умѣлъ поселить въ отроческой душѣ своихъ питомцевъ жажду знаній и любовь къ труду. Онъ оставилъ по себѣ въ семействѣ Муравьевыхъ самую хорошую память. Исторіи, алгебрѣ, геодезіи и военнымъ наукамъ обучалъ Михаила Николаевича его отецъ. Сначала Михаилъ Николаевичъ нѣсколько отставалъ отъ своихъ

братьевъ въ ученіи, но благодаря своимъ способностямъ и настойчивости, не отступавшей ни передъ какими трудами, онъ скоро сравнялся съ ними, и старшій его братъ Николай Николаевичъ часто говаривалъ: „изъ всѣхъ насъ братъ Михайла вышелъ самый способный."

Въ 1810 г. Михаилъ Николаевичъ поступилъ въ университетъ на физико-математическое отдѣленіе. Здѣсь онъ необыкновенно быстро выдвинулся изъ среды товарищей своими способностями и, несмотря на свой юный возрастъ (ему было 14 лѣтъ), успѣлъ основать „Московское общество математиковъ," къ которому сначала примкнули его товарищи студенты, а потомъ и нѣкоторые профессора. Цѣлью этого общества было распространеніе въ Россіи математическихъ знаній посредствомъ безплатныхъ публичныхъ лекцій по математикѣ и военнымъ наукамъ. Президентомъ общества былъ избранъ Н. Н. Муравьевъ, а вицепрезидентомъ или директоромъ сынъ его, студентъ Михаилъ Николаевичъ. Такое вліятельное положеніе въ ученомъ обществѣ совсѣмъ еще юнаго Михаила Николаевича несомнѣнно свидѣтельствуетъ какъ о чрезвычайно раннемъ развитіи его душевныхъ способностей, такъ и о неутомимой настойчивости въ достиженіи разъ избранной имъ цѣли.

ГЛАВА II.

Поступленіе графа Муравьева въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части. — Пребываніе его въ Вильнѣ. — Служба его при штабѣ 5-го гвардейскаго корпуса. — Участіе графа Муравьева въ Бородинскомъ сраженіи. — Возвращеніе его въ армію и служба въ генеральномъ штабѣ.—Женитьба графа Муравьева и выходъ въ отставку.

Въ концѣ 1811 года Россія дѣятельно стала готовиться къ войнѣ съ Наполеономъ I. Въ это время М. Н. Муравьевъ, подобно другимъ молодымъ дворянамъ, вышелъ изъ университета и отправился въ Петербургъ для поступленія въ военную службу, гдѣ въ декабрѣ того же года и записался въ колонновожатые. Такъ какъ для производства въ офицеры обычай требовалъ отъ всѣхъ колонновожатыхъ удостовѣренія въ пріобрѣтеніи ими основательныхъ познаній въ математикѣ, то Михаилъ Николаевичъ подвергся экзамену у академика Гурьева и выдержалъ его блистательно. „Чинилъ испытаніе," говоритъ въ своемъ отзывѣ строгій и скупой на похвалы академикъ, „поступившему — ѣ въ

корпусъ колонновожатыхъ дворянину Михайлѣ Муравьеву въ чистой и прикладной математикѣ, и по испытаніи оказалось, что онъ имѣетъ весьма хорошія способности и особенную склонность къ симъ наукамъ. Судя по лѣтамъ его, совсѣмъ ожидать было не можно, чтобы познанія его въ оныхъ такъ далеко простирались, и паче всего то достопримѣчательно, что ему, юношѣ еще, извѣстны лучшіе по симъ предметамъ писатели, которыхъ сочиненія онъ удобно понимаетъ и разбираетъ. Посему безъ сомнѣнія надѣяться можно, что современемъ, когда достигнетъ до совершеннолѣтія, онъ ознаменуетъ себя отличными успѣхами."

По поступленіи на службу, Михаилъ Николаевичъ назначенъ былъ дежурнымъ смотрителемъ надъ колонновожатыми и преподавателемъ математики, а затѣмъ экзаменаторомъ при главномъ штабѣ. Но учебныя занятія Михаила Николаевича вскорѣ должны были прекратиться. Въ началѣ марта 1812 года военный министръ Барклай-де-Толли выѣхалъ въ Вильну для принятія начальства надъ первой Западной арміей, а 30 марта того же года отправился туда и молодой Муравьевъ, прикомандированный къ штабу арміи вмѣстѣ съ своими старшими братьями Александромъ и Николаемъ.

По прибытіи въ Вильну братья Муравьевы поселились въ домѣ Стаховскаго на Рудницкой улицѣ; къ сожалѣнію, мѣсто это теперь неизвѣстно. [1])

Средства у нихъ въ это время были весьма ограниченныя и они перебивались, по словамъ Н. Н. Муравьева, пополамъ съ нуждой. „Скоро начались увеселенія въ Вильнѣ, балы, театры; но мы не могли въ нихъ участвовать по нашему малому достатку, а когда купили себѣ лошадей, то перестали даже одно время чай пить".

Въ маѣ мѣсяцѣ М. Н. Муравьевъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Николаемъ командированы были въ 5-ый гвардейскій корпусъ, который стоялъ тогда въ городкѣ Видзахъ. Со времени выступленія этого корпуса во внутрь Россіи началась чрезвычайно тяжелая служба обоихъ Муравьевыхъ, исполненная всевозможныхъ лишеній. „Съ выѣзда нашего изъ Видзъ", говоритъ въ своихъ запискахъ Н. Н. Муравьевъ, „мы почти все время были на конѣ и очень мало спали; питались кое-чѣмъ и ни одного разу не

---

[1]) Въ домѣ Стаховскаго была первая квартира въ Вильнѣ будущаго графа Виленскаго. Н. Н. Муравьевъ, находясь въ 1851 г. въ Вильнѣ съ гренадерскимъ корпусомъ, старался найти этотъ домъ, но не нашелъ. „Дома всѣ перестроились", говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, „и Стаховскаго имени никто не помнитъ".

раздѣвались... Денегъ мы не имѣли и потому положеніе наше было незавидное; но мы другъ другу не жаловались, не воображая себѣ, чтобы въ походѣ могло быть лучше. Лошадей своихъ мы часто сами убирали и ложились подлѣ нихъ въ сараяхъ, на открытомъ же воздухѣ, около коновязи". [1]) По мѣрѣ дальнѣйшаго движенія нашей арміи въ глубь Россіи, труды и лишенія братьевъ Муравьевыхъ все болѣе и болѣе увеличивались, и часто они едва держались на ногахъ. Наконецъ, въ Бородинскомъ сраженіи Михаилъ Николаевичъ былъ тяжело раненъ и едва не лишился жизни. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ братъ его Николай: „Во время Бородинскаго сраженія Михайла находился при начальникѣ главнаго штаба Бенигсенѣ, на Раевскаго батареѣ, въ самомъ сильномъ огнѣ. Непріятельское ядро ударило лошадь его въ грудь и, пронзивъ ее насквозь, задѣло брата по лѣвой ляжкѣ, такъ что сорвало все мясо съ поврежденіемъ мышцъ и оголило кость; судя по обширности раны, ядро, казалось, было 12-ти фунтовое. Брату былъ тогда 16-ый годъ отъ роду. Михайлу отнесли сажени на двѣ въ сторону, гдѣ онъ, неизвѣстно сколько времени, пролежалъ въ безпамятствѣ. Онъ не помнилъ, какъ его ядромъ ударило, но, пришедши въ память, увидѣлъ себя лежащимъ среди убитыхъ. Не подозрѣвая себя раненымъ, онъ сначала не могъ сообразить, что случилось съ нимъ и съ его лошадью, лежавшею въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Михайла хотѣлъ встать, но едва онъ приподнялся, какъ упалъ и, почувствовавъ тогда сильную боль, увидѣлъ свою рану, кровь и разлетѣвшуюся въ дребезги шпагу свою. Хотя онъ очень былъ слабъ, но имѣлъ еще довольно силы, чтобы приподняться и просить стоявшаго подлѣ него Бенигсена, чтобы его вынесли съ поля сраженія. Бенигсенъ приказалъ вынести раненаго, что было исполнено четырьмя рядовыми, положившими его на свои шинели; когда же они вынесли его изъ огня, то положили на землю. Братъ далъ имъ червонецъ и просилъ ихъ не оставлять его; но трое изъ нихъ ушли, оставя ружья, а четвертый, отыскавъ подводу безъ лошади, взвалилъ его на телѣгу, самъ взявшись за оглобли, вывезъ его на большую дорогу и ушелъ, оставя ружье свое на телѣгѣ. Михайла просилъ мимо ѣхавшаго лѣкаря, чтобы онъ его перевязалъ, но лѣкарь сначала не обращалъ на него вниманія; когда же братъ сказалъ, что онъ адъютантъ Бенигсена, то лѣкарь взялъ тряпку и завязалъ ему ногу просто узломъ. Такое положеніе на большой дорогѣ было очень непріятно. Мимо брата провезли другую те-

---

[1]) „Записки Н. Н. Муравьева". Русск. Арх., кн. 3, стр. 79.

лѣгу съ ранеными солдатами; кто-то изъ состраданія привязалъ оглобли братниной телѣги къ первой, и она потащилась потихоньку въ Можайскъ. Братъ былъ такъ слабъ, что его провезли мимо людей нашихъ, и онъ не имѣлъ силы сказать слова, чтобы остановили телѣгу. Такимъ образомъ привезли его въ Можайскъ, гдѣ сняли съ телѣги, положили на улицѣ и бросили одного среди умирающихъ. Сколько разъ ожидалъ онъ быть раздавленнымъ артиллеріей или повозками. Ввечеру московскій ратникъ перенесъ его въ избу и, подложивъ ему пукъ соломы въ изголовье, также ушелъ. Тутъ увѣрился Михайла, что смерть его неизбѣжна. Онъ не могъ двигаться и пролежалъ такимъ образомъ всю ночь одинъ. Въ избу его заглядывали многіе, но, видя раненаго, уходили и запирали дверь, дабы не слышать просьбу о помощи. Участь многихъ раненыхъ! Нечаяннымъ образомъ зашелъ въ эту избу л.-г. казачьяго полка урядникъ Андріановъ, который служилъ при штабѣ Великаго Князя. Онъ узналъ брата и принесъ нѣсколько яицъ въ смятку, которыя Михайла съѣлъ. Андріановъ, уходя, написалъ мѣломъ, по просьбѣ брата, на воротахъ Муравьевъ 5-й. Ночь была холодная; платье же на немъ изодрано отъ ядра. 27 поутру войска наши уже отступали черезъ Можайскъ, и надежды на спасеніе, казалось, никакой болѣе не оставалось, какъ неожиданный случай вывелъ брата изъ сего положенія. Когда до Бородинскаго сраженія братъ Александръ состоялъ въ аріергардѣ при Коновницынѣ, товарищемъ съ нимъ находился по квартирмейстерской части подпоручикъ Юнгъ, который передъ сраженіемъ заболѣлъ и поѣхалъ въ Можайскъ. Увидя надпись на воротахъ, онъ вошелъ въ избу и нашелъ Михайлу, котораго онъ прежде не зналъ; не менѣе того долгъ сослуживца вызвалъ его на помощь. Юнгъ отыскалъ подводу съ проводникомъ и, положивъ брата на телѣгу, отправилъ его въ Москву. Къ счастью случилось, что проводникъ былъ изъ деревни Лукино князя Урусова. Крестьянинъ приложилъ все стараніе свое, чтобы облегчить положеніе знакомаго ему барина, и довезъ его до 30-ой версты, не доѣзжая Москвы. Михайла просилъ вездѣ подписывать его имя на избахъ, въ которыхъ онъ останавливался, дабы мы могли его найти. Александръ его и нашелъ по этой надписи. Онъ тотчасъ поѣхалъ въ Москву, досталъ тамъ коляску, которую привезъ къ Михайлѣ и, уложивъ его, продолжалъ путь. Пріѣхавъ въ Москву, онъ послалъ извѣстить Пусторослаева, который разыскалъ извѣстнаго оператора Лемера; но когда сняли съ него повязку, то увидѣли, что антоновъ огонь уже показался". Лемеръ тотчасъ вырѣзалъ рану и пустилъ изъ нея кровь, а за-

тѣмъ больного уложили въ коляску и отправили въ Нижній-Новгородъ, гдѣ находился его отецъ.

„Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ сего“, разсказываетъ далѣе Николай Николаевичъ Муравьевъ, „Михайла пріѣзжалъ въ отпускъ къ отцу въ деревню и отыскивалъ Лукинскаго крестьянина, чтобы его наградить; но его не было въ деревнѣ: онъ съ того времени не возвращался, и никакого слуха о немъ не было; вѣроятно, что онъ погибъ во время войны въ числѣ многихъ ратниковъ, не возвратившихся въ дома свои“ [1]).

Въ Нижнемъ-Новгородѣ Михаилъ Николаевичъ, благодаря попеченіямъ о немъ отца его Николая Николаевича и доктора Мудрова, сталъ быстро оправляться. Въ это время юный герой былъ обрадованъ извѣстіемъ о пожалованіи ему за раны, полученныя при Бородинѣ, ордена Св. Владиміра четвертой степени. Но не долго Михаилъ Николаевичъ находился подъ родительскимъ кровомъ. Въ началѣ слѣдующаго года, какъ только рана закрылась, онъ отправился къ войскамъ, находившимся тогда за границей, но по состоянію здоровья не могъ долго участвовать въ войнѣ. Въ 1814 году онъ возвратился въ Петербургъ и былъ назначенъ поручикомъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Служба въ штабѣ оставляла тогда офицерамъ очень много досуга, особенно зимой, поэтому Михаилъ Николаевичъ, не любившій вообще развлеченій, большую часть времени проводилъ въ чтеніи и за любимыми своими математическими выкладками. Между прочимъ, онъ составилъ тогда руководство, подъ заглавіемъ: „Измѣреніе высотъ посредствомъ барометрическихъ наблюденій“.

Въ 1818 году 26 августа М. Н. Муравьевъ вступилъ въ бракъ со старшей дочерью отставного капитанъ-поручика гвардіи Василія Петровича Шереметьева, семнадцатилѣтней дѣвицей Пелагеею Васильевною. Сдѣлавшись семьяниномъ, онъ рѣшился оставить военную службу, къ чему, главнымъ образомъ, побуждала его постоянно открывавшаяся рана на ногѣ, и заняться сельскимъ хозяйствомъ въ имѣніи своей жены. Князь Волконскій возвратилъ, однако, Муравьеву прошеніе объ отставкѣ, ссылаясь на необходимость удержать его на службѣ, какъ весьма полезнаго офицера, и далъ ему безсрочный отпускъ для поправленія разстроеннаго здоровья. Польщенный такимъ лестнымъ вниманіемъ своего начальника, Михаилъ Николаевичъ пробылъ въ деревнѣ только одно лѣто и опять возвратился къ своимъ служебнымъ

---

[1]) „Записки Н. Н. Муравьева“, Русск. Арх., т. 3, стр. 341—343.

занятіямъ. Въ 1820 году онъ произведенъ былъ въ капитаны, а черезъ мѣсяцъ переведенъ подполковникомъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Но въ концѣ того же года Михаилъ Николаевичъ опять подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ службы. Это прошеніе сопровождалось еще письмомъ отца Муравьева къ князю Волконскому, въ которомъ онъ просилъ не удерживать болѣе его сына на службѣ. Волконскій долженъ былъ уступить такимъ настоятельнымъ просьбамъ Муравьевыхъ, хотя съ большимъ сожалѣніемъ. „Имѣя много опытовъ", писалъ онъ Николаю Николаевичу Муравьеву, „сколько отличнаго усердія къ службѣ сына вашего, подполковника Муравьева, столько и рѣдкихъ его способностей, я съ большимъ сожалѣніемъ рѣшился войти съ представленіемъ къ Государю Императору объ увольненіи его отъ службы, которая лишается въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ офицеровъ" [1]).

ГЛАВА III.

Жизнь гр. Муравьева въ деревнѣ. — Арестъ его.—Записка объ улучшеніи административныхъ и судебныхъ учрежденій.—Назначеніе гр. Муравьева вице-губернаторомъ въ Витебскъ. — Сѣверо-Западный край въ первой четверти текущаго столѣтія.—Воззрѣнія гр. Муравьева на прошлыя судьбы Сѣверо-Западнаго края.—Назначеніе гр. Муравьева губернаторомъ Могилевской губерніи. — Участіе его въ усмиреніи польскаго возстанія 1831 года.—Управленіе Гродненской губерніей.—Служба графа Муравьева въ Петербургѣ.

20 ноября 1820 года М. Н. Муравьевъ вышелъ въ отставку и поселился съ своею молодою супругою въ ея имѣніи Лазицахъ Смоленской губерніи. 1820 и 1821 годы были крайне тяжелыми годами для Смоленской и сосѣднихъ губерній. Двухлѣтній неурожай рѣшительно подорвалъ благосостояніе не только крестьянъ, но и многихъ помѣщиковъ. Въ это тяжелое время М. Н. Муравьевъ явился истиннымъ благодѣтелемъ крестьянъ какъ своихъ, такъ и сосѣднихъ помѣщиковъ. На прокормленіе крестьянъ и на кормъ ихъ скота онъ издержалъ до 20 тысячъ рублей. Этимъ онъ заслужилъ горячую къ себѣ любовь не только со стороны своихъ крестьянъ, быстро опра-

---

[1]) Письмо изъ Троппау отъ 11 ноября 1820 года. См. у Кропотова: „Жизнь графа Муравьева" стр. 114.

вившихся отъ послѣдствій неурожая, но и со стороны сосѣднихъ дворянъ.

Въ 1826 году Богъ судилъ Михаилу Николаевичу пережить тяжкое время. Заподозрѣнный въ томъ, что принималъ участіе въ заговорѣ „декабристовъ," которые задумывали преобразовать государственное устройство Россіи, онъ былъ арестованъ и нѣкоторое время содержался въ заключеніи, но какъ только дѣло было разобрано, онъ немедленно получилъ свободу и снова зачисленъ былъ въ военную службу, хотя безъ назначенія къ какой-либо должности.

Въ январѣ 1827 года М. Н. Муравьевъ имѣлъ счастье представить Государю Императору Николаю Павловичу замѣчательную записку объ улучшеніи мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій и истребленіи въ нихъ взяточничества. Записку эту Муравьевъ представилъ при слѣдующемъ всеподданнѣйшемъ письмѣ: „Бывъ вынужденъ, лѣтъ семь тому назадъ, вслѣдствіе своей раны, оставить военное поприще и поселиться въ отдаленной отъ столицы провинціи, я старался употребить съ пользою свободное время, подготовляя себя къ ознакомленію съ гражданскою службою,—единственной, въ которой я могъ бы еще надѣяться служить моему Государю. Уединеніе доставило мнѣ необходимый досугъ для изученія существующаго у насъ устройства внутренняго административнаго управленія, печальныхъ злоупотребленій, всюду совершаемыхъ, уничтоженія или искаженія самыхъ полезныхъ установленій и, наконецъ, гибельнаго вліянія такого порядка вещей на общественную нравственность. При видѣ этого печальнаго зрѣлища, у меня всегда надрывалось сердце отъ невозможности быть полезнымъ своимъ существованіемъ на гражданскомъ поприщѣ, почему и долженъ былъ ограничиться наблюденіемъ и записываніемъ своихъ замѣчаній объ этомъ источникѣ зла, подтачивающаго наши нравы и породившаго почти всеобщую страсть къ лихоимству и продажности. Можетъ быть, Государь, я и ошибаюсь въ замѣчаніяхъ своихъ о предметѣ столь великой важности, но осмѣливаюсь представить Вашему Величеству свои размышленія, будучи убѣжденъ въ великодушіи и снисходительности, съ которыми Вы примете всякое чувство честное и искреннее, внушенное вѣрноподданному естественною привязанностью къ своему Государю и желаніемъ споспѣшествовать своими слабыми силами всеобщему благу".

Кромѣ вѣрнаго изображенія недостатковъ нашей гражданственности, записка Муравьева представляетъ еще любопытныя черты для характеристики ея составителя. „Въ авторѣ ея видна",

говоритъ біографъ Муравьева, „спокойная наблюдательность, практическій умъ и замѣчательная зрѣлость взглядовъ на самые важные вопросы внутренней политики и управленія.“ [1])

12 іюня того же 1827 года было знаменательнымъ днемъ въ жизни М. Н. Муравьева. Въ этотъ день онъ назначенъ былъ вице-губернаторомъ въ Витебскъ. Цѣлыхъ восемь лѣтъ онъ провелъ съ этого момента въ Сѣверо-Западномъ краѣ Россіи, стоя во главѣ гражданскаго управленія сначала въ качествѣ витебскаго вице-губернатора, а потомъ могилевскаго и гродненскаго губернатора.

Въ описываемое время Сѣверо-Западный край имѣлъ рѣшительно польскую окраску. Православныхъ церквей въ краѣ вообще было мало. Въ самой Вильнѣ православные въ одно время могли молиться лишь въ тѣсной трапезной церкви Свято-Духовскаго монастыря. Да если гдѣ и существовали церкви, то это были зданія маленькія, тѣсныя и очень часто неприглядныя,—скорѣе лачуги, чѣмъ церкви. Церквей уніатскихъ было довольно много, но большинство ихъ было такъ же невзрачно, какъ и церкви православныя. За то гордо поднимались къ небу верхушки костеловъ и монастырей римско-католическихъ, число которыхъ было очень велико. Тогдашняя школа Сѣверо-Западнаго края была школой польской и по языку, и по направленію; даже въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ школа оставалась такой же. Въ Бѣлоруссіи были два рода школъ: правительственныя и содержимыя монашескими орденами. По заявленію князя Хованскаго, бывшаго Витебскаго и Могилевскаго генералъ-губернатора, въ школахъ, содержимыхъ монахами, науки преподавались на польскомъ или латинскомъ языкахъ; словесность заключалась въ обученіи польскому, латинскому и нѣкоторымъ иностраннымъ языкамъ, а русскій оставленъ въ совершенномъ небреженіи. Существенная же система наставниковъ въ сихъ училищахъ, говоритъ князь, состоитъ въ томъ, чтобы въ учащихся поселять духъ чистаго полонизма, въ чемъ они и достигли своей цѣли. Что касается гимназій правительственныхъ, то и онѣ были не лучше въ русскомъ смыслѣ. Гимназіи Бѣлорусскихъ губерній, заявляетъ князь, нисколько не соотвѣтствуютъ ожиданію правительства. Науки и словесность преподаются въ нихъ на польскомъ языкѣ, русскому же учатъ весьма мало: для него назначенъ только одинъ день въ недѣлю, и учащіеся такъ же, какъ и въ духовныхъ школахъ, наклоняются къ полонизму.—Администрація, судъ всецѣло нахо-

---

[1]) Кропотовъ: „Жизнь графа Муравьева“, стр. 243.

дились въ рукахъ поляковъ-католиковъ.—Языкомъ общежитія для всѣхъ слоевъ общества, кромѣ крестьянскаго, былъ языкъ польскій.

При такомъ положеніи дѣлъ въ краѣ все, что стояло повыше крестьянства, естественно мало тяготѣло къ Россіи. Князь Хованскій положительно заявляетъ, что природные бѣлоруссы не только пожилыхъ лѣтъ, но и молодые, не смотря на давность присоединенія края, питаютъ какое то равнодушіе и непріязнь къ кореннымъ русскимъ и ко всему русскому. Преосвященный Іосифъ въ первой своей запискѣ по уніатскому дѣлу говоритъ: „Юношество, въ публичныхъ заведеніяхъ обучающееся, отзывается о Россіи съ презрѣніемъ; не зная россіянъ, не зная ихъ исторіи, ихъ обычаевъ, не зная ихъ языка и литературныхъ произведеній, оно считаетъ ихъ народомъ варварскимъ, и слово „москаль“ осталось обыкновеннымъ изъявленіемъ презрѣнія. Духовенство съ своей стороны, продолжаетъ онъ, хотя осторожнѣе, не щадитъ столь же презрительныхъ сарказмовъ. Даже простой народъ, по словамъ и поступкамъ господъ и пастырей своихъ обыкновенно разсуждающій, угнетенный болѣе прежняго самими же помѣщиками, отзывается ежечасно: „не бывало этого за Польши, не бывало этого за уніи“.

Русскому обществу, русской власти конечно было извѣстно, что говорится и дѣлается въ краѣ; но это не мѣшало дѣламъ итти по данному имъ направленію. Продолжительный политическій гнетъ Польши и религіозный гнетъ католичества настолько успѣлъ ослабить русскій элементъ края, нѣкогда столь сильный здѣсь, что этотъ элементъ сталъ какъ-то совершенно незамѣтенъ въ краѣ. Этотъ элементъ остался лишь въ селѣ и не могъ дать знать о себѣ русскому обществу. О немъ дѣйствительно почти и не знали въ Задвинской Россіи. Между тѣмъ разработка русской исторіи тогда еще только что начиналась. И что же удивительнаго, если даже образованные русскіе люди смотрѣли на Сѣверо-Западный край глазами поляковъ, если они далеки были отъ мысли, что коренное населеніе даже Виленской и Гродненской губерній рѣшительно не польское, что значительная часть представителей полонизма въ этихъ губерніяхъ происходитъ отъ предковъ русскихъ православныхъ и что даже послѣ политическаго соединенія Литвы и Польши, въ Литвѣ на поляковъ смотрѣли, какъ на иностранцевъ.

Естественно было бы, повидимому, смотрѣть на Западный край съ указанной точки зрѣнія и М. Н. Муравьеву: вѣдь онъ былъ коренной великорусъ, жившій до тѣхъ поръ въ централь-

ныхъ губерніяхъ Россіи. Но въ томъ-то и сказывается величіе духа этого человѣка, что онъ усвоилъ себѣ совершенно самостоятельное сужденіе какъ о правахъ поляковъ на господство въ Сѣверо-Западномъ краѣ, такъ и на значеніе въ немъ русской народности.

Отправляясь въ Витебскъ, М. Н. Муравьевъ счелъ своимъ долгомъ обстоятельно познакомиться съ исторіей Сѣверо-Западнаго края и захватилъ съ собою десятка полтора книгъ, относящихся къ этому отдѣлу русской исторіи. Чтеніе этихъ книгъ имѣло громадное вліяніе на весь складъ сужденій Михаила Николаевича о задачахъ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ. Прочитанныя имъ книжки сказали ему, что до самой Люблинской уніи *полякъ былъ иноземцемъ въ Литовскомъ княжествѣ, что княжество жило русскою жизнію, что громадное большинство населенія принадлежало православной церкви.* Узналъ Михаилъ Николаевичъ изъ прочитанныхъ книжекъ и то, что когда области, входившія въ составъ Литовскаго княжества, присоединены были къ Россіи, Императрица Екатерина II пріобщила ихъ къ общей русской жизни и всячески старалась противодѣйствовать полонизаціи ихъ, и что если къ началу второй четверти настоящаго столѣтія области эти въ сильной степени были ополячены, то потому, что система управленія краемъ, выработанная Императрицей Екатериной II, уступила впослѣдствіи мѣсто другой противоположной системѣ, давшей возможность Чарторыйскому и его сотрудникамъ сильно ослабить въ жизни края русскія начала. Особенно сильное впечатлѣніе произвело на новаго вице-губернатора чтеніе сочиненія Бантышъ-Каменскаго: „О возникшей въ Польшѣ уніи". Оно въ особенности ознакомило его съ минувшими судьбами православной церкви въ Западной Россіи. Впослѣдствіи, ставъ Виленскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ приказалъ перепечатать эту книгу въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и сильно распространилъ ее въ краѣ.

Вотъ съ какими воззрѣніями на прошлыя судьбы края прибылъ въ Витебскъ новый вице-губернаторъ. Въ Витебскѣ онъ впрочемъ не могъ проявить рѣзко этихъ воззрѣній; онъ оставался тамъ не долго. Въ сентябрѣ 1828 г. М. Н. Муравьевъ былъ переведенъ въ Могилевъ на должность губернатора. Съ большимъ вниманіемъ наблюдая за ходомъ производства дѣлъ и духомъ обитателей, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ, вездѣ старался онъ, гдѣ только законъ и порядокъ дозволялъ, вводить россійское производство. Поэтому во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1830 годъ онъ могъ уже смѣло свидѣтельствовать предъ Государемъ, что

„край сей безъ малѣйшаго затрудненія или неудовольствія можетъ быть приведенъ къ единообразному съ Россіей положенію и что ежели до сихъ поръ оный еще не совершенно, такъ сказать, слился съ оною, то сему болѣе причиною, что не было предпринято должныхъ мѣръ; ибо еще въ 1773 г. права русскія были здѣсь совершенно введены и теперь, еслибъ на то была воля Вашего Императорскаго Величества, не предстояло бы къ водворенію оныхъ никакихъ особенныхъ затрудненій.—Я, продолжаетъ Муравьевъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ, достаточно на опытѣ удостовѣрился, что съ весьма малымъ усиліемъ правительства можно достигнуть до сего необходимаго преобразованія края, собственно для него полезнаго; ибо даже многимъ здѣсь кореннымъ обывателямъ польское производство, особенно по кредитнымъ дѣламъ, совершенно отяготительно, и ежели, со введеніемъ русскихъ правъ, Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ повелѣть ввести и преподаваніе предметовъ въ училищахъ на русскомъ языкѣ, то весьма скоро край сей сблизится съ Россіею, котораго мнимое отдаленіе отъ оной существуетъ болѣе во мнѣніи, нежели на самомъ дѣлѣ. Я воздерживаюсь подробнымъ разсмотрѣніемъ сего весьма необходимаго преобразованія края сего, осмѣливаясь нынѣ вкратцѣ всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, что для совершенія сего достаточно имѣть изъявленіе священной воли Вашего Императорскаго Величества и благоразумнаго мѣстнаго исполненія, ибо Могилевская губернія, по существу своему, не есть край столь намъ чуждый, чтобы неудобно было оный совершенно слить съ Россіею“. [1]).

Въ другой запискѣ, представленной Михаиломъ Николаевичемъ Государю, онъ указывалъ, какъ на необходимость преподаванія всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, такъ и на устраненіе римско-католическаго духовенства, въ особенности монаховъ разныхъ орденовъ, отъ участія въ образованіи и воспитаніи юношества въ Западныхъ губерніяхъ.

Въ концѣ 1830 года мирная дѣятельность Муравьева по улучшенію административныхъ порядковъ въ Могилевской губерніи должна была пріостановиться. Въ это время въ Царствѣ Польскомъ вспыхнуло возстаніе, которое потомъ распространилось на Литву, Волынь и другія области Западной Руси. Для усмиренія возстанія въ Царствѣ немедленно сформирована была дѣйствующая армія подъ начальствомъ Дибича-Забалканскаго, а

---

[1]) Кропотовъ, стр. 256—257 „Жизнь гр. Муравьева“.

войска, находившіяся въ Западномъ краѣ, поступили въ составъ резервной арміи, надъ которой главнокомандующимъ былъ назначенъ графъ Толстой. По прибытіи въ Витебскъ, Толстой увидѣлъ въ числѣ представлявшихся ему лицъ М. Н. Муравьева и тотчасъ предложилъ ему состоять въ его распоряженіи при штабѣ арміи для исполненія особыхъ порученій. Съ этого времени начинается разнообразная и усиленная дѣятельность Михаила Николаевича, которая доставила ему превосходный случай ознакомиться на практикѣ не только съ общественнымъ строемъ Западнаго края, но съ духомъ его населенія и, главное, съ особенностями польскаго характера. Благодаря необыкновенной наблюдательности, Муравьевъ не оставилъ безъ вниманія ни одной особенности края и пріобрѣлъ обширный запасъ опытности, доставившей ему впослѣдствіи возможность оказать весьма важныя услуги государству. Этотъ періодъ дѣятельности Муравьева важенъ еще въ томъ отношеніи, что онъ теперь уже намѣтилъ всѣ тѣ мѣропріятія, къ которымъ прибѣгалъ потомъ при умиротвореніи Западнаго края въ 1863 году.

Состоя при графѣ Толстомъ для особыхъ порученій, Муравьевъ былъ заваленъ множествомъ дѣлъ самаго разнообразнаго свойства. Онъ долженъ былъ организовать при штабѣ арміи дѣло собиранія свѣдѣній о непріятелѣ и о занятой имъ странѣ, лично руководить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсѣяніемъ мятежныхъ скопищъ, производить дознанія объ участникахъ тогдашнихъ смутъ и, наконецъ, ему ввѣрены были распоряженія по гражданской части. Всѣ эти порученія графа Толстого Муравьевъ выполнилъ необыкновенно быстро и съ полнымъ успѣхомъ. Вотъ какъ характеризуетъ тогдашнюю дѣятельность Михаила Николаевича его біографъ: „Муравьевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ практическихъ администраторовъ, которые стремятся къ достиженію цѣли самыми простыми, уже испытанными и для всѣхъ ясными средствами. Обдумывая свои мѣропріятія, Муравьевъ болѣе всего заботился объ устраненіи всѣхъ недоумѣній и случайностей, заботился о томъ, чтобы осуществленіе было для всѣхъ удобно и легко, неисполненіе невыгодно. Онъ никогда не былъ человѣкомъ злосердымъ или жестокимъ, какимъ его выставляла заграничная печать, хотя въ дѣйствіяхъ своихъ и былъ настойчивъ и твердъ. Превосходно знакомый съ слабостями человѣческой природы, Муравьевъ, во время шляхетскихъ возмущеній 1831 и 1863 годовъ, наводилъ страхъ на неисполнителей своихъ распоряженій не насиліемъ или жестокостью, которыми всегда гнушался, но дѣйствуя нравственно, внушеніемъ опасенія за свое

благосостояніе и поражая штрафами и денежными въ пользу казны взысканіями". [1]).

Эта характеристика вполнѣ приложима и къ послѣдующей дѣятельности М. Н. Муравьева.

Въ 1831 году Михаилъ Николаевичъ переведенъ былъ губернаторомъ въ Гродну, гдѣ прослужилъ до 1835 года.

Ознакомившись вполнѣ основательно съ стремленіями польскаго дворянства и римско-католическаго духовенства во время возстанія, онъ еще съ большей настойчивостью сталъ заботиться о подержаніи православія и русской народности во ввѣренной ему губерніи. Между прочимъ, Муравьевъ оказывалъ содѣйствіе епископу Іосифу Сѣмашко, который тогда занятъ былъ подготовленіемъ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью. Кромѣ того, Муравьеву въ это время пришлось дѣятельно противодѣйствовать попыткамъ поляковъ возбудить новое возстаніе. Такъ, „въ 1833 году", разсказываетъ графъ Михаилъ Николаевичъ въ своихъ запискахъ, „явились въ Западномъ краѣ польскіе эмиссары, отправленные изъ Парижа: они проникли въ Виленскую и Гродненскую губерніи, независимо отъ находившихся не малаго числа въ Царствѣ Польскомъ. Принятыми тогда мною энергическими мѣрами они были скоро схвачены, а вмѣстѣ съ ними и болѣе 200 человѣкъ разныхъ сословій, принимавшихъ ихъ и содѣйствовавшихъ имъ распространять повсюду мятежныя покушенія" [2]).

Такой горячій поборникъ русскихъ интересовъ въ краѣ, такой неутомимый противникъ полонизаціи края, какимъ былъ М. Н. Муравьевъ, естественно былъ не по душѣ полякамъ; въ особенности имъ были крайне непріятны видимые успѣхи въ возстановленіи православія. Однако же М. Н. Муравьеву пришлось оставить Гродненскую губернію лишь въ 1855 г., когда онъ, по волѣ Государя Николая Павловича, переведенъ былъ въ Курскъ военнымъ губернаторомъ для приведенія въ порядокъ губерніи, которою Государь былъ не доволенъ по случаю безпорядковъ, происшедшихъ на дворянскихъ выборахъ.

Время съ 1835 по 1862 годъ графъ М. Н. Муравьевъ пробылъ внѣ Сѣверо-Западнаго края. Въ этотъ періодъ своей дѣятельности онъ былъ сначала Курскимъ губернаторомъ, а потомъ директоромъ департамента податей и сборовъ, главноуправляющимъ межевымъ корпусомъ, предсѣдателемъ департамента удѣ-

---

[1]) Кропотовъ: „Жизнь графа М. Н. Муравьева", стр. 361.

[2]) Русск. Стар., т. 36, стр. 627.

ловъ и, наконецъ, съ 1856 года министромъ Государственныхъ Имуществъ. Послѣднія три должности онъ занималъ одновременно.

Благодаря своему необыкновенному уму, трудолюбію и настойчивости, М. Н. Муравьевъ съ большимъ успѣхомъ выполнялъ возложенныя на него обязанности: онъ лично руководилъ всѣми дѣлами, вникалъ во всѣ подробности и повсюду вносилъ жизнь и одушевленіе. Императоръ Александръ Николаевичъ вполнѣ оцѣнилъ неутомимую дѣятельность Муравьева и, помимо разныхъ наградъ, возвелъ его сначала въ званіе сенатора, а потомъ назначилъ членомъ самаго высшаго правительственнаго учрежденія—Государственнаго Совѣта.

Въ 1862 году М. Н. Муравьевъ вышелъ въ отставку. Достигнувъ уже преклоннаго возраста (ему было тогда 66 лѣтъ) и сильно разстроивъ здоровье, онъ намѣренъ былъ провести послѣдніе годы своей жизни въ тишинѣ и спокойствіи, но скоро оказалось, что вся его предыдущая дѣятельность была лишь предуготовленіемъ къ подвигу, который онъ долженъ былъ совершить на склонѣ дней своихъ. 1-го мая 1863 года Императоръ Александръ II назначилъ М. Н. Муравьева главнымъ начальникомъ шести губерній Сѣверо-Западнаго края, гдѣ тогда вспыхнуло польское возстаніе.

ГЛАВА IV.

Мѣры правительства къ охраненію русской народности отъ польскаго вліянія. — Отношенія Александра II къ полякамъ.—Отношеніе польскаго дворянства къ крестьянской реформѣ. — Виновники польскаго возстанія 1863 года. — Начало вооруженнаго возстанія.—Амнистія.

Послѣ усмиренія польскаго возстанія въ 1831 году, Царство Польское получило новое устройство, сближающее его съ остальной Россіей, а въ западно-русскихъ областяхъ принятъ былъ въ царствованіе Императора Николая 1-го цѣлый рядъ мѣръ къ охраненію русской народности отъ польско-католическаго вліянія. Такъ, закрытъ Виленскій университетъ и Кременецкій лицей; упраздненъ Литовскій статутъ. Уніаты, долго находившіеся подъ властью католичества, возсоединились въ 1839 году съ православною церковью.

При жизни Императора Николая I-го поляки держали себя вообще тихо и скромно. Ему наслѣдовалъ старшій сынъ его, Александръ II, отличавшійся особенною добротою и великодушіемъ. Новый Государь вскорѣ по вступленіи на престолъ про-

стилъ многихъ поляковъ, принимавшихъ участіе въ прежнихъ возстаніяхъ, возвратилъ сосланныхъ изъ Сибири и дозволилъ возвратиться на родину эмигрантамъ, или бѣжавшимъ за границу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ II предоставилъ Царству Польскому цѣлый рядъ правъ и привилегій и поставилъ во главѣ гражданскаго управленія природнаго поляка, маркиза Велепольскаго. Намѣстникомъ Царства былъ тогда князь Горчаковъ, а Виленскимъ генералъ-губернаторомъ Назимовъ. Оба эти правителя, исполняя волю своего Государя, дѣйствовали въ строго примирительномъ духѣ и отличались большой предупредительностью по отношенію къ полякамъ.

Но такой образъ дѣйствія русскихъ властей принятъ былъ поляками за слабость русскаго правительства и способствовалъ еще большему возбужденію ихъ противъ Россіи. Особенно возбудилъ помѣщиковъ-поляковъ нежелательный для нихъ поворотъ въ крестьянской реформѣ. Польскіе помѣщики Западныхъ губерній охотно изъявили свое согласіе на освобожденіе крестьянъ, *но безъ надѣла землею, разсчитывая навсегда удержать ихъ въ экономической зависимости отъ себя.* Они желали, чтобы за помѣщиками оставлено было право суда надъ крестьянами, чтобы помѣщики были назначаемы начальниками волостей съ предоставленіемъ имъ, между прочимъ, надзора за всѣми учебными и благотворительными заведеніями въ предѣлахъ волости; чтобы не было допускаемо установленія крестьянскихъ общинъ, чтобы не было дано крестьянамъ самоуправленія. Однимъ словомъ, они хотѣли удержать крестьянское населеніе (т. е. русскихъ и литвиновъ) въ полной административной и политической зависимости отъ помѣщиковъ.

Къ счастью, желанія польскаго дворянства не были услышаны русскимъ правительствомъ, и *крестьяне были освобождены отъ крѣпостной зависимости съ надѣломъ ихъ землею и самоуправленіемъ.* Поляки увидѣли тогда, что съ освобожденіемъ крестьянъ у нихъ исчезаетъ почва подъ ногами, что освобожденный русскій народъ окончательно и безповоротно сольется съ остальной Россіею, а потому, сдѣлавъ отъ себя все возможное, чтобы ослабить и уничтожить благодѣтельныя послѣдствія манифеста 19 февраля 1861 года, произвели новую попытку возстановить Польское королевство.

Обстоятельства повидимому благопріятствовали осуществленію стремленій поляковъ. Тогда французскій императоръ Наполеонъ III открыто сталъ высказывать, что поляки, по примѣру итальянцевъ,

имѣютъ право требовать объединенія въ одно государство, [1]) а его приближенные, въ особенности министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Валевскій (побочный сынъ Наполеона I и одной польки), прямо побуждали поляковъ къ возстанію. Австрія тоже была расположена къ полякамъ и питала даже надежду, что польскій престолъ, по его возстановленіи, долженъ будетъ перейти къ австрійскому дому. Не менѣе Франціи и Австріи сочувствовала полякамъ и Англія, и ея министры не разъ въ своихъ рѣчахъ рѣзко осуждали несправедливое, по ихъ мнѣнію, поведеніе Россіи относительно Польши. Всѣ эти рѣчи тотчасъ же въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ дѣлались извѣстными полякамъ и побуждали ихъ готовиться къ возстанію.

Подготовительныя работы, въ цѣляхъ возбужденія возстанія, шли почти одновременно въ разныхъ мѣстахъ. Въ Парижѣ существовалъ такъ называемый отель Ламберъ, во главѣ котораго сначала стоялъ извѣстный сотрудникъ Императора Александра I— Адамъ Чарторыйскій, а послѣ его смерти (въ 1861 г.) сынъ его Владиславъ. Отель Ламберъ былъ главнымъ двигателемъ возстанія. Здѣсь преимущественно сосредоточивались польскіе эмигранты, которые болѣе всего содѣйствовали возбужденію поляковъ противъ Россіи, внушая имъ надежды на помощь иностранныхъ государствъ. Затѣмъ въ Краковѣ и Львовѣ подготовляли возстаніе особые комитеты, въ Варшавѣ—такъ называемое земледѣльческое общество, съ графомъ Андреемъ Замойскимъ во главѣ, а въ Вильнѣ, Ковнѣ и другихъ городахъ Западнаго края—нѣсколько магнатовъ.

Первыя враждебныя выходки поляковъ противъ русскаго правительства начались еще въ 1861 году. Эти выходки продолжались въ теченіе всего 1862 года и становились тѣмъ болѣе рѣзкими и возмутительными, чѣмъ благодушнѣе и мягче относилась къ нимъ власть. Наконецъ, въ январѣ 1863 года началось открытое возстаніе. Многочисленныя банды появились въ лѣсахъ Польши, Литвы, Бѣлоруссіи, даже въ Кіевской и Волынской губерніяхъ. Католическое духовенство въ огромномъ большинствѣ не осталось вѣрно присягѣ и не стѣснялось въ самыхъ костелахъ призывать всѣхъ къ оружію: особенно оно фанатизировало женщинъ, а тѣ, въ свою очередь, посылали въ лѣса своихъ сыновей, мужей и братьевъ. Всѣми дѣйствіями возстанія руководили

---

[1]) Въ началѣ своего царствованія Наполеонъ III „провозгласилъ принципъ народностей", въ силу котораго каждая народность должна составлять особое государство, а затѣмъ, въ 1861 г. помогъ итальянцамъ объединиться подъ властью одного короля.

разные тайные комитеты, которые появились не только въ Варшавѣ и Царствѣ Польскомъ, но и во многихъ городахъ Сѣверо-Западнаго края.

Для усмиренія возстанія посланы были войска, которыя дѣятельно начали преслѣдовать польскія банды; но какъ только были разбиты главнѣйшія изъ нихъ, великодушный Императоръ Александръ II пожелалъ остановить кровопролитіе и 12 апрѣля объявилъ амнистію, или прощеніе, всѣмъ тѣмъ, кто сложитъ оружіе до 1-го мая. Казалось, полякамъ ничего болѣе не оставалось, какъ немедленно покориться, но вышло не то, чего можно было ожидать. Въ надеждѣ на помощь извнѣ, поляки не хотѣли слѣдовать призыву Государя. Лишь весьма немногіе изъ повстанцевъ сложили оружіе, а большинство рѣшило продолжать возстаніе какъ можно долѣе, чтобы дождаться вмѣшательства въ польскія дѣла западно-европейскихъ государствъ. Вмѣшательство это дѣйствительно скоро послѣдовало, но оно дало совсѣмъ не тѣ результаты, какихъ ждали отъ него. Лишь только узнала Русь объ этомъ вмѣшательствѣ, она единодушно встала вокругъ трона своего Государя и рѣшилась до послѣдней капли крови отстаивать цѣлость государства. Вмѣшавшіяся державы поняли тогда неумѣстность сдѣланнаго шага и въ концѣ концовъ должны были замолчать, а Императоръ Александръ II рѣшилъ принять самыя энергическія мѣры для подавленія возстанія.

ГЛАВА V.

Назначеніе графа Муравьева Виленскимъ генералъ-губернаторомъ.—Состояніе Сѣверо-Западнаго края до прибытія графа Муравьева. — Пріѣздъ графа Муравьева въ Вильну. — Первыя распоряженія графа Муравьева. — Уничтоженіе вооруженныхъ бандъ военною силою.—Введеніе военно-полицейскаго управленія.—Мѣры для умиротворенія края.—Мѣры по отношенію къ римско-католическому духовенству.

Назначеніе Михаила Николаевича Муравьева главнымъ начальникомъ всего Сѣверо-Западнаго края состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 17 апрѣля 1863 года, въ день рожденія Государя, Муравьевъ прибылъ въ Зимній Дворецъ; тамъ только и говорили о разграбленіи графомъ Плятеромъ транспорта съ оружіемъ подъ Двинскомъ. Государь подошелъ къ Муравьеву и спросилъ его: „Слышали ли вы, что случилось въ Двинскѣ?“ Муравьевъ отвѣтилъ, что слышалъ и что этого ожидать надо было не только въ Двинскѣ, но и вездѣ въ Западныхъ губерніяхъ; при этомъ обратилъ вниманіе Государя на то обстоятельство, что

въ Двинскомъ дѣлѣ замѣшаны тѣ-же фамиліи, которыя участвовали и въ возстаніи 1831 года. Спустя нѣсколько времени братъ Михаила Николаевича Муравьева, Андрей Николаевичъ отправился къ директору азіатскаго департамента, генералу Игнатьеву, чтобы взять себѣ отпускъ въ Кіевъ, и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Игнатьевъ откровенно сталъ высказывать свое мнѣніе о бѣдственномъ положеніи дѣлъ въ Западной Россіи и, между прочимъ, сказалъ: „Покамѣстъ мой родичъ (Назимовъ) будетъ въ Вильнѣ, нечего намъ ожидать тамъ добраго". Андрей Николаевичъ ему возразилъ: „Покамѣстъ не будетъ посланъ туда братъ мой Михаилъ, знающій на опытѣ тотъ край, не будетъ спасенья Литвѣ; ибо уже шла рѣчь о томъ, что если будетъ высадка французовъ въ Курляндіи, то дѣло уже пропало." „Какъ же это можетъ статься?" сказалъ Игнатьевъ: „братъ твой ни за что не согласится, а особенно послѣ послѣднихъ неудовольствій по министерству". „Знаю, что онъ не согласенъ", отвѣчалъ Муравьевъ, ибо я испытывалъ уже его мысль; но на все есть своя манера. Если только Государь безъ всякаго предваренія пошлетъ за нимъ фельдъегера и скажетъ ему: Муравьевъ, отечество въ опасности, спасай его! то какъ конь ретивый и вѣрный сынъ отечества, онъ не можетъ отказаться". Такъ все и случилось. Когда Игнатьевъ высказалъ эту мысль канцлеру Горчакову, а послѣдній Государю, Государь тотчасъ призвалъ къ себѣ Муравьева, и предложилъ ему постъ главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края. „На предложеніе Государя", разсказываетъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ, „я отвѣчалъ, что какъ русскому, было бы безчестно мнѣ отказываться отъ исполненія возлагаемой нынѣ на меня Его Величествомъ обязанности: всякій русскій долженъ жертвовать собою для пользы отечества, и потому я безпрекословно принимаю на себя эту трудную обязанность генералъ-губернатора въ томъ краѣ; что отъ Его Величества будетъ зависѣть приказать мнѣ оставаться тамъ столько времени, сколько онъ найдетъ это нужнымъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ прошу полнаго со стороны Его Величества довѣрія, ибо въ противномъ случаѣ не можетъ быть никакого успѣха. Я съ удовольствіемъ готовъ собою жертвовать для пользы и блага Россіи; но съ тѣмъ вмѣстѣ желаю, чтобы мнѣ были даны и всѣ средства къ выполненію возлагаемой на меня обязанности. При этомъ я выразилъ Его Величеству мое убѣжденіе, что край этотъ искони русскій, что мы сами его ополячили, и что опытъ 1831 г. намъ не послужилъ въ пользу и что теперь надо рѣшительно подавить мятежъ, уничтожить крамолу и возстановить русскую народность и православіе въ краѣ.

разные тайные комитеты, которые появились не только въ Варшавѣ и Царствѣ Польскомъ, но и во многихъ городахъ Сѣверо-Западнаго края.

Для усмиренія возстанія посланы были войска, которыя дѣятельно начали преслѣдовать польскія банды; но какъ только были разбиты главнѣйшія изъ нихъ, великодушный Императоръ Александръ II пожелалъ остановить кровопролитіе и 12 апрѣля объявилъ амнистію, или прощеніе, всѣмъ тѣмъ, кто сложитъ оружіе до 1-го мая. Казалось, полякамъ ничего болѣе не оставалось, какъ немедленно покориться, но вышло не то, чего можно было ожидать. Въ надеждѣ на помощь извнѣ, поляки не хотѣли слѣдовать призыву Государя. Лишь весьма немногіе изъ повстанцевъ сложили оружіе, а большинство рѣшило продолжать возстаніе какъ можно долѣе, чтобы дождаться вмѣшательства въ польскія дѣла западно-европейскихъ государствъ. Вмѣшательство это дѣйствительно скоро послѣдовало, но оно дало совсѣмъ не тѣ результаты, какихъ ждали отъ него. Лишь только узнала Русь объ этомъ вмѣшательствѣ, она единодушно встала вокругъ трона своего Государя и рѣшилась до послѣдней капли крови отстаивать цѣлость государства. Вмѣшавшіяся державы поняли тогда неумѣстность сдѣланнаго шага и въ концѣ концовъ должны были замолчать, а Императоръ Александръ II рѣшилъ принять самыя энергическія мѣры для подавленія возстанія.

ГЛАВА V.

Назначеніе графа Муравьева Виленскимъ генералъ-губернаторомъ.—Состояніе Сѣверо-Западнаго края до прибытія графа Муравьева. — Пріѣздъ графа Муравьева въ Вильну. — Первыя распоряженія графа Муравьева. — Уничтоженіе вооруженныхъ бандъ военною силою.—Введеніе военно-полицейскаго управленія.—Мѣры для умиротворенія края.—Мѣры по отношенію къ римско-католическому духовенству.

Назначеніе Михаила Николаевича Муравьева главнымъ начальникомъ всего Сѣверо-Западнаго края состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ. 17 апрѣля 1863 года, въ день рожденія Государя, Муравьевъ прибылъ въ Зимній Дворецъ; тамъ только и говорили о разграбленіи графомъ Плятеромъ транспорта съ оружіемъ подъ Двинскомъ. Государь подошелъ къ Муравьеву и спросилъ его: „Слышали ли вы, что случилось въ Двинскѣ?“ Муравьевъ отвѣтилъ, что слышалъ и что этого ожидать надо было не только въ Двинскѣ, но и вездѣ въ Западныхъ губерніяхъ; при этомъ обратилъ вниманіе Государя на то обстоятельство, что

въ Двинскомъ дѣлѣ замѣшаны тѣ-же фамиліи, которыя участвовали и въ возстаніи 1831 года. Спустя нѣсколько времени братъ Михаила Николаевича Муравьева, Андрей Николаевичъ отправился къ директору азіатскаго департамента, генералу Игнатьеву, чтобы взять себѣ отпускъ въ Кіевъ, и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. Игнатьевъ откровенно сталъ высказывать свое мнѣніе о бѣдственномъ положеніи дѣлъ въ Западной Россіи и, между прочимъ, сказалъ: „Покамѣстъ мой родичъ (Назимовъ) будетъ въ Вильнѣ, нечего намъ ожидать тамъ добраго". Андрей Николаевичъ ему возразилъ: „Покамѣстъ не будетъ посланъ туда братъ мой Михаилъ, знающій на опытѣ тотъ край, не будетъ спасенья Литвѣ; ибо уже шла рѣчь о томъ, что если будетъ высадка французовъ въ Курляндіи, то дѣло уже пропало." „Какъ же это можетъ статься?" сказалъ Игнатьевъ: „братъ твой ни за что не согласится, а особенно послѣ послѣднихъ неудовольствій по министерству". „Знаю, что онъ не согласенъ", отвѣчалъ Муравьевъ, ибо я испытывалъ уже его мысль; но на все есть своя манера. Если только Государь безъ всякаго предваренія пошлетъ за нимъ фельдъегера и скажетъ ему: Муравьевъ, отечество въ опасности, спасай его! то какъ конь ретивый и вѣрный сынъ отечества, онъ не можетъ отказаться". Такъ все и случилось. Когда Игнатьевъ высказалъ эту мысль канцлеру Горчакову, а послѣдній Государю, Государь тотчасъ призвалъ къ себѣ Муравьева, и предложилъ ему постъ главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края. „На предложеніе Государя", разсказываетъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ, „я отвѣчалъ, что какъ русскому, было бы безчестно мнѣ отказываться отъ исполненія возлагаемой нынѣ на меня Его Величествомъ обязанности: всякій русскій долженъ жертвовать собою для пользы отечества, и потому я безпрекословно принимаю на себя эту трудную обязанность генералъ-губернатора въ томъ краѣ; что отъ Его Величества будетъ зависѣть приказать мнѣ оставаться тамъ столько времени, сколько онъ найдетъ это нужнымъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ прошу полнаго со стороны Его Величества довѣрія, ибо въ противномъ случаѣ не можетъ быть никакого успѣха. Я съ удовольствіемъ готовъ собою жертвовать для пользы и блага Россіи; но съ тѣмъ вмѣстѣ желаю, чтобы мнѣ были даны и всѣ средства къ выполненію возлагаемой на меня обязанности. При этомъ я выразилъ Его Величеству мое убѣжденіе, что край этотъ искони русскій, что мы сами его ополячили, и что опытъ 1831 г. намъ не послужилъ въ пользу и что теперь надо рѣшительно подавить мятежъ, уничтожить крамолу и возстановить русскую народность и православіе въ краѣ.

Говоря о политическомъ и нравственномъ положеніи края, я ссылался Его Величеству на пріобрѣтенный мною опытъ въ распознаніи польскаго характера и враждебномъ его противъ Россіи направленіи; что въ бытность мою въ томъ краѣ, т. е. въ Витебскѣ—вице-губернаторомъ, въ Могилевѣ и въ Гроднѣ—губернаторомъ, и находившись во время всего похода 1831 года въ Литвѣ при главнокомандующемъ графѣ Толстомъ, который ввѣрилъ мнѣ всѣ распоряженія по гражданской части во время мятежа, я могъ узнать какъ тотъ край, такъ и революціонные замыслы и польскія крамолы".

„На все это Государь мнѣ отвѣтствовалъ, что онъ меня благодаритъ за самоотверженіе и готовность принять эту трудную обузу, что онъ вполнѣ раздѣляетъ мой образъ мыслей, предлагаемую систему и отъ оной не отступитъ." [1]).

1 мая 1863 года подписанъ былъ Государемъ приказъ о назначеніи М. Н. Муравьева генералъ-губернаторомъ шести губерній Сѣверо-Западнаго края. Русское общество отнеслось къ этому назначенію вполнѣ сочувственно. „Общественное мнѣніе," по свидѣтельству одного современника, „пришло тогда къ убѣжденію, что для тушенія польскаго пожара недостаточно мѣръ кротости, поэтому имя Муравьева невольно сказалось повсюду. Все говорило, что дѣло усмиренія будетъ имъ поведено энергично, репутація его въ этомъ отношеніи была упрочена, и всякій вмѣстѣ съ тѣмъ былъ увѣренъ, что подъ его управленіемъ значеніе русскаго имени будетъ поднято. Дѣятельность этого человѣка была изумительна, да онъ умѣлъ и подчиненнымъ прибавить энергіи" [2]).

Послѣ назначенія своего Виленскимъ генералъ-губернаторомъ, Муравьевъ оставался въ Петербургѣ болѣе недѣли. Онъ формировалъ новый составъ служащихъ при генералъ-губернаторѣ, входилъ въ сношенія на счетъ различныхъ мѣропріятій съ министрами и былъ нѣсколько разъ съ докладами у Государя въ Царскомъ Селѣ, а передъ отъѣздомъ представился Государынѣ, которая благодарила его за рѣшимость и самоотверженіе. Наконецъ 12 мая, помолившись въ Казанскомъ соборѣ, М. Н. Муравьевъ отправился въ Вильну.

До пріѣзда Муравьева въ Сѣверо-Западномъ краѣ польское возстаніе было въ полномъ разгарѣ. „Несмотря на постоянныя битвы и стычки нашихъ войскъ съ мятежниками," говоритъ одинъ современникъ, „въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1863 года

---

[1]) *Русск. Стар. т. 36, стр. 395—396.*

[2]) *Бутковскій: «Изъ моихъ воспоминаній»* Историч. Вѣ

весь край былъ уже объятъ мятежомъ. Въ Ковенской и Гродненской губерніяхъ мятежники распоряжались, какъ у себя дома, шайки ихъ бродили подъ стѣнами Вильны [1]."

Еще обстоятельнѣе знакомитъ насъ съ положеніемъ Сѣверо-Западнаго края самъ М. Н. Муравьевъ. „Всѣ шесть губерній," разсказываетъ онъ въ своихъ [illegible] „были охвачены пламенемъ мятежа; правительство [illegible] гдѣ уже не существовало; войска нашъ [illegible] лись только въ городахъ, откуда дѣлались [illegible] на Кавказѣ въ горы; всѣ же деревни, села и [illegible] кахъ мятежниковъ. Русскихъ людей почти [illegible] всѣ гражданскія должности были заняты [illegible] пѣлъ мятежъ, ненависть и презрѣніе къ нимъ [illegible] власти и правительству; надъ распоряженіями [illegible] тора смѣялись и никто ихъ не исполнялъ. [illegible] вездѣ и даже въ самой Вильнѣ революціонные [illegible] уѣздныхъ городахъ окружные и парафіальные [illegible] цѣлыя полныя гражданскія управленія, [illegible] ные революціонные трибуналы, полиція и жандармы, [illegible] цѣлая организація, которая безпрепятственно, [illegible] вала, собирала шайки, образовывала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [illegible] регулярное войско, вооружала, продовольствовала, [illegible] дати на мятежъ, и все это дѣлалось гласно для всего польскаго населенія и оставалось тайною только для одного нашего правительства. Надо было со всѣмъ этимъ бороться, а съ тѣмъ вмѣстѣ и уничтожать вооруженный мятежъ, который болѣе всего занималъ правительство. Генералъ-губернаторъ ничего этого не видалъ; русскія власти чувствовали только свое безсиліе и вообще презрѣніе къ нимъ поляковъ, ознаменовавшееся всевозможными дерзостями и неуваженіемъ даже къ самому войску, которому приказано было все терпѣть и переносить съ самоотверженіемъ; такъ все это переносили русскіе, и даже само семейство генералъ губернатора было почти оплевано поляками...."

„Въ Вильну были вызваны всѣ почти помѣщики и мировые посредники въ февралѣ 1863 г., будто бы для обсужденій по крестьянскому дѣлу; но на этомъ и на подобномъ же съѣздѣ въ Ковнѣ были положены начала для дѣйствій по мятежу и соединились обѣ партіи, такъ называемыхъ бѣлыхъ и красныхъ, при чемъ избраны для губернскихъ и уѣздныхъ городовъ по два делегата, которые бы наблюдали за дѣйствіями предводителей

---

[1]) «Виленскіе очерки». Русск. Старина, т. 40, стр. 185.

дворянства и самого правительства — и все это дѣлалось явно въ глазахъ того же правительства“ [1]).

Въ этомъ описаніи польскаго возстанія въ Западныхъ губерніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія. Правда, самыя большія банды, какъ Сѣраковскаго и Колышки, были уже разсѣяны, но поляки быстро собирали новыя скопища повстанцевъ и упорно продолжали борьбу. Изъ офиціальныхъ данныхъ видно, что въ теченіе 1863 года въ Сѣверо-Западномъ краѣ у русскихъ войскъ съ польскими бандами было около 70 „дѣлъ“, изъ которыхъ только 25 произошли во время управленія краемъ Назимова, а всѣ остальныя при Муравьевѣ [2]).

Въ такомъ безвыходномъ положеніи находился Сѣверо-Западный край, когда Муравьевъ отправился въ Вильну. Дорогою онъ останавливался для отдыха въ Двинскѣ, и здѣсь въ присутствіи дворянъ, а также военныхъ и гражданскихъ чиновъ впервые высказалъ свой взглядъ на ту систему, которою намѣренъ былъ руководствоваться въ своихъ будущихъ дѣйствіяхъ по умиротворенію края. 14 мая въ 3 часа по полудни Муравьевъ прибылъ въ Вильну, а на слѣдующій день, помолившись въ Николаевскомъ соборѣ и посѣтивши литовскаго митрополита Іосифа, сдѣлалъ общій пріемъ чиновниковъ, духовенства и вообще всѣхъ городскихъ сословій. „Военные встрѣтили меня“, разсказываетъ Муравьевъ, „съ большимъ радушіемъ и радостію, особенно гвардейцы 2-й пѣхотной дивизіи, ибо они увѣрены были, что съ моимъ прибытіемъ измѣнится система управленія, и поляки, дотолѣ горделивые и дозволявшіе себѣ всевозможныя грубости и невѣжливость при встрѣчѣ съ русскими, скоро смирятся. Гражданскіе чины, кромѣ русскихъ, бывшихъ въ небольшомъ числѣ, встрѣтили меня съ видимымъ неудовольствіемъ, а въ особенности предводители дворянства и городское общество, преимущественно католическое. Евреи же играли двусмысленную роль и выказывали будто бы радость, но это было притворно, ибо они вездѣ тайно содѣйствовали мятежу и даже помогали оному деньгами. Римско-католическое духовенство было принято мною въ особой залѣ, и на лицахъ, и изъ разговоровъ ихъ, въ особенности же епископа Красинскаго, замѣтна была полная увѣренность, что я не успѣю подавить мятежъ. Я всѣмъ представлявшимся высказалъ предназначенную себѣ систему дѣйствій, т. е. строгое и справедливое преслѣдованіе мятежа и крамолы, не взирая ни

---

[1]) *«Зап. гр.* Мур.» Русск. Стар., т. 36, стр. 399.

[2]) *Н. Цыловъ. „Сбор. распор.* гр. Муравьева“, стр. 306—311.

на какія лица, и потому выражалъ надежду найти въ нихъ самыхъ усердныхъ помощниковъ, при чемъ совѣтовалъ тѣмъ, которые не раздѣляютъ этихъ убѣжденій, оставить службу, ибо въ противномъ случаѣ я самъ немедленно ихъ отъ оной уволю и предамъ законной отвѣтственности. Всѣ они болѣе молчали, вѣроятно, желая убѣдиться на опытѣ въ твердости моихъ намѣреній и не буду ли я вынужденъ уступить и подчиниться другой системѣ.“ [1])

„Общее впечатлѣніе“, говоритъ одинъ очевидецъ, „произведенное генералъ-губернаторомъ, было самое сильное; всѣ увидѣли предъ собою человѣка твердаго и проницательнаго; тутъ уже не приходилось шутить и надо было переходить въ тотъ или другой лагерь, но всѣ еще ждали за словами дѣйствій и они не заставили себя долго ждать“ [2]).

Уже первыя распоряженія М. Н. Муравьева ясно показали всѣмъ, что въ краѣ явилась крѣпкая русская власть, которая не боится никакихъ повстанцевъ и которая не можетъ терпѣть нарушенія мира съ оружіемъ въ рукахъ.

До пріѣзда М. Н. Муравьева много было взято подъ стражу лицъ, принимавшихъ участіе въ мятежѣ. „Ими наполнены были“, разсказываетъ графъ Муравьевъ, всѣ тюрьмы, но къ сожалѣнію по большей части ихъ дѣла не были окончены, даже начаты. О тѣхъ же личностяхъ, кои были приговорены военными судами, не было постановлено конфирмацій, ибо опасались строгостью раздражить мятежниковъ. Желая, напротивъ того, показать полякамъ, что правительство наше ихъ не страшится, я“, продолжаетъ далѣе графъ, „немедленно занялся разсмотрѣніемъ приговоровъ о болѣе важныхъ преступникахъ, конфирмовалъ ихъ и немедленно приказалъ исполнить приговоры въ Вильнѣ на торговой площади, въ самый полдень и съ оглашеніемъ по всему городу съ барабаннымъ боемъ“. [3]) Прежде всего казнены были два ксендза, потомъ нѣсколько видныхъ предводителей бандъ, какъ, напримѣръ, Сѣраковскій, бывшій офицеръ генеральнаго штаба. Подвергались казнямъ и дезертировавшіе въ лѣса русскіе офицеры, жандармы вѣшатели и вообще всѣ участники въ политическихъ убійствахъ. „Поляки не вѣрили, что я рѣшусь на это“, говоритъ Муравьевъ, „но когда увидѣли исполненіе сего на дѣлѣ, а не на словахъ, всѣхъ ихъ обуялъ страхъ“. [4]) Дѣйствительно,

---

[1]) Русск. Стар., т. 36, стр. 402.

[2]) „Виленскіе очерки“ Русск. Стар., т. 40, стр. 193.

[3]) Русск. Стар., т. 336, стр. 406.

[4]) Русск. Стар., т. 96, стр. 407.

многіе изъ руководителей возстанія подъ вліяніемъ страха или бѣжали, или отказались отъ своей преступной дѣятельности.

Въ первые же дни пребыванія М. Н. Муравьева въ Вильнѣ приняты были вполнѣ цѣлесообразныя мѣры для очищенія края отъ повстанскихъ шаекъ. На первомъ планѣ, конечно, стояли военныя мѣры. М. Н. Муравьевъ позаботился о болѣе правильномъ распредѣленіи войскъ на огромномъ пространствѣ ввѣреннаго ему края, снабдилъ военныхъ начальниковъ обстоятельными инструкціями и потребовалъ отъ нихъ самыхъ быстрыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій. Такъ, въ одномъ приказѣ Муравьевъ предписываетъ военнымъ начальникамъ губерній, „чтобы войска не оставались безвыходно въ городахъ или другихъ пунктахъ уѣздовъ, но безпрестанно производили движенія по ихъ раіону, ограждая жителей отъ насилій, производимыхъ мятежниками, и водворяя вездѣ спокойствіе“ [1]); въ другомъ внушаетъ начальникамъ отрядовъ, „что они должны рѣшительно дѣйствовать для разбитія шаекъ и преслѣдовать ихъ по пятамъ, неотступно и настойчиво, до совершеннаго разсѣянія и уничтоженія“ [2]); въ третьемъ приказываетъ сформировать „мелкіе летучіе отряды“ и т. д. Особенно Муравьевъ настаивалъ на быстротѣ дѣйствій.

Рѣшительными своими дѣйствіями М. Н. Муравьевъ много ободрилъ войска, и не только офицеры, но и солдаты съ особеннымъ рвеніемъ стали разыскивать и преслѣдовать вооруженныя скопища повстанцевъ. Особенно отличились гвардейцы. „Я въ нихъ нашелъ“, говорилъ Муравьевъ, „самыхъ дѣятельныхъ и благоразумныхъ сотрудниковъ. Они съ радушіемъ принимали всѣ возложенныя на нихъ обязанности какъ военныя, такъ и гражданскія и исполняли ихъ отлично“. Но однѣхъ военныхъ мѣръ было недостаточно для полнаго умиротворенія края. И до пріѣзда Михаила Николаевича Муравьева въ Вильну войска не бездѣйствовали и разбивали повстанцевъ, но эти пораженія не уничтожали мятежа, такъ какъ мятежъ безпрепятственно находилъ себѣ поддержку среди помѣщиковъ и ксендзовъ, и вслѣдствіе этого вмѣсто одной разбитой шайки легко формировалась другая. Для усмиренія края нужно было достигнуть того, чтобы присутствіе въ краѣ сильной русской власти чувствовалась въ каждой деревнѣ, каждой околицѣ, чтобы населеніе, вѣрное Государю, всегда могло найти себѣ защиту отъ повстанцевъ, чтобы злоумышленники чувствовали, что за ними зорко слѣдитъ власть.

---

[1]) Циркул. отъ 26 мая 1863 г.

[2]) Циркул. отъ 11 іюня 1863 г.

Этой цѣли М. Н. Муравьевъ и достигъ посредствомъ учрежденія строгаго военно-полицейскаго управленія. Во главѣ каждаго уѣзда поставленъ былъ „военный уѣздный начальникъ“, извѣстный своею дѣятельностью и распорядительностью. Военнымъ уѣзднымъ начальникамъ подчинялись всѣ войска, въ ихъ уѣздахъ находящіяся и всѣ гражданскія власти: исправники, становые пристава, городничіе и всѣ вообще чины полиціи. Спустя три мѣсяца, уѣзды раздѣлены были еще на особые участки, во главѣ которыхъ постановлены „военные становые начальники“, а еще черезъ три мѣсяца, т. е. въ концѣ ноября 1863 года, учреждены „уѣздныя жандармскія команды“. Вмѣстѣ съ тѣмъ введены были во многихъ уѣздахъ „военно-слѣдственныя комиссіи“, независимо отъ таковыхъ во всѣхъ губернскихъ городахъ.

Военно-полицейское управленіе устроено было на основаніи „инструкціи отъ 24 мая“, данной военнымъ уѣзднымъ начальникамъ. Этой инструкціей и тремя къ ней дополненіями принятъ былъ для умиротворенія края цѣлый рядъ мѣръ, изъ которыхъ наиболѣе важны слѣдующія: 1) Повсюду сформированы были изъ крестьянъ сельскіе караулы; они располагались въ селеніяхъ, корчмахъ, на дорогахъ и обязаны были наблюдать за всѣми проходящими и проѣзжающими и не давать никому пропуска безъ вида и билета, а также оказывать содѣйствіе войскамъ въ преслѣдованіи вооруженныхъ бандъ. 2) Воспрещалось всѣмъ мѣстнымъ жителямъ, кромѣ крестьянъ, отлучаться изъ мѣста жительства на разстояніе болѣе 30 верстъ безъ особыхъ видовъ. 3) Заведены были по уѣздамъ обывательскія книги, въ которыя вносились всѣ помѣщики, ксендзы, шляхта и вообще всѣ служащіе въ дворовыхъ управленіяхъ, а также арендаторы имѣній и фермъ; такія же книги заведены были и по городамъ для городскихъ жителей. 4) Отнято было оружіе у всѣхъ помѣщиковъ, у шляхты, однодворцевъ, ксендзовъ и городскихъ жителей, исключая изъ поименованныхъ выше званій и сословій русскихъ и тѣхъ лицъ, за благонадежность которыхъ ручалось мѣстное начальство. 5) Воспрещены всякія противоправительственныя манифестаціи и, между прочимъ, ношеніе траура и разныхъ революціонныхъ знаковъ (металлическія пряжки съ соединеннымъ гербомъ Польши и Литвы, переломленный крестъ въ терновомъ вѣнкѣ и пр.). 6) Вмѣнено было всѣмъ начальникамъ учебныхъ заведеній неупустительно слѣдить за порученными ихъ надзору воспитанниками и о каждомъ случаѣ своеволія доносить немедленно въ губернскихъ городахъ начальникамъ губерній, а въ уѣздныхъ и другихъ—мѣстнымъ военнымъ начальникамъ для принятія надлежащихъ мѣръ

къ обузданію виновныхъ. 7) Установленъ былъ строгій надзоръ за типографіями, литографіями, фотографическими заведеніями, за рѣзчиками печатей, за лѣсной стражей, за евреями, выѣзжающими за границу, такъ какъ „они принимали на себя передачу разныхъ порученій отъ здѣшнихъ къ заграничнымъ революціонерамъ“ и т. д.

Наблюдая за исполненіемъ этихъ требованій всѣми обывателями данной мѣстности, чины военно-полицейскаго управленія въ особенности должны были смотрѣть за шляхтою и ксендзами, которые больше всего поддерживали мятежъ. Они должны были зорко смотрѣть, чтобы помѣщики отнюдь не формировали бандъ, не оказывали бандамъ помощи и содѣйствія доставленіемъ имъ съѣстныхъ припасовъ, сообщеніемъ свѣдѣній о движеніи войскъ и т. п. За каждое нарушеніе полицейскихъ правилъ помѣщики не только подвергались штрафамъ, но во многихъ случаяхъ и уголовной отвѣтственности. Независимо отъ этого Муравьевъ призналъ вполнѣ справедливымъ возложить на помѣщиковъ поляковъ возмѣщеніе всѣхъ убытковъ, причиненныхъ возстаніемъ казнѣ и сельскимъ обществамъ, поэтому онъ обязалъ ихъ давать въ казну десять процентовъ съ получаемаго ими дохода отъ удобныхъ земель и одинъ процентъ съ капитальной стоимости принадлежащихъ имъ въ городахъ домовъ, снабжать войска продовольствіемъ и подводами, пополнять разграбленные сельскіе магазины и крестьянскіе мірскіе капиталы, а въ случаѣ личнаго участія помѣщиковъ поляковъ въ возстаніи, имѣнія ихъ подвергать секвестру, или временному отнятію къ казну, и конфискаціи, или полному обращенію въ казенную собственность.

Римско-католическое духовенство въ глазахъ М. Н. Муравьева было первымъ элементомъ мятежа. Поэтому вскорѣ по пріѣздѣ въ Вильну онъ счелъ нужнымъ написать римско-католическому епископу слѣдующее: „Изъ дѣлъ, представленныхъ ко мнѣ слѣдственными комиссіями, я усматриваю, что по донесеніямъ начальниковъ отрядовъ, а также по показаніямъ плѣнныхъ, самое живое и дѣятельное участіе въ возбужденіи народа къ мятежу принимаетъ здѣшнее католическое духовенство, объявляя въ костелахъ революціонные манифесты, приводя къ присягѣ вербуемыхъ мятежниками сообщниковъ, присоединяясь къ шайкамъ, въ которыхъ не разъ встрѣчались они съ нашими войсками при перестрѣлкахъ, и, наконецъ, предводительствуя нѣкоторыми изъ шаекъ“. [1]).

---

[1]) Изъ письма Муравьева епископу Красинскому отъ 26-го мая 1863 года. Цыловъ: „Сборн. распор. гр. Муравьева“, стр. 32.

Такое дѣятельное участіе въ возстаніи римско-католическаго духовенства заставило рѣшительнаго начальника края прибѣгнуть къ самымъ строгимъ мѣрамъ и подвергнуть, по приговору военнаго суда, смертной казни двухъ ксендзовъ. Но Муравьевъ „желалъ искренно", какъ онъ самъ выражается, „имѣть возможность не прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ", поэтому просилъ епископа Красинскаго употребить свое архипастырское содѣйствіе къ внушенію подвѣдомственному ему духовенству, „чтобы оно, помня призваніе свое, возложенное на него духовнымъ саномъ, и святость вѣрноподданнической присяги, оставило свои преступныя дѣйствія, и чтобы служители алтаря, которые обязаны, не страшась угрозъ, ни самой смерти, пребывать вѣрными своему долгу, старались проповѣдью и примѣромъ своимъ, вмѣсто возбужденія народа къ преступнымъ дѣйствіямъ, вразумлять тѣхъ, которые, забывъ долгъ чести, совѣсти и присягу, увлечены въ мятежъ или сдѣлались его руководителями" [1]). Но епископъ Красинскій, „отличавшійся", по словамъ одного современника, „особеннымъ нерасположеніемъ къ правительству и полнымъ сочувствіемъ къ мятежу" [2]), сказался больнымъ и уклонился отъ всякаго отвѣта. Тогда Муравьевъ выслалъ его въ Вятку и издалъ цѣлый рядъ распоряженій, которыми всѣ дѣйствія римско-католическаго духовенства подчинилъ строжайшему контролю правительства. Такъ, для пріема въ римско-католическую семинарію каждаго новаго воспитанника требовалось разрѣшеніе не только губернатора, но и генералъ-губернатора [3]); наблюденіе за ученіемъ и вообще за порядкомъ въ семинаріи поручалось двумъ прелатамъ мѣстнаго капитула, которые прежде выпуска предназначенныхъ къ рукуположенію клериковъ, должны были сообщать губернатору подробныя свѣдѣнія о ихъ благонадежности [4]); назначенія ксендзовъ на должности декановъ, настоятелей приходовъ, викаріевъ и капеллановъ не могли состояться безъ предварительнаго согласія губернатора [5]); разъѣзды духовенства внѣ предѣловъ приходовъ и деканатовъ допускались только въ случаѣ признанной необходимости по офиціальнымъ ходатайствамъ и по билетамъ уѣздныхъ исправниковъ на срокъ не болѣе семи дней [6]); проповѣди разрѣшалось произносить

---

[1]) Изъ письма Муравьева епископу Красинскому отъ 26 мая 1863 года.

[2]) „Виленскіе очерки": Русск. Стар., т. 40, стр. 193.

[3]) Цирк. отъ 22 іюня 1864 г.

[4]) Цирк. отъ 11 іюля 1864 г.

[5]) Циркул. отъ 24 іюля 1864 г. № 62.

[6]) Циркул. отъ 11 іюля 1864 г. № 73.

только тѣ, которыя будутъ напечатаны съ одобренія духовнаго начальства, а въ случаѣ желанія кого-либо изъ ксендзовъ говорить проповѣдь своего сочиненія, дозволялось это не иначе, какъ по предварительномъ разсмотрѣніи этого сочиненія особыми цензорами, назначенными, съ разрѣшенія генералъ-губернатора, изъ членовъ капитула консисторіи и декановъ [1]). Послѣднее распоряженіе вскорѣ однако было отмѣнено. Оказалось, что ксендзы во многихъ мѣстахъ произносили проповѣди двусмысленнаго содержанія, поэтому для предупрежденія подобныхъ злоупотребленій предложено было ксендзамъ читать проповѣди только по книгамъ Бялобржецкаго и Филипецкаго, изданнымъ въ Вильнѣ въ 1838 году и одобреннымъ епископомъ Клонгевичемъ [2]). Наконецъ, для ослабленія вліянія римско-католическаго духовенства на населеніе края, упразднены были благотворительныя общества (трезвости, винцентинокъ и др.), которыя подъ видомъ благотворительности и улучшенія народной нравственности имѣли цѣлію содѣйствовать возстанію, а также закрыто было до 30 католическихъ монастырей и значительное число филій (приписныхъ костеловъ) и каплицъ.

ГЛАВА VI.

Возстановленіе спокойствія въ краѣ.—Празднованіе дня тезоименитства Государыни Императрицы.—Всеподданнѣйшій адресъ Виленскаго дворянства. Всеподданнѣйшіе адресы дворянъ другихъ губерній. — Депутація крестьянъ Августовской губерніи.—Покушеніе на жизнь вилен. предв. дворянства Домейко.—Статья „Виленскаго Вѣстника“ въ день 1 января 1864 г. — Начало новаго періода въ управленіи краемъ гр. Муравьева.—Значеніе мѣръ строгости гр. Муравьева.

Неумолимая строгость, рѣшительныя военныя дѣйствія и, самое главное, цѣлесообразныя административныя распоряженія М. Н. Муравьева быстро ослабили силу мятежа, и уже въ концѣ іюля русскіе люди, по выраженію современника, „могли вздохнуть свободно“. Особенно сильно проявилось торжество русской власти въ Вильнѣ въ день тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Александровны, 22 іюля. „Это былъ первый офиціально торжественный день“, разсказываетъ одинъ очевидецъ, „наступившій послѣ долго продолжавшейся упорной борьбы законнаго правительства съ мятежомъ, а потому отличался особеннымъ характеромъ. Къ 10-ти часамъ утра всѣ мѣстныя власти и пред-

---

[1]) Циркул. отъ 11 сентября 1864 г. за № 2865.

[2]) Циркул. отъ 22 ноября 1864 г. за № 3727.

ставители всѣхъ сословій наполнили залы дворца, и передъ началомъ обѣдни генералъ-губернаторъ обошелъ присутствующихъ. Большая малиновая гостиная, гдѣ обыкновенно дѣлались пріемы, была наполнена гвардейцами: тутъ былъ весь Преображенскій полкъ, незадолго прибывшій, лейбъ-уланы и лейбъ-драгуны, собранные въ Вильну для возвращенія въ скоромъ времени въ столицу. День былъ чудесный, и окна дворца были открыты. Генералъ-губернаторъ былъ очень ласковъ съ гвардейцами и предупредилъ ихъ, что скоро пошлетъ въ экспедицію. Дворянамъ онъ сказалъ нѣсколько простыхъ, но сильныхъ и внушительныхъ словъ.... Евреямъ генералъ-губернаторъ не довѣрялъ, но всегда обращался къ нимъ съ нѣсколькими словами, напоминая о неусыпномъ исполненіи вѣрноподданническихъ обязанностей; римско-католическое духовенство было еще очень смущено недавними казнями ксендзовъ и высылкою своего главы. Послѣ пріема генералъ-губернаторъ пригласилъ всѣхъ представлявшихся послѣдовать за нимъ въ соборную церковь для слушанія литургіи и молебствія. Давно уже нашъ православный соборъ не представлялъ такого блистательнаго зрѣлища. Богослуженіе совершали: епископы ковенскій—Александръ и брестскій—Игнатій (викаріи Литовской епархіи), 2 архимандрита и 4 протоіерея. Когда же началось молебствіе и духовенство направилось къ амвону — впереди всѣхъ показался знаменитый литовскій митрополитъ Іосифъ. Весь соборъ былъ наполненъ служащими и даже нѣсколькими дворянами; всѣ были въ мундирахъ; въ лѣвомъ углу помѣщалась небольшая группа русскихъ дамъ; передъ соборомъ на площадкѣ были построены: Преображенскаго и Семеновскаго полковъ роты Его Величества и спѣшенные эскадроны лейбъ-уланъ и драгунъ. Толпа народа вокругъ была необозримая, и все это было залито сіяніемъ іюльскаго солнца. Послѣ молебна загудѣли колокола, въ цитадели загремѣли пушки и, по выходѣ начальника края изъ собора, пронеслось по площади и въ толпѣ народа несмолкаемое „ура.“ „Это не былъ обыкновенный праздникъ“, замѣчаетъ тотъ же очевидецъ: „всякій чувствовалъ, что тутъ совершаются историческія событія и, хотя все это представляло лишь внѣшнее торжество русской силы, но въ немъ видимо было и чувствовалось то новое направленіе, которому должны будутъ слѣдовать въ краѣ грядущія поколѣнія“ [1]). Такъ же торжественно прошелъ и день рожденія Государыни Императрицы, 27 іюля, но онъ ознаменовался еще весьма важнымъ событіемъ.

[1]) „Виленскіе очерки (изъ воспоминаній очевидца)“ Русск. Стар., т. 40, стр. 393—394.

Въ этотъ день, во время пріема въ генералъ-губернаторскомъ дворцѣ, Виленское дворянство черезъ депутацію изъ 15 человѣкъ, имѣвшую въ главѣ губернскаго предводителя дворянства Домейко, представило М. Н. Муравьеву всеподданнѣйшее на имя Государя Императора письмо съ выраженіемъ раскаянія и съ заявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Минута была торжественная. Генералъ-губернаторъ принялъ адресъ, подписанный уже 230 почетнѣйшими дворянами, и согласился представить его Государю, но вмѣстѣ съ тѣмъ напомнилъ дворянамъ, какую важность должно имѣть это заявленіе: теперь они должны доказать своими дѣйствіями, что навсегда отрекаются отъ революціонной партіи и что во всемъ намѣрены содѣйствовать правительству для возстановленія спокойствія въ краѣ.

По примѣру Виленскаго дворянства и отъ другихъ губерній стали прибывать депутаціи съ представленіемъ всеподданнѣйшихъ адресовъ. 26 августа представило адресъ Ковенское дворянство за 500 подписями, въ половинѣ сентября Гродненское, а въ концѣ сентября и Минское. Нѣсколько запоздали адресы отъ губерній Витебской и Могилевской, особенно отъ послѣдней. Принимая Могилевское дворянство, Муравьевъ выразилъ сожалѣніе, что губернія эта такъ поздно приступила къ настоящему заявленію и, между прочимъ, замѣтилъ: „для меня отрицательное положеніе дворянства во время мятежа равняется положительному въ немъ участію“ [1]).

Дѣятельно заботясь о прекращеніи смутъ во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ, графъ Муравьевъ долженъ былъ принять въ свое вѣдѣніе и одну изъ губерній Царства Польскаго. 6 августа къ нему явилась многочисленная крестьянская депутація изъ Маріампольскаго уѣзда Августовской губерніи и представила прошеніе отъ пяти тысячъ крестьянъ о принятіи ихъ подъ свою защиту. Вотъ это замѣчательное прошеніе.

„Генералъ! Мы крестьяне общества Зыпле, Царства Польскаго, Августовской губерніи, Маріампольскаго уѣзда прибѣгаемъ со всепокорнѣйшей просьбой къ тебѣ, генералъ, спаси насъ! Плачевное положеніе наше достойно сожалѣнія. Настоящій мятежъ и волненія въ краѣ приписываютъ полякамъ; это клевета: мы поляки, всегда были и будемъ вѣрными подданными нашего Всемилостивѣйшаго Государя; нарушителями же спокойстія суть низкіе люди, которыхъ можно найти въ каждомъ народѣ. Крайность заставляетъ насъ обратиться къ тебѣ, генералъ; знаемъ,

---

[1]) „Виленскіе очерки“. Рус. Стар., т. 40, стр. 585.

что наша губернія принадлежитъ къ другому управленію, но что же намъ остается дѣлать, несчастнымъ, когда край нашъ вмѣсто того, чтобы смириться, еще болѣе волнуется; слыша, что край, ввѣренный тебѣ, генералъ, твоею заботой успокоенъ и въ немъ водворенъ порядокъ, мы еще разъ повторяемъ нашу покорнѣйшую просьбу, прими насъ подъ свое покровительство. Пусть дадутъ намъ войско, и мы пойдемъ вмѣстѣ съ нимъ, будемъ сражаться до послѣдней капли крови и докажемъ на дѣлѣ нашу любовь и приверженность ко Всемилостивѣйшему нашему Монарху и ненависть нашу къ мятежникамъ. Мятежники, зная нашу привязанность къ Государю, будутъ стараться отомстить намъ, а потому просимъ тебя, генералъ, удостой принять насъ подъ свое покровительство и пришли войска для нашей обороны. Еще разъ умоляемъ тебя, генералъ, возьми насъ къ себѣ, тогда и нашъ край успокоится, какъ Литва. Мы вѣрны нашему Государю и не желаемъ безпорядковъ. Уполномоченные отъ имени цѣлаго общества Зыпле Августовской губерніи". (Слѣдуютъ подписи 25 депутатовъ) [1]).

Графъ Муравьевъ согласился принять ихъ подъ свою защиту и послалъ къ нимъ войско, а скоро послѣдовало Высочайшее повелѣніе о подчиненіи ему въ административномъ отношеніи Августовской губерніи на время существованія военнаго положенія.

Такой быстрый и рѣшительный успѣхъ мѣропріятій графа Муравьева побудилъ „народовый ржондъ" прибѣгнуть къ самымъ отчаяннымъ средствамъ, чтобы какъ-нибудь пріостановить начавшееся движеніе въ пользу законной власти. „Варшавское революціонное правленіе", разсказываетъ въ своихъ запискахъ М. Н. Муравьевъ, „видѣвши ослабленіе мятежа въ Литвѣ, еще съ іюля мѣсяца 1863 г. начало присылать своихъ агентовъ въ Вильну для поддержанія упадающаго революціоннаго движенія, но всѣ эти агенты, при довольно порядочно уже устроенной полиціи, были захвачены въ Вильнѣ; они успѣли однакоже въ половинѣ іюля мѣсяца сформировать команду тайныхъ кинжальщиковъ, которымъ вмѣнено было въ обязанность убить генералъ-губернатора, губернскаго предводителя дворянства и тѣхъ, которые наиболѣе противодѣйствовали мятежу; но кинжальщики эти, страха ради, ни на что не рѣшились; между тѣмъ начальство уже получило о нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія и приняло мѣры къ ихъ обнаруженію".

---

[1]) Цыловъ: „Сбор. распоряж. гр. Муравьева", стр. 66.

„Для рѣшительнаго дѣйствія былъ наконецъ прислана изъ Варшавы извѣстный полиціантъ-вѣшатель Беньковскій, съ обязанностью убить Домейко и меня".

„27-го іюля (въ день рожденія Императрицы) Беньковскій пробирался на паперть собора, чтобы меня убить, но не могъ близко подойти по огромному стеченію служащихъ и вообще народа".

„29-го іюля (черезъ два дня послѣ представленія адреса) онъ въ 9 часовъ утра вошелъ въ квартиру Домейки и нанесъ ему семь ранъ кинжаломъ, равнымъ образомъ изранилъ и человѣка, пришедшаго на помощь, а самъ скрылся. Раны Домейки были сильны, но не опасны. Жондъ публиковалъ по городу, что Домейко убитъ и наказанъ за измѣну польскому дѣлу; а въ особенности за составленіе адреса. Надо замѣтить, что адресъ, по поднесеніи, былъ посланъ мною Государю при всеподданнѣйшемъ рапортѣ, съ испрошеніемъ награды Домейкѣ, а 29-го я телеграфировалъ Государю о сказанномъ событіи. Между тѣмъ приняты были всевозможныя мѣры къ отысканію убійцы: сдѣланы были повсемѣстно обыски, опубликованы примѣты убійцы, поставлены въ сомнительныхъ мѣстахъ караулы, а въ особенности усиленъ надзоръ на желѣзной дорогѣ и на всѣхъ путяхъ, ведущихъ къ ней" [1]). И благодаря этимъ мѣрамъ, преступникъ Беньковскій былъ пойманъ на вокзалѣ желѣзной дороги 6 августа и понесъ заслуженную кару.

Видя, что возстаніе утихаетъ, М. Н. Муравьевъ пожелалъ дать возможность остававшимся въ лѣсахъ повстанцамъ возвратиться къ своимъ мирнымъ занятіямъ; 26 августа онъ велѣлъ распубликовать повсюду Всемилостивѣйшее прощеніе всѣмъ тѣмъ, которые явятся добровольно къ начальству и положатъ оружіе. Начальники бандъ первое время удерживали нерѣшительныхъ страхомъ, но за удвоеніемъ строгихъ мѣръ энергія ихъ пропала, и повстанцы стали сотнями являться къ начальству. Отъ этихъ повстанцевъ отбирались показанія и оружіе, и если на нихъ не падало никакихъ подозрѣній въ совершеніи особо важныхъ преступленій, они водворялись на прежнемъ мѣстѣ жительства, съ согласія общества и по приведеніи къ присягѣ, которая обставлялась возможною торжественностію. Добровольно возвратившихся изъ возстанія было водворено въ краѣ свыше трехъ тысячъ человѣкъ; сверхъ того, до 300 человѣкъ не были приняты обществами своими на поручительство и отправлены поэтому административнымъ порядкомъ на водвореніе въ Сибирскія губерніи.

[1]) „Русск. Стар.", т. 36, стр. 418—420.

Съ возвращеніемъ изъ лѣса такого значительнаго числа повстанцевъ, вооруженныхъ бандъ почти нигдѣ не было, за исключеніемъ Ковенской губерніи, гдѣ довольно долго держался еще ксендзъ Мацкевичъ, одинъ изъ самыхъ предпріимчивыхъ предводителей. Отличаясь замѣчательнымъ умѣніемъ вести партизанскую войну, онъ ловко ускользалъ отъ преслѣдованій, быстро появлялся тамъ, гдѣ его вовсе не ожидали и до ноября 1863 года держалъ въ напряженномъ состояніи всю Жмудь. Съ наступленіемъ холоднаго времени, фанатикъ Мацкевичъ бросился къ Нѣману, чтобы переправиться къ Пруссію, но былъ схваченъ штабсъ-капитаномъ Озерскимъ, производившимъ обыскъ лѣса.

Послѣ казни ксендза Мацкевича, совершенной въ декабрѣ 1863 года, и удачной поимки всѣхъ главарей возстанія, вооруженныхъ бандъ не появлялось болѣе и въ Ковенской губерніи. Повсюду возстановилось правильное теченіе жизни, и мѣстное населеніе могло съ облегченнымъ сердцемъ встрѣтить наступающій Новый Годъ. Вотъ какъ „Виленскій Вѣстникъ“ выразилъ общее настроеніе въ день 1 января 1864 года. Указавъ на бѣдственное состояніе Сѣверо-Западнаго края въ первые четыре мѣсяца 1863 года, газета говоритъ: „Въ такомъ положеніи были дѣла, когда наступилъ май мѣсяцъ. Тогда наступила новая эпоха. Съ этого времени принятыми мѣрами, мѣрами постоянными, энергическими, мудрыми, умиротвореніе края, какъ бы какой-то волшебной силой, подвигалось съ неимовѣрной быстротой. Изданъ былъ цѣлый рядъ инструкцій и циркуляровъ; порядокъ, издавна потрясенный въ краѣ, не только нынѣ возстановленъ, но еще упроченъ и на будущее время. Исторія оцѣнитъ распоряженія этого времени, современники же ихъ уже оцѣнили. Результаты этихъ распоряженій поразительны: въ такое непродолжительное время всѣ шайки до тла уничтожены, крамола попрана, коноводовъ возстанія постигло достойное наказаніе. Новый 1864 годъ засталъ нашъ край уже умиротвореннымъ; воспоминаніе о прошломъ кажется теперь жителямъ страшнымъ сновидѣніемъ“...

Такъ успокоенъ былъ Сѣверо-Западный край. Чтобы добиться этого, М. Н. Муравьеву, конечно, нельзя было обойтись безъ строгости; но мѣры эти употреблялись лишь противъ коноводовъ возстанія и лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ успѣхамъ мятежа. Къ лицамъ же, случайно или невольно попавшимъ въ банды, Михаилъ Николаевичъ, какъ мы видѣли, относился вполнѣ снисходительно. Нельзя также забывать и того, что если бы графъ Муравьевъ не принялъ быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ подавленію возстанія, а держался прежней нерѣшительной политики,

сколько лишнихъ людей попали бы въ банды, слѣдовательно сколько лишнихъ людей погибло бы.

Самъ Михаилъ Николаевичъ однажды высказалъ мысль, что казнью нѣсколькихъ десятковъ повстанцевъ онъ спасъ отъ разоренія и смерти сотни тысячъ народа, [1]) а одинъ современникъ свидѣтельствуетъ, что даже и нѣкоторые изъ поляковъ раздѣляли этотъ взглядъ. Указавъ на то, что поляки вообще не любили Муравьева, названный современникъ говоритъ: „Съ моей же точки зрѣнія онъ заслуживаетъ еще при жизни памятника на счетъ самихъ поляковъ за то добро, которое онъ имъ сдѣлалъ, энергично и быстро подавивши мятежъ. Это я высказывалъ при случаѣ полякамъ и полькамъ и, конечно, пока мятежъ еще дышалъ, мои слова встрѣчались съ негодованіемъ; но потомъ находились и между поляками люди, соглашавшіеся со мною.“ [2])

Графъ М. Н. Муравьевъ не располагалъ долго оставаться въ Вильнѣ; онъ ѣхалъ туда только для усмиренія возстанія, поэтому, исполнивъ возложенное на него порученіе, сталъ просить Государя уволить его отъ управленія краемъ. На эту просьбу Государь Императоръ отвѣчалъ Муравьеву рескриптомъ отъ 9 ноября, въ которомъ въ самыхъ лестныхъ для подданнаго выраженіяхъ отдавалъ справедливость его заслугамъ и просилъ для пользы Отечества продолжать управленіе, доколѣ силы его это позволятъ. „Ободренный Высочайшимъ рескриптомъ“, говоритъ одинъ современникъ, „графъ Муравьевъ приступилъ съ этой минуты къ новой дѣятельности по устройству края; съ этого времени мѣры, имъ принимаемыя, носятъ на себѣ отпечатокъ прочности и вытѣсняютъ мѣры временныя; съ этого времени поднято и частью разрѣшено множество вопросовъ по отраслямъ гражданскаго управленія и политическаго устройства края; съ этого времени самая дѣятельность его получила значеніе не простого усмиренія мятежа, а русскаго народнаго дѣла“. [3]) Такимъ образомъ, съ ноября 1863 года начался новый періодъ въ управленіи краемъ Муравьева, т. е. эпоха его внутренняго преобразованія.

Около полугода графъ Муравьевъ неутомимо трудился въ Вильнѣ и успѣлъ уже ввести цѣлый рядъ весьма важныхъ мѣръ, но затѣмъ въ апрѣлѣ 1864 г. онъ возобновилъ свое ходатайство

---

[1]) Бутковскій. Истор. Вѣстн., т. 14, стр. 103.

[2]) Ив. Арс. Митропольскій: „Повстаніе въ Гроднѣ 1863—1864 г.“ Рус. Арх. 1895 г. № 1, стр. 138.

[3]) „Виленскіе очерки“ Русск. Стар., т. 40, стр. 589.

предъ Государемъ объ освобожденіи его отъ дальнѣйшаго управленія Западными губерніями. Когда же Государь снова указалъ ему на необходимость остаться въ краѣ и продолжать управленіе, Муравьевъ рѣшился заявить, что онъ не можетъ принять на себя дальнѣйшаго управленія Западнымъ краемъ, пока не будетъ утвержденъ правительствомъ рядъ предположенныхъ имъ мѣръ къ водворенію въ немъ русской народности. Государь вполнѣ согласился съ Муравьевымъ и поручилъ ему составить особую записку. Записка была немедленно составлена, въ семидневный срокъ разсмотрѣна въ комитетѣ министровъ и затѣмъ утверждена Государемъ. Достигнувъ такихъ важныхъ результатовъ, гр. Муравьевъ 25 мая 1864 года возвратился въ Вильну и дѣятельно принялся приводить въ исполненіе всѣ предположенныя имъ мѣры, причемъ особенное вниманіе обратилъ на улучшеніе положенія крестьянъ, на сооруженіе православныхъ храмовъ, на улучшеніе быта православнаго духовенства, на устройство школъ и т. д.

ГЛАВА VII.

Временно-обязанные крестьяне.—Прекращеніе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ въ Западныхъ губерніяхъ. — Выкупная операція. — Мѣры графа Муравьева къ обезпеченію безземельныхъ крестьянъ. — Общественное крестьянское управленіе.

19 февраля 1861 года Императоръ Александръ II подписалъ манифестъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Вмѣстѣ съ манифестомъ изданы были „Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“, т. е. законъ о новомъ устройствѣ быта крестьянъ и надѣленіи ихъ землею. Земля однако признана была собственностью помѣщиковъ, каковою она и была; поэтому крестьяне за отведенные имъ надѣлы обязаны были отбывать въ пользу помѣщиковъ опредѣленныя повинности работою или деньгами и назывались *временно обязанными*. Въ такомъ положеніи великорусскіе крестьяне находились болѣе двадцати лѣтъ. Но въ девяти Западныхъ губерніяхъ (Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской, Кіевской, Подольской и Волынской) обязательныя поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ прекращены были еще въ 1863 году. Такое вниманіе правительства къ западно-русскимъ крестьянамъ объясняется чисто мѣстными условіями. Дѣло въ томъ, что положеніе 19 февраля было истолковано здѣсь

превратно, а „уставныя“ грамоты, въ которыхъ точно опредѣлялось количество земли, отходящей къ крестьянамъ, и размѣръ повинностей, причитающихся за эту землю помѣщику, составлены были въ высшей степени неправильно. „Манифестъ 19 февраля 1861 года о прекращеніи крѣпостного права“, говоритъ въ своихъ запискахъ графъ Муравьевъ, „по слабости и безпечности начальства, не былъ даже введенъ въ дѣйствіе. Крестьяне еще въ началѣ 1863 года во многихъ мѣстахъ отправляли барщинную повинность или платили неимовѣрные оброки тамъ, гдѣ была прекращена барщина. Мировые посредники были всѣ избраны изъ мѣстныхъ польскихъ помѣщиковъ и большею частью были агентами мятежа и даже главными тайными распорядителями онаго.... При составленіи же „уставныхъ грамотъ“ отняты у крестьянъ лучшія земли и обложены высокими оброками, далеко превосходящими ихъ средства; крестьянамъ объявили, что въ этомъ заключается дарованная Государемъ милость и свобода, и что ежели они пойдутъ въ мятежъ и будутъ помогать польскому правительству, то отдастся имъ вся земля даромъ, и они не будутъ платить никакихъ податей; между тѣмъ тѣхъ крестьянъ, которые не платили возвышенныхъ оброковъ, подвергали строгимъ наказаніямъ, заключали въ тюрьмы, и мѣстное главное начальство, по ходатайству тѣхъ мировыхъ посредниковъ и помѣщиковъ, посылало войско для усмиренія мнимыхъ крестьянскихъ бунтовъ“ [1]).

Такъ польскіе помѣщики извращали крестьянскую реформу во всѣхъ Западныхъ губерніяхъ, что вполнѣ подтверждается какъ офиціальными документами, такъ и свидѣтельствомъ многихъ современниковъ. „По Положенію 19 февраля“, разсказываетъ одинъ бывшій мировой посредникъ, „крестьяне Могилевской губерніи должны были быть надѣлены землею въ количествѣ $4^1/_2$ десятинъ на душу удобной земли. Но польскіе мировые посредники, при введеніи уставныхъ грамотъ, отводили иногда крестьянамъ, во-первыхъ, вмѣсто указанной въ законѣ десятины (2400 кв. саж.), мѣстный моргъ, который былъ много меньше десятины; а во-вторыхъ, подъ видомъ удобной земли, у крестьянъ въ надѣлѣ, при повѣркѣ, оказывалась всяческая земля—и удобная, состоящая изъ пашни и луговъ, и совершенно никуда негодная и ничего нестоющая земля — изъ овраговъ, дорогъ, болотъ и песчаныхъ или каменистыхъ участковъ и клочковъ, которые немыслимо было удобрять, а слѣдовательно, и что-либо сѣять на

---

[1]) Рус. Стар., т. 36, стр. 409—410.

нихъ. Между тѣмъ крестьяне по уставной грамотѣ обязывались платить полный 9-ти рублевый оброкъ за эти свои, на половину неудобные, надѣлы. Предстояло разобраться во всей этой путаницѣ, лжи и документальныхъ обманахъ и подлогахъ... Самое количество душъ въ селеніяхъ показано было по уставнымъ грамотамъ въ преувеличенномъ числѣ, съ тѣмъ, конечно, расчетомъ, чтобы получать большій оброкъ, а впослѣдствіи—большую выкупную ссуду. Отъ этого, недоимки на крестьянахъ успѣли уже образоваться весьма значительныя,—и Богъ вѣсть, чѣмъ бы окончилось это систематическое ограбленіе крестьянъ въ Бѣлоруссіи, если бы не „сдурѣли паны" и не учинили мятежа" [1]).

Въ виду такого бѣдственнаго положенія западно-русскихъ крестьянъ еще генералъ-губернаторъ Назимовъ хлопоталъ о прекращеніи обязательныхъ отношеній между ними и помѣщиками, но до польскаго возстанія 1863 г. ходатайства его оставались безъ всякихъ результатовъ. Когда же въ Сѣверо-Западномъ краѣ появились первыя вооруженныя банды, Императоръ Александръ II указомъ 1 марта 1863 года повелѣлъ немедленно прекратить обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ и учредить Повѣрочныя Комиссіи для разсмотрѣнія состоявшихся между помѣщиками и крестьянами сдѣлокъ.

Къ счастію и для крестьянства С. З. края и для всей Россіи приведеніе въ исполненіе этого благодѣтельнѣйшаго для крестьянства указа попало въ руки М. Н. Муравьева.

Своимъ острымъ и яснымъ умомъ М. Н. Муравьевъ скоро постигъ величайшую важность того дѣла, которое пришлось ему совершить. Онъ прекрасно видѣлъ, что для умиротворенія края и для поддержанія въ немъ спокойствія въ будущемъ необходимо поставить крестьянъ въ возможно лучшія экономическія условія и возможно больше ограничить вліяніе на нихъ помѣщиковъ. Факты жизни ясно указывали ему, что крестьяне, не имѣющіе прочной осѣдлости и не надѣленные землей въ болѣе или менѣе достаточныхъ размѣрахъ, часто увлекаются ложными обѣщаніями злонамѣренныхъ подстрекателей къ участію въ безпорядкахъ, тогда какъ крестьяне, пользующіеся земельными участками, постоянно оставались вѣрными своему долгу, не поддаваясь вліянію возмущавшихъ ихъ противъ законнаго правительства мятежниковъ. Проникнутый такими убѣжденіями, онъ естественно придавалъ величайшее значеніе работамъ по имѣвшей совершиться подъ его руководствомъ выкупной операціи.

---

[1]) И. Н. Захарьинъ: „Воспоминанія о Бѣлоруссіи". Истор. Вѣст., т. 160, стр. 68.

„Обнимая собою всѣ поземельныя отношенія владѣльцевъ къ бывшимъ ихъ крестьянамъ“, говоритъ Муравьевъ въ одномъ изъ своихъ предложеній губернаторамъ, „выкупная операція имѣетъ своимъ послѣдствіемъ обезпеченіе быта крестьянъ, опредѣляетъ повинность, соотвѣтствующую ихъ средствамъ, помогаетъ черезъ это народному образованію и вообще способствуетъ устройству края на обновленныхъ началахъ“. Придавая такое важное значеніе выкупной операціи, Муравьевъ ни въ какомъ случаѣ не могъ оставить этого дѣла въ рукахъ прежнихъ мировыхъ посредниковъ—поляковъ. Для выполненія такой важной мѣры онъ пригласилъ на должности мировыхъ посредниковъ людей русскихъ, которымъ крестьянство края въ значительной степени обязано устройствомъ своего быта. Затѣмъ графъ Михаилъ Николаевичъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за дѣйствіями Повѣрочныхъ Комиссій и въ теченіе своего двухлѣтняго управленія краемъ издалъ для руководства ихъ множество (болѣе 60) всевозможныхъ инструкцій, разъясненій, а нерѣдко и весьма существенныхъ дополненій къ общимъ положеніямъ, что вызывалось особенными мѣстными условіями. Такъ, при самомъ началѣ работъ Повѣрочныхъ Комиссій крестьяне часто начали подавать заявленія, касающіяся преимущественно слѣдующихъ предметовъ: 1) невѣрнаго обозначенія въ составленныхъ при прежнихъ посредникахъ выкупныхъ актахъ общаго въ селеніи количества земли, 2) совершеннаго непоказанія неудобныхъ земель, 3) отобранія покосовъ и стѣсненія въ выгонахъ, 4) невключенія въ надѣлъ земель, бывшихъ въ ихъ пользованіи, до обнародованія Положеній 19 февраля 1861 года, и 5) неправильнаго исчисленія повинностей. Повѣрочныя Комиссіи не имѣли разрѣшенія разбирать эти жалобы и нерѣдко должны были прекращать свои работы. Убѣдившись въ справедливости жалобъ крестьянъ, Муравьевъ нашелъ возможнымъ и необходимымъ „для болѣе успѣшнаго хода дѣла, предоставить Комиссіямъ право входить въ разбирательство жалобъ на неправильное составленіе уставныхъ грамотъ, постановлять по такого рода дѣламъ свои рѣшенія и немедленно исправлять всѣ замѣченныя неточности, предоставляя крестьянамъ въ собственность посредствомъ выкупа всѣ слѣдующія имъ по Мѣстному Положенію земли“ [1]).

Такимъ способомъ графу М. Н. Муравьеву удалось сдѣлать чрезвычайно много для блага крестьянъ и въ значительной степени поднять благосостояніе огромной массы ихъ.

---

[1]) Циркулярное предпис. Главнаго Начальника края Начальникамъ губерній отъ 14 августа 1863 г.

Во время работъ Повѣрочныхъ Комиссій выяснилось, что многимъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ грозитъ опасность остаться безземельными. Такъ, у нѣкоторыхъ изъ крестьянъ отобраны были помѣщиками находившіеся въ ихъ пользованіи земельные участки уже послѣ обнародованія Положенія 19 февраля 1861 г. Еще болѣе оказалось такихъ крестьянъ, у которыхъ отобраны были помѣщиками земельные ихъ участки послѣ составленія инвентарей и особенно въ періодъ времени между 19 февраля 1861 г. и 20 ноября 1857 г., когда дворянство края всеподданнѣйше заявило о благихъ намѣреніяхъ своихъ устроить бытъ поселенныхъ на ихъ земляхъ крестьянъ на лучшихъ, чѣмъ прежде, основаніяхъ. Къ этимъ же оставшимся безъ земельныхъ надѣловъ слѣдовало отнести и довольно многочисленный классъ вольныхъ людей, въ составъ которыхъ входили бывшіе крѣпостные, освободившіеся отъ крѣпостной зависимости какъ до 20 ноября 1857 года, такъ и послѣ этого срока до 19 февраля 1861 г. Наконецъ сюда же относились обезземеленные крестьяне, бывшіе лѣсными сторожами.

М. Н. Муравьевъ сдѣлалъ все возможное, чтобы дать имъ хоть небольшіе надѣлы. „Водвореніе крестьянъ, лишенныхъ своихъ участковъ и ничѣмъ ровно не обезпеченныхъ я признаю“, говоритъ онъ въ циркулярѣ 17 августа 1863 г., „совершенно необходимымъ для умиротворенія края и отнятія на будущее время у крамольниковъ возможности, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ безземельныхъ крестьянъ, привлекать ихъ на свою сторону“. Соотвѣтственно этому въ тѣхъ случаяхъ, когда земля неправильно отобранная у крестьянъ помѣщиками, оставалась незанятой, она поступала въ надѣлъ обездоленныхъ въ размѣрахъ, опредѣленныхъ Положеніемъ; когда же этого сдѣлать было нельзя, имъ отводимы были надѣлы въ размѣрахъ 3 десятинъ. Получили обратно свои надѣлы въ значительныхъ размѣрахъ и тѣ крестьяне, которые были лѣсными сторожами. Что касается вольныхъ людей, то тѣ изъ нихъ, которые переведены въ это сословіе изъ бывшихъ крѣпостныхъ послѣ 20 ноября 1857 г., сравнены были съ крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, во всѣхъ правахъ какъ личныхъ—по имуществу, по состоянію, такъ и по поземельному устройству и общественному управленію, если только сами они не хотѣли причислиться въ другое званіе; причисленнымъ же въ это сословіе прежде 20 ноября 1857 г. облегчена возможность выкупа тѣхъ участковъ, которыми они владѣли по договорамъ съ владѣльцами, и обезпечено спокойное

пользованіе этими участками впредь до окончанія срока установленныхъ между ними и владѣльцами договоровъ.

Изложенными мѣрами графу М. Н. Муравьеву удалось въ значительной степени уменьшить число безземельныхъ крестьянъ. Но за всѣмъ тѣмъ оказалось не малое число такихъ безземельныхъ крестьянъ, на которыхъ установленныя закономъ правила не могли быть распространены. Это были такъ называемые батраки и кутники. М. Н. Муравьевъ, желая хоть сколько-нибудь обезпечить и этихъ бѣдняковъ, предложилъ губернаторамъ „обратить вниманіе гг. мировыхъ посредниковъ и членовъ Повѣрочныхъ Комиссій на положеніе батраковъ и кутниковъ, и просить ихъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, разъяснять крестьянамъ и склонять ихъ къ облегченію положенія сихъ людей предоставленіемъ имъ, на правѣ выкупа, земли для устройства усадьбы съ огородомъ, отнюдь не допуская какихъ-либо понудительныхъ къ сему мѣръ“. [1])

Вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости крестьяне получили свое особое общественное управленіе: каждое сельское общество, или міръ, рѣшаетъ свои домашнія дѣла на сельскомъ сходѣ; исполнителемъ этихъ рѣшеній является выбранный міромъ (на 3 года) староста; изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ составляется волость, дѣлами которой завѣдуетъ волостное правленіе съ волостнымъ старшиной и волостнымъ писаремъ во главѣ; при волостномъ правленіи находится волостной судъ. Это общественное крестьянское управленіе введено было своевременно и въ Западной Россіи, но оно получило здѣсь совершенно особый характеръ. „Изъ замѣчаній членовъ Повѣрочныхъ Комиссій“, свидѣтельствуетъ одинъ офиціальный документъ, „сдѣланныхъ ими во время объѣзда волостей.... оказывается, что подъ вліяніемъ бывшихъ мировыхъ учрежденій, общественное крестьянское управленіе находилось въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: права крестьянъ, дарованныя имъ Положеніями 19 февраля 1861 года, оставались имъ почти неизвѣстны; вслѣдствіе сего волостные старшины, назначенные по большей части по настоянію помѣщиковъ и бывшихъ мировыхъ посредниковъ, въ видахъ огражденія ихъ личныхъ интересовъ и стѣсненія самостоятельности крестьянъ, распоряжались самоуправно, подъ руководствомъ ихъ или поставленныхъ отъ нихъ писарей, общественными дѣлами, а волостные и сельскіе сходы

---

[1]) Циркул. предпис. Главн. Нач. края гг. Начальникамъ губерній отъ 11 марта *1865 года.*

не имѣли надлежащаго значенія; сельскіе старосты были по преимуществу нарядчиками на господскія работы и ограничивались надзоромъ за ихъ исправностью; крестьяне, по распоряженію своихъ должностныхъ лицъ, поддерживаемыхъ помѣщиками, подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ въ совершенно произвольномъ размѣрѣ; о волостномъ судѣ крестьяне не имѣли и понятія; дѣла спорныя между крестьянами рѣшались старшинами или волостными писарями, а судьи прикладывали только свои печати къ рѣшенію, записываемому въ книгу приговоровъ волостного схода; часто также крестьяне теряли время и несли напрасныя издержки, обращаясь въ своихъ спорахъ въ общія присутственныя мѣста" [1]). Противъ такого нарушенія помѣщиками правъ крестьянъ, дарованныхъ Положеніями, Муравьевъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры и издалъ по этому поводу цѣлый рядъ распоряженій. Такъ, онъ неоднократно предлагаетъ мировымъ посредникамъ разъяснять крестьянамъ ихъ права и значеніе крестьянскаго самоуправленія [2]), предписываетъ устранять неблагонадежныхъ волостныхъ писарей [3]), торопитъ губернаторовъ „безъ всякаго замедленія" произвести въ сельскихъ обществахъ новые выборы волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ [4]) и т. д., при чемъ особенно настаиваетъ, чтобы выборы произведены были безъ всякаго вліянія помѣщиковъ и дворовыхъ управленій.

Такая благотворная дѣятельность Муравьева по устройству быта крестьянъ „на прочныхъ и незыблемыхъ началахъ" естественно возбуждала въ крестьянахъ чувства глубочайшей вѣрноподданнической преданности къ Государю Благодѣтелю и глубочайшей благодарности къ графу Муравьеву, исполнителю воли Государевой. Михаилъ Николаевичъ не разъ имѣлъ возможность убѣдиться въ этомъ. „Отовсюду", говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, „я получалъ отъ крестьянъ депутаціи съ благодарственными адресами; вездѣ крестьяне молились торжественно за Государя, даровавшаго имъ свободу, присылали адресы и устраивали часовни и образа во имя Александра Невскаго, словомъ, всеобщее было торжество

---

[1]) „Журналъ Гродненскаго губернскаго по крестьянск. дѣламъ присутствія отъ 8 августа 1863 года.

[2]) Циркулярное предложеніе Главнаго Начальника края отъ 8 августа 1863 г., 15 марта 1864 г., 13 февраля, 10 и 11 марта 1865 г.

[3]) Циркуляръ отъ 23 іюня 1863 г.

[4]) Циркул. предп. отъ 15 октября 1864 г.

крестьянъ, которые вполнѣ передались на сторону правительства и нелицемѣрно благодарили Государя за всѣ оказанныя милости". Императоръ Александръ II, въ свою очередь, вполнѣ оцѣнилъ вѣрность западно-русскихъ крестьянъ. Такъ, въ Двинскѣ онъ „очень благодарилъ" казаковъ сельской стражи и сказалъ имъ: „Когда вы возвратитесь въ свои дома, то скажите вашимъ отцамъ, что я и ихъ благодарю за вашу вѣрную и усердную службу", а въ Вильнѣ 8 іюля 1864 года обратился къ крестьянской депутаціи съ слѣдующими знаменательными словами: „Я для васъ сдѣлалъ все, что могъ; благодарю васъ за вашу вѣрность. Повинуйтесь поставленнымъ надъ вами властямъ и исполняйте повинности, установленныя для васъ Положеніемъ. Этимъ вы докажете мнѣ вашу благодарность за всѣ дарованныя вамъ права и льготы" [1]).

ГЛАВА VIII

Заботы графа Муравьева о построеніи православныхъ церквей.—Судьба древнихъ Виленскихъ церквей. — Возстановленіе Пречистенскаго собора. — Возстановленіе Пятницкой церкви. — Возобновленіе Николаевской церкви.—Виленскія часовни. — Пожертвованія.—Православное духовенство во время польскаго возстанія 1863 г.— Заботы графа Муравьева объ улучшеніи быта православнаго духовенства. — Заботы графа Муравьева о народномъ образованіи.

До пріѣзда графа Муравьева въ Вильну въ 1863 г., православные храмы въ Сѣверо-Западномъ краѣ находились въ самомъ бѣдственномъ состояніи, а во многихъ селахъ для православныхъ крестьянъ и совсѣмъ не было храмовъ. На послѣднее обстоятельство обратилъ вниманіе еще Императоръ Николай I и въ 1852 году повелѣлъ обязать помѣщиковъ выстроить для своихъ крестьянъ новые храмы, гдѣ таковыхъ не имѣлось, и исправить старые. [2]) Желая побудить помѣщиковъ въ точности выполнить это Высочайшее повелѣніе, Муравьевъ обратился съ предложеніемъ ко всѣмъ губернаторамъ Сѣверо-Западнаго края доставить ему „въ самомъ непродолжительномъ времени подробныя свѣдѣнія о томъ, въ какой степени была исполнена Высочайшая воля, по каждой церкви особо, и представить ему свои заключенія съ

---

[1]) Виленскій Вѣстникъ 1864 г., № 83.

[2]) Отзывъ Минист. Внутр. Дѣлъ отъ 17 іюня 1852 г.

изложеніемъ самыхъ причинъ замедленія, буде таковыя оказались при исполненіи Высочайшаго повелѣнія, и кто въ томъ виновенъ" [1]). Въ то же время дѣятельный начальникъ края съ необыкновеннымъ усердіемъ и самъ принялся за сооруженіе православныхъ храмовъ. Ассигновавъ на этотъ предметъ весьма значительныя суммы, онъ разослалъ губернаторамъ болѣе 70 предложеній о сооруженіи новыхъ и объ исправленіи старыхъ церквей и слѣдилъ за выполненіемъ этихъ предложеній съ особеннымъ вниманіемъ. Повсюду закипѣла работа: въ губернскихъ городахъ, въ уѣздныхъ, въ мѣстечкахъ, въ селахъ; въ одномъ мѣстѣ строили новую церковь, въ другомъ исправляли старую, въ третьемъ передѣлывали въ церковь закрытый костелъ и т. д. „Архитекторы Резановъ и Чагинъ," говоритъ одинъ современникъ, „не успѣвали разсматривать проектовъ, поступающихъ изъ уѣздовъ". Трудно теперь перечислить всѣ построенные тогда храмы, но можно съ полной справедливостью сказать, что послѣ двухлѣтняго пребыванія графа Муравьева въ Сѣверо-Западномъ краѣ, тамъ не осталось уголка, гдѣ бы болѣе или менѣе значительное число православныхъ не имѣли своей церкви.

Наибольшее вниманіе графъ Муравьевъ обратилъ на Вильну. Этотъ городъ, служившій нѣкогда столицей обширнаго Литовско-Русскаго государства, еще въ началѣ XVI вѣка жилъ чисто русскою жизнью. Русскіе составляли здѣсь большинство населенія и занимали большую и лучшую часть города. Неудивительно поэтому, что Вильна славилась тогда какъ великолѣпіемъ, такъ и многочисленностью своихъ православныхъ церквей. Тутъ былъ знаменитый Пречистенскій соборъ, при которомъ долго жили митрополиты, Николаевская церковь, Пятницкая, Троицкій монастырь и много другихъ. По свидѣтельству вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, въ Вильнѣ въ началѣ XVI вѣка было 14 православныхъ церквей [1]), но съ теченіемъ времени церкви эти, подъ давленіемъ католичества, пришли въ полное запустѣніе, а отъ многихъ изъ нихъ не осталось и слѣда. Вотъ что, напримѣръ, пришлось пережить Пречистенскому собору. Основанный по преданію въ XIV в. великимъ княземъ Литовскимъ Ольгердомъ, онъ тогда же былъ освященъ святителемъ Алексіемъ во имя Успенія Пречистой Дѣвы Маріи и усвоилъ два названія: Успенскій и Пречистенскій. Съ 1416 г. при немъ жили западно-русскіе православные митрополиты, и онъ считался ка-

---

[1]) Циркул. Муравьева отъ 12 ноября 1864 г.

[1]) Проф. В. Г. Васильевскій: „Исторія гор. Вильны".

ѳедральнымъ соборомъ для всего государства. Въ 1609 году его забрали уніаты. Съ тѣхъ поръ бывшая каѳедра православныхъ митрополитовъ стала клониться къ постепенному запустѣнію, а огромный пожаръ 1748 г., уничтожившій палаты митрополита, сильно повредилъ соборъ внутри и снаружи. Въ 1785 году, уніатскій митрополитъ Юноша—Смогоржевскій возобновилъ Пречистенскій соборъ, но уже съ латино-уніатской архитектурой, безъ купола и башенъ. Въ 1795 г., съ упраздненіемъ уніатской митрополіи въ Россіи, закрылась и митрополичья каѳедра, а въ началѣ настоящаго столѣтія, по ходатайству князя Адама Чарторыйскаго, бывшаго тогда попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, соборъ отданъ былъ Виленскому университету, который обратилъ его въ анатомическій театръ и ветеринарную клинику. Въ такомъ постыдномъ униженіи Пречистенскій соборъ находился до 1863 года. Графъ Муравьевъ, заботившійся вообще о поднятіи православія въ краѣ, особенное вниманіе обратилъ на эту древнюю православную святыню и рѣшилъ ее возстановить. 22 октября 1864 года онъ издалъ распоряженіе о возобновленіи Пречистенскаго собора и на первые расходы ассигновалъ 25 тысячъ рублей, а затѣмъ открылъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, по всей Россіи подписку. Закончено было возобновленіе древняго храма въ 1868 г., уже по смерти Муравьева.

Съ такою же заботливостью отнесся М. Н. Муравьевъ къ возобновленію другой Виленской церкви—св. Параскевы, или Пятницкой, судьба которой вполнѣ напоминаетъ судьбу Пречистенскаго собора. Основанная въ XIV в. она сначала была придворной церковью, потомъ попала въ руки уніатовъ, нѣсколько разъ подвергалась пожарамъ и къ 1863 году представляла развалины, которыя служили мѣстомъ склада нечистотъ. Между прочимъ, въ этой церкви по преданію Петръ Великій слушалъ литургію и совершалъ благодарственное молебствіе по случаю одержанія побѣды надъ шведами; здѣсь же Петръ крестилъ Аннибала, дѣда поэта Пушкина. Возобновленіе Пятницкой церкви закончено было въ 1865 году.

Третья древняя Виленская церковь въ честь перенесенія мощей св. Николая Чудотворца была возобновлена при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ концѣ 1863 года русское населеніе Вильны предположило, въ благодарность графу М. Н. Муравьеву за умиротвореніе края и водвореніе въ немъ русскихъ началъ, соорудить храмъ во имя св. Михаила архангела, но Муравьевъ отклонилъ это и выразилъ желаніе, чтобы жертвуемыя на сооруженіе храма суммы были обращены на возстановленіе и обновле-

ніе церкви св. Николая. Открытая затѣмъ подписка доставила сборъ въ 82,431 руб., но при этомъ жертвователи пожелали, одновременно съ реставрированіемъ церкви, устроить при ней часовню во имя Архистратига Михаила. Послѣ расчистки мѣста и сломки выкупленныхъ домовъ, заслонявшихъ церковь, древнѣйшая русская святыня возстановлена по проекту извѣстнаго архитектора А. И. Резанова и освящена въ 1865 г. Тому же зодчему принадлежитъ и проектъ при церкви часовни, которая была освящена 8 ноября 1869 года.

Кромѣ возстановленія древнихъ Виленскихъ святынь, графъ М. Н. Муравьевъ устроилъ еще новый иконостасъ въ Николаевскомъ каѳедральномъ соборѣ, на что исходатайствовалъ 80 тысячъ руб., а потомъ передѣлалъ и наружный видъ этого храма. „Много памятниковъ, живо возглашающихъ его имя, оставилъ графъ Муравьевъ въ Вильнѣ и по всему Сѣверо-Западному краю“, сказалъ Виленскій архіепископъ Іеронимъ при освященіи закладки памятника графу Муравьеву въ Вильнѣ: „Пойдемъ въ каѳедральный соборъ, кто пересоздалъ этотъ храмъ? — графъ Муравьевъ; посѣтимъ Пречистенскій соборъ и храмы Пятницкій и Николаевскій, кто возсоздалъ ихъ?—графъ Муравьевъ; зайдемъ въ Свято-Духовъ и Троицкій монастыри, какія и отъ кого у нихъ средства къ существованію? — отъ графа Муравьева; кому обязаны своимъ вполнѣ приличнымъ помѣщеніемъ разсадники духовнаго просвѣщенія—семинарія, духовныя мужское и женское училища и всѣ учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія?—ему же, графу Муравьеву; кто положилъ начала обители женской и далъ средства къ ея существованію?—онъ же графъ Муравьевъ. Внѣ Вильны, въ предѣлахъ епархіи Литовской, сколько есть живыхъ памятниковъ—сельскихъ церквей, возобновленныхъ и устроенныхъ графомъ Муравьевымъ“.

Къ числу такихъ памятниковъ, оставленныхъ графомъ Муравьевымъ, относятся еще двѣ Виленскія часовни—Александровская и Георгіевская. Первая изъ нихъ—Александровская, находится на Георгіевской площади въ Вильнѣ. Она сооружена въ 1865 году на добровольныя пожертвованія городскихъ обществъ Сѣверо-Западнаго края въ воспоминаніе доблестныхъ подвиговъ русскихъ воиновъ и для поминовенія тѣхъ изъ нихъ, которые пали на полѣ брани, защищая права Россіи и законнаго правительства противъ мятежа и крамолы. Часовня представляетъ собою выдающееся архитектурное произведеніе русско-византійскаго стиля.

Вторая часовня—Георгіевская находится на Виленскомъ православномъ кладбищѣ. При погребеніи русскихъ воиновъ, павшихъ въ окрестностяхъ Вильны въ битвахъ съ польскими мятежниками, возникла мысль увѣковѣчить память погибшихъ устройствомъ на ихъ могилахъ часовни—памятника. На суммы, пожертвованныя Государыней Императрицей Маріей Александровной и ея Августѣйшими дѣтьми, а также собранныя по подпискѣ и была устроена Георгіевская часовня. Подобно Александровской, и эта часовня представляетъ вполнѣ художественное произведеніе византійскаго стиля. Она поставлена на гранитномъ пьедесталѣ; на трехъ наружныхъ сторонахъ ея, среди колоннъ, вдѣланы большія мраморныя доски, на которыхъ увѣковѣчены имена павшихъ и здѣсь погребенныхъ воиновъ. Внутри часовни помѣщена икона св. Георгія, писанная академикомъ Тихобразовымъ. Георгіевская часовня была освящена 25 августа 1865 г.

Одновременно съ сооруженіемъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ церквей, сюда стали присылаться со всѣхъ концовъ Россіи пожертвованія церковной утварью, иконами и богослужебными книгами. Пожертвованія эти были весьма значительны. По свидѣтельству „Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей“, въ 1863 году въ одну только Литовскую епархію прислано было разныхъ церковныхъ вещей на 60 тысячъ рублей [1]). Въ тоже время самъ графъ Муравьевъ позаботился о высылкѣ во всѣ приходы Сѣверо-Западныхъ губерній крестиковъ для новокрещенныхъ младенцевъ. „Желая содѣйствовать“, писалъ онъ Литовскому митрополиту Іосифу, „возстановленію между здѣшнимъ православнымъ сельскимъ населеніемъ общепринятаго издревле во всей Россіи обычая носить на груди и возлагать при крещеніи на младенцевъ наперстные кресты, я уже сдѣлалъ распоряженіе о пріобрѣтеніи для сей цѣли нѣсколькихъ сотъ тысячъ простыхъ крестиковъ изъ мѣди и латуни, а также о доставленіи мнѣ изъ С.-Петербурга и Москвы 25 тысячъ мельхіоровыхъ крестиковъ“ [2]). Въ этомъ дѣлѣ приняла участіе и Государыня Императрица Марія Александровна. Она, съ своей стороны, пожаловала въ каждый изъ приходовъ четырехъ западныхъ епархій по одному наперстному серебряному кресту, а великая княгиня Александра Петровна пожертвовала 1000 вызолоченныхъ крестиковъ. Литовскій митрополитъ Іосифъ, тронутый такимъ сочувствіемъ русскаго общества къ бѣдному населенію Сѣверо-Западнаго края, предписалъ духо-

---

[1]) „Литовскія епархіальныя вѣд.“ за 1864 г., стр. 519.

[2]) „Виленскій Вѣстникъ“ № 16 за 1864 г.

венству разъяснить прихожанамъ важное значеніе этихъ жертвъ, какъ выражающихъ сочувствіе къ нимъ со стороны единовѣрныхъ и единокровныхъ православныхъ братьевъ, въ томъ числѣ самого Государя Императора и всего Царствующаго дома.

Заботясь о построеніи православныхъ церквей, графъ М. Н. Муравьевъ всѣми средствами старался улучшить и бытъ православнаго духовенства, которое всегда стояло на стражѣ православія и русской народности.

Еще до начала открытаго возстанія въ 1861 году поляки начали распространять мятежныя воззванія между православными людьми, желая склонить ихъ на свою сторону. Тогда Литовскій митрополитъ Іосифъ обратился къ духовенству съ слѣдующимъ замѣчательнымъ наставленіемъ: „Эти воззванія и внушенія сколько дерзки, столько же и невѣжественны. Намъ указываютъ на Польшу, но какое намъ дѣло до Польши? Мы русскіе, дѣти безчисленной русской семьи, потомки Св. Владиміра, мы родились въ Россіи, присягали на вѣрность Русскому Царю. Насъ стращаютъ поляками! не потому ли, чтобы напомнить намъ вѣковыя страданія нашихъ отцовъ, присоединившихся было довѣрчиво вмѣстѣ съ Литвою къ Польшѣ? Намъ указываютъ на уніатскую вѣру! Какъ будто была или даже могла быть уніатская вѣра? Не была ли унія лишь коварной приманкой для отклоненія отцовъ нашихъ отъ Россіи и отъ искони православной церкви? Не была ли эта несчастная унія орудіемъ тяжкихъ терзаній и гоненій въ теченіе трехсотъ лѣтъ, пока мы, потомки гонимыхъ, не обрѣли, наконецъ, тихаго пристанища на лонѣ Россіи и своей матери православной церкви“. Въ заключеніе знаменитый архипастырь внушаетъ православному духовенству блюсти въ настоящее время съ особеннымъ стараніемъ ввѣренныя ему паствы. И надо отдать справедливость, духовенство съ честью исполнило долгъ пастырей русскаго православнаго народа. Въ „Литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ“ за 1863 годъ существовалъ особый отдѣлъ: „Страданія православнаго духовенства Литовской епархіи отъ польскихъ мятежниковъ“, изъ котораго видно, что повстанцы разными средствами принуждали священниковъ къ присягѣ своему мнимому правительству, грабили ихъ, подвергали всевозможнымъ униженіямъ и оскорбленіямъ, а трехъ достойныхъ пастырей, Прокоповича, Ропацкаго и Конопасевича даже повѣсили, но ни одинъ православный священникъ во все время возстанія не измѣнилъ своему долгу.

Графъ М. Н. Муравьевъ вполнѣ оцѣнилъ самоотверженную дѣятельность православнаго духовенства и принялъ всѣ мѣры

къ улучшенію его быта. Съ этою цѣлію онъ исходатайствовалъ для духовенства сѣверо-западныхъ губерній 400 тысячъ рублей ежегодной прибавки къ его жалованію, что весьма значительно увеличило содержаніе священниковъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ. Первые стали получать до 400 руб. въ годъ, а вторые не менѣе 220 рубл., между тѣмъ какъ прежде нѣкоторые изъ нихъ получали по 80 рубл. въ годъ. Затѣмъ графъ Муравьевъ обратилъ вниманіе на церковныя земли, имѣющія такое важное значеніе въ жизни сельскаго духовенства. „До свѣдѣнія моего дошло", пишетъ онъ въ одномъ циркулярѣ, „что церковныя земли православныхъ причтовъ, а нерѣдко и самыя усадьбы, находятся далеко отъ церквей, такъ что священно и церковнослужители вынуждены бываютъ ѣздить туда за нѣсколько верстъ. Имѣя въ виду, что, кромѣ неудобства, подобные отводы земель дѣлались съ умысломъ польскими помѣщиками во вредъ православію, и обращая на это вниманіе В. П., покорно прошу немедленно распорядиться, по приведеніи всего вышеизложеннаго въ извѣстность, если по какимъ-либо причинамъ не можетъ вся земля быть прирѣзана близъ церквей, то во всякомъ случаѣ усадьба, съ нѣкоторымъ количествомъ огородовъ для священно и церковнослужителей, должна быть непремѣнно отведена близъ самыхъ храмовъ" [1]). Вслѣдствіе этого распоряженія земельныя угодія православнаго духовенства значительно улучшились. Наконецъ, графъ Муравьевъ охотно давалъ средства на улучшеніе духовныхъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ. Всѣ эти мѣры не только улучшили матеріальное положеніе православнаго духовенства, но и способствовали подъему его духа.

Заслуги графа М. Н. Муравьева предъ Россіей по распространенію образованія въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ русскомъ духѣ поистинѣ громадны.

Никто не будетъ отрицать, что и до 1863—1865 г. не было сдѣлано усилій къ тому, чтобы дать школѣ Сѣверо-Западнаго края русскій характеръ. Объ этомъ думали многіе и кое-что было сдѣлано въ этомъ направленіи. Но до Муравьева въ распоряженіи школы не было наиболѣе сильнаго средства воздѣйствовать на учащихся въ русскомъ смыслѣ. Литовскій святитель Іосифъ еще въ 30 году указывалъ на это средство. Непремѣнно, писалъ онъ, нужно наполнить свѣтскія училища одно за другимъ рус-

---

[1]) Циркуляръ 10 октября 1864 г.

скими учителями, а между тѣмъ распорядиться, дабы обучающіеся въ вѣдомствѣ Виленскаго университета не могли быть учителями, развѣ продолжая нѣкоторое время ученіе въ русскихъ университетахъ. Но это глубоко вѣрное замѣчаніе по разнымъ причинамъ осталось въ свое время безъ исполненія, и школа Сѣверо-Западнаго края, по преобладанію въ преподавательскомъ ея составѣ поляковъ, оставалась польскою. При М. Н. Муравьевѣ личный составъ преподавателей во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ края радикально измѣнился: мѣсто поляковъ заняли въ училищахъ русскіе. Мѣра эта, имѣвшая огромное значеніе въ дѣлѣ воспитанія здѣшняго юношества, требовала, само собой понятно, притока въ школы весьма значительнаго числа способныхъ, знающихъ, дѣятельныхъ и вполнѣ благонадежныхъ кандидатовъ. И такихъ кандидатовъ М. Н. Муравьевъ нашелъ достаточное количество. Назначеніемъ 50% дополнительнаго жалованья къ получаемымъ учителями окладамъ, назначеніемъ двойныхъ прогоновъ и полугодовыхъ окладовъ для русскихъ преподавателей, вызванныхъ изъ русскихъ губерній, устранены были затрудненія къ пріисканію новыхъ учителей, и учебный 186⁴/₅ г. могъ начаться при возобновленномъ чисто-русскомъ составѣ. Вмѣстѣ съ этой капитальной мѣрой приняты были и другія, направленныя къ той же цѣли. Какъ извѣстно, въ первой половинѣ года масса учащихся р.-католическаго исповѣданія съ учителями и законоучителями-ксендзами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оставили учебныя заведенія, чтобы примкнуть къ мятежнымъ шайкамъ. Большинство ихъ не вернулось въ учебныя заведенія, и ряды обучающихся р.-к. исповѣданія сильно порѣдѣли. Ряды эти стали пополняться преимущественно православными, дѣтьми лицъ прав. исповѣданія, какъ прибывшихъ въ край на службу, такъ и мѣстныхъ уроженцевъ. М. Н. Муравьевъ съ своей стороны горячо желалъ увеличенія количества православныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ и имѣя въ виду, что многіе родители нуждаются въ средствахъ дать воспитаніе своимъ дѣтямъ, въ 1864 г. передалъ въ распоряженіе Попечителя округа 5,000 р. для раздачи бѣднѣйшимъ ученикамъ прав. исповѣданія, обучающимся въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ округа. Съ началомъ 186³/₄ уч. года не только было прекращено преподаваніе польскаго языка въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и Законъ Божій р.-кат. исповѣданія ксендзы обязаны были начать преподавать по-русски. Мѣсто исчезнувшаго изъ заведенія польскаго языка занялъ языкъ русскій, который и сталъ обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ всѣхъ учащихся безъ различія вѣроис-

повѣданій. Благодаря этимъ и другимъ такого же рода мѣрамъ, учебныя заведенія вышли изъ прежняго фальшиваго положенія и стали на твердую русскую почву, а православные ученики, усилившіеся теперь въ числѣ, вышли изъ прежняго страдальческаго положенія и поднялись нравственно.

Въ ряду учебныхъ заведеній обращали на себя особенное вниманіе М. Н. Муравьева низшія училища, стоящія въ ближайшихъ отношеніяхъ къ народу. Города Сѣверо-Западнаго края всегда служили центрами, изъ которыхъ распространялась по уѣздамъ польская пропаганда. Поэтому распространеніе въ городахъ русской грамотности и образованія въ русскомъ духѣ было дѣломъ первой необходимости и, по мысли М. Н. Муравьева, приходскія училища въ городахъ въ 1864 г. были преобразованы, при чемъ въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Минской значительно увеличены штаты училищъ и оклады содержанія наставниковъ, и на эти должности опредѣлены нарочно вызванные изъ внутреннихъ губерній воспитанники православныхъ семинарій.

Въ Вильнѣ вмѣсто бывшихъ трехъ приходскихъ училищъ съ весьма малымъ числомъ учениковъ (52 въ концѣ 1863 г.) открыто шесть приходскихъ училищъ, на ежегодное содержаніе которыхъ къ прежде отпускавшимся 4059 р. добавлено 6411 руб. На подобныя же училища въ губернскихъ городахъ Минскѣ, Гроднѣ и Ковнѣ и въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ Виленской, Минской и Гродненской губерній добавлено на годовое содержаніе 15,516 р. Въ 1864 году добавочныя суммы на содержаніе училищъ отпущены изъ денегъ, имѣвшихся въ распоряженіи М. Н. Муравьева; обязанность содержать эти училища возложена на городское управленіе.

Количество народныхъ школъ увеличивалось очень быстро. Къ 1 января 1863 г. ихъ считалось 101; къ 1 января 1865 г. въ вѣдѣніи Управленія округа въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Минской было 329 народныхъ съ 14384 учащихся. Чтобы облегчить крестьянамъ устройство помѣщеній для этихъ училищъ, М. Н. Муравьевъ по соглашенію съ Министромъ Государственныхъ Имуществъ разрѣшилъ 16 октября 1863 г. даровой отпускъ строевого лѣса изъ казенныхъ дачъ по 360 корней и 62 жерди на каждое училище. Чтобы облегчить крестьянамъ тяжесть расходовъ по устройству училищъ, заботливый генералъ-губернаторъ 2 декабря 1863 г. отпустилъ въ распоряженіе попечителя округа 25,000 р. Въ 1864 г. М. Н. Муравьевъ разослалъ болѣе милліона крестиковъ для безмездной раздачи

православнымъ крестьянамъ и болѣе 70,000 иконъ и картинъ священнаго содержанія для раздачи народу и учащимся. А чтобы упрочить положеніе училищъ въ денежномъ отношеніи безъ обремененія крестьянъ и на будущее время, онъ въ концѣ 1864 г. предложилъ начальникамъ губерній распорядиться, чтобы мировые посредники, каждый въ своемъ участкѣ, внушали крестьянамъ-собственникамъ постановлять приговоры объ ежегодномъ взносѣ на содержаніе училищъ по 1½—2 коп. съ каждой десятины удобной земли.

Для новыхъ училищъ нужны были добросовѣстные, благонадежные въ русскомъ смыслѣ наставники. Такихъ наставниковъ новыхъ школъ далъ въ возможномъ числѣ приснопамятный митрополитъ Іосифъ въ лицѣ членовъ церковныхъ причтовъ, а остальныя мѣста заняли приглашенные изъ внутренней Россіи воспитанники духовныхъ семинарій. А чтобы училища на будущее время не чувствовали недостатка въ хорошо подготовленныхъ учителяхъ, 3 ноября 1864 года открыта въ м. Молодечнѣ учительская семинарія.

Всячески содѣйствуя умноженію народныхъ училищъ, М. Н. Муравьевъ съ особенной энергіей добивался того, чтобы народъ получалъ образованіе непремѣнно въ русскомъ духѣ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчателенъ его циркуляръ 1 января 1864 года. Онъ поручаетъ начальникамъ шести губерній края „предписать немедленно всѣмъ уѣзднымъ начальникамъ, а также уѣзднымъ и городскимъ полиціямъ и въ особенности мировымъ посредникамъ зорко наблюдать, дабы, кромѣ православнаго духовенства, никто не занимался обученіемъ крестьянъ безъ предварительнаго полученія на то дозволенія отъ училищнаго начальства; равнымъ образомъ, чтобы ни подъ какимъ видомъ и ни въ какихъ сельскихъ училищахъ не былъ преподаваемъ польскій языкъ, а въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находятся православные крестьяне, отнюдь они не были бы обучаемы польскому катехизису. Всѣмъ поименованнымъ выше властямъ поставить въ непремѣнную обязанность, чтобы они не допускали распространенія между сельскимъ населеніемъ польскихъ букварей и иныхъ учебныхъ книгъ на польскомъ языкѣ, издаваемыхъ большею частію въ духѣ и съ цѣлію возбудить народъ противъ правительства, и если окажется, что помѣщикъ, его уполномоченный, или его дворовое управленіе снабжаютъ крестьянъ польскими учебниками и распространяютъ между православными польскіе катехизисы, то таковыхъ помѣщиковъ облагать штрафомъ отъ 200 до 600 р., смотря по величинѣ имѣнія; учителей же подвергать штрафу

въ 100 руб. и затѣмъ брать ихъ подъ арестъ для дальнѣйшихъ распоряженій. Равнымъ образомъ, если окажется, что католическіе ксендзы будутъ заниматься распространеніемъ польской грамотности между крестьянами, то такихъ ксендзовъ облагать удвоеннымъ штрафомъ противъ установленнаго для учителей, а съ тѣхъ ксендзовъ, которые будутъ обучать православныхъ крестьянъ польскому катехизису, взыскивать штрафъ въ 300 р. и, подвергая ихъ аресту, доносить мнѣ о нихъ для дальнѣйшаго распоряженія".

Одновременно съ улучшеніемъ положенія христіанскихъ приходскихъ училищъ приняты были мѣры и къ открытію училищъ для евреевъ. Вмѣсто бывшихъ въ Ковнѣ и Вильнѣ двухъ перворазрядныхъ училищъ, въ январѣ 1864 г. открыты были въ Ковнѣ три, а въ Вильнѣ 8 двухклассныхъ училищъ. На содержаніе этихъ училищъ въ дополненіе къ отпускавшимся на этотъ предметъ суммамъ Главнымъ Начальникомъ края прибавлено 9,664 р. Черезъ годъ М. Н. Муравьевъ. счелъ нужнымъ предложить Виленскому Губернатору 1) строго наблюдать, чтобы всѣ еврейскіе мальчики непремѣнно обучались въ устроенныхъ для того школахъ и съ тѣхъ, которые не будутъ посылать своихъ дѣтей учиться, взимать штрафъ; 2) возложить на депутатовъ еврейскаго общества и раввиновъ, чтобы они наблюдали за исполненіемъ родителями обязанности обучать своихъ дѣтей русскому языку.

Сказаннымъ далеко не исчерпывается все, что сдѣлано графомъ М. Н. Муравьевымъ, но и сказаннаго достаточно, чтобы показать, какъ много сдѣлалъ добраго въ этой области М. Н. Муравьевъ въ теченіе двухъ лѣтъ пребыванія въ краѣ.

Нужно, впрочемъ, прибавить, что сотрудниками М. Н. Муравьева были такія лица, какъ князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ и И. П. Корниловъ. Безъ ихъ содѣйствія и усиленныхъ трудовъ и М. Н. Муравьеву не удалось бы сдѣлать многаго изъ того, что онъ сдѣлалъ въ области народнаго образованія.

ГЛАВА IX.

Значеніе дѣятельности графа Муравьева.— Отношеніе къ графу Муравьеву Императора Александра II.—Отношеніе къ графу Муравьеву русскаго общества.— Отставка и смерть графа Муравьева.

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ въ свое двухлѣтнее управленіе Сѣверо-Западнымъ краемъ сослужилъ великую службу Царю и Отечеству. Онъ усмирилъ польскій мятежъ, обезсилилъ польскій элементъ въ краѣ, на который поляки предъявляли свои неосновательныя притязанія, водворилъ въ немъ русскія начала и поддержалъ тамъ православіе. По своей дальновидности и опытности этотъ истинно русскій государственный человѣкъ не оставилъ ни одной отрасли управленія въ Бѣлоруссіи и Литвѣ безъ преобразованія въ духѣ, отвѣчающемъ интересамъ Русскаго государства и православной церкви. И все, что имъ сдѣлано, начиная съ проведенія крестьянской реформы, этого краеугольнаго камня по водворенію въ краѣ русской народности, сдѣлано прочно, и прочно настолько, что послѣдовавшія затѣмъ нѣкоторыя измѣненія въ управленіи Сѣверо-Западнымъ краемъ, не могли поколебать ни общаго направленія дѣлъ, ни частностей его. „Въ короткое, только двухлѣтнее, управленіе краемъ,“ говоритъ одинъ изъ бывшихъ мировыхъ посредниковъ, „графъ Муравьевъ сослужилъ великую службу Россіи и мѣстному угнетенному народу, сослужилъ потому, что, сверхъ качествъ своего характера и ума, сверхъ жизненной и государственной опытности, обладалъ высокимъ сознаніемъ своего долга по отношенію къ Отечеству и, смѣло скажу, даже по отношенію къ упомянутому народу.“ [1])

Императоръ Александръ II, назначивъ графа Муравьева главнымъ начальникомъ шести сѣверо-западныхъ губерній, всегда утверждалъ предлагаемыя имъ мѣры и выражалъ полное одобреніе его системѣ управленія. „Мнѣ пріятно объявить вамъ“, пишетъ Государь Муравьеву въ своемъ рескриптѣ отъ 3 августа 1863 г., „мою особую искреннюю признательность за вашу добрую и полезную службу мнѣ и Россіи въ нынѣшнее многотрудное время. Отдаю полную справедливость вашему самоотверженію и вашему

---

[1]) С. Т. Славутинскій: „Гродно во время польскаго мятежа“. Истор. Вѣстн. т. 37, стр. 285.

умѣнью вести дѣло, за которое вы взялись. Желаю вамъ здоровья и надѣюсь, что Богъ поможетъ вамъ скоро довершить умиротвореніе ввѣреннаго вамъ края“ [1]). „Изъ письма вашего отъ 3 числа сего августа“, пишетъ Государь въ другомъ рескриптѣ отъ 9 ноября 1863 г., „я усматриваю, что дѣло умиротворенія ввѣреннаго управленію вашему края быстро приближается къ окончанію. Благодаря вашему вѣрному взгляду, вашей распорядительности, настойчивости и неутомимой дѣятельности при исполненіи предначертаннаго вами себѣ плана, это дѣло съ самаго вступленія вашего на то трудное поприще, на которое васъ призвало Мое къ вамъ довѣріе, ни на одно мгновеніе не оставалось на пути къ цѣли и не уклонилось отъ этого пути.“ Выразивъ далѣе сожалѣніе по поводу просьбы Муравьева объ освобожденіи его вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, отъ лежащихъ на немъ обязанностей, Государь говоритъ: „Соболѣзную вамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаюсь на самоотверженіе ваше и на испытанную преданность Мнѣ и Россіи. Надѣюсь, что эти чувства поддержатъ ваши силы и позволятъ вамъ, хотя бы еще на нѣкоторое время, удержать за собою управленіе ввѣреннымъ вамъ краемъ. Чѣмъ долѣе вы это будете признавать возможнымъ, тѣмъ болѣе принесете вы прочной пользы Россіи и тѣмъ болѣе пріобрѣтете право на Мою искреннюю и неизмѣнную къ вамъ признательность“. [2]) Кромѣ того, Императоръ Александръ II 30 августа 1863 года, въ день своего тезоименитства, пожаловалъ Муравьеву орденъ Андрея Первозваннаго, а 8 іюля 1864 г., во время посѣщенія Вильны, выразилъ ему особое благоволѣніе. Подъѣхавъ на смотръ къ Пермскому пѣхотному полку, Государь сталъ передъ нимъ, скомандовалъ „на караулъ“ и, отдавая честь графу Муравьеву, поздравилъ его шефомъ этого полка. Наконецъ, 17 апрѣля 1865 г., при увольненіи Муравьева отъ должности главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края, Государь возвелъ его въ графское достоинство. При этомъ Михаилъ Николавичъ Муравьевъ получилъ слѣдующій милостивый рескриптъ, который прекрасно характеризуетъ его многотрудную и въ высшей степени полезную дѣятельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ: „Графъ Михаилъ Николаевичъ! Я призвалъ васъ къ управленію сѣверозападными губерніями въ то трудное время, когда вѣроломный мятежъ, вспыхнувшій въ Царствѣ Польскомъ, распространялся въ ихъ предѣлахъ и уже успѣлъ поколебать въ нихъ основныя начала правительственнаго и гражданскаго порядка. Не-

[1]) „Русск. Архивъ“ 1897 г., стр. 392.

[2]) „Русск. Архивъ“ 1897 г. № 11, стр. 393.

смотря на разстройство вашего здоровья, вслѣдствіе котораго, незадолго предъ тѣмъ, Я долженъ былъ снизойти на просьбу вашу объ увольненіи васъ отъ одновременнаго управленія министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, департаментомъ удѣловъ и межевымъ корпусомъ, вы съ примѣрнымъ самоотверженіемъ приняли на себя ввѣряемыя Мною вамъ новыя обязанности, и при исполненіи ихъ оправдали въ полной мѣрѣ Мои ожиданія. Мятежъ подавленъ; сила правительственной власти возстановлена; общественное спокойствіе водворено и обезпечено рядомъ мѣръ, принятыхъ съ свойственными вамъ неутомимою дѣятельностію, распорядительностію, знаніемъ мѣстныхъ условій и непоколебимою твердостью. Вы обратили вниманіе на всѣ отрасли управленія во ввѣренномъ вамъ краѣ. Вы осуществили и упрочили предначертанное Мною преобразованіе быта крестьянскаго населенія, въ огромномъ большинствѣ вѣрнаго своему долгу и нынѣ снова ознаменовавшаго глубокое сознаніе древняго и неразрывнаго единства Западнаго края съ Россіей. Вы озаботились улучшеніемъ быта православнаго духовенства, возстановили въ народной памяти вѣковыя святыни православія, содѣйствовали устройству и украшенію православныхъ храмовъ и, вмѣстѣ съ умноженіемъ числа народныхъ училищъ, положили начала преобразованія ихъ въ духѣ православія и русской народности. Подвиги ваши вполнѣ Мною оцѣнены и пріобрѣли вамъ то всеобщее сочувствіе, которое столько разъ и съ разныхъ сторонъ вамъ было засвидѣтельствовано. Къ крайнему Моему прискорбію, ваши непрерывныя и усиленныя занятія еще болѣе разстроили здоровье ваше, и вы снова заявили Мнѣ о невозможности долѣе исполнять лежащія на васъ многотрудныя обязанности. Снисходя къ желанію вашему и съ сожалѣніемъ увольняя васъ отъ занимаемыхъ вами должностей и званій, кромѣ званія члена Государственнаго Совѣта, Я вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ознаменованіе Моей къ вамъ признательности и въ увѣковѣченіе памяти о заслугахъ вашихъ предъ Престоломъ и отечествомъ, указомъ, сего числа Правительствующему Сенату даннымъ, возвелъ васъ, съ нисходящимъ потомствомъ, въ графское Россійской имперіи достоинство.“

У графа М. Н. Муравьева, какъ и у всѣхъ выдающихся государственныхъ мужей, поставленныхъ стеченіемъ обстоятельствъ въ условія широкой дѣятельности, было не мало враговъ. Обвиняли его главнымъ образомъ въ томъ, что онъ былъ очень жестокъ и безъ всякой пощады разстрѣливалъ и вѣшалъ мятежниковъ. Но справедливо ли это обвиненіе? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ словами из-тнаго писателя В. В. Комарова, сказанными имъ въ прошломъ

году. Мнѣніе этого почтеннаго дѣятеля особенно важно въ виду того обстоятельства, что онъ во время польскаго возстанія самъ служилъ въ Западномъ краѣ, былъ свидѣтелемъ и очевидцемъ происходившихъ тамъ событій и, конечно, лучше другихъ можетъ разъяснить ихъ, въ особенности по истеченіи такого продолжительнаго времени, когда можно было совершенно спокойно все взвѣсить, обдумать и обсудить. „Теперь", говоритъ г. Комаровъ, „когда этотъ край, вслѣдствіе двухлѣтняго пребыванія тутъ М. Н. Муравьева, уже 35 лѣтъ наслаждается спокойствіемъ, мирно и спокойно живетъ и богатѣетъ, трудно даже представить, что было въ 1863 году. Съ началомъ 1863 г. на всемъ пространствѣ Западнаго края, отъ Варты и до Днѣпра, появились вооруженныя банды мятежниковъ. Съ чего они начали? Они начали съ того, что вырѣзали нѣсколько десятковъ безмятежно спавшихъ русскихъ солдатъ! Они продолжали невѣроятными по дерзости и нахальству предпріятіями. Они бросились подъ Семятичами на спокойно стоявшее русское войско. Они думали, что могутъ взять крѣпость Динабургъ и готовились напасть на нее! Они появились въ глубинѣ Могилевской губерніи и напали на Горки! При этомъ на всемъ пространствѣ края они водворили невыносимый терроръ, угрожая смертью и повѣшеніемъ русскихъ и православныхъ людей. По офиціальнымъ, точно зарегистрованнымъ даннымъ, въ 1863 году, истязавъ, замучили и повѣсили въ одномъ Сѣверо - Западномъ краѣ свыше 850 русскихъ жителей и солдатъ! Что же было дѣлать власти? Должна ли она обороняться? Что значитъ при такомъ состояніи края 200 или 300 казненныхъ рѣшеніями военныхъ судовъ мятежниковъ, поднявшихъ оружіе противъ Государя и противъ русскаго народа? Или нельзя было разстрѣлять магната - графа, который забылся до того, что съ вооруженною бандою шелъ въ Динабургъ? Или нельзя было разстрѣлять ксендза фанатика, взятаго во главѣ банды съ оружіемъ въ рукахъ? Или во имя правды можно было мятежникамъ истязать, жечь живыми на огнѣ и потомъ вѣшать православныхъ священниковъ—мученниковъ за русское дѣло и правду, а во имя той же правды нельзя казнить мятежнаго ксендза?"

„Дѣло не въ томъ, что разстрѣливали и вѣшали, но въ томъ, при какихъ обстоятельствахъ разстрѣливали и вѣшали. Какъ свидѣтель и очевидецъ этихъ событій, какъ сознательный дѣятель этого времени, скажу вамъ, что русская власть въ 1863 г., въ рукахъ Михаила Николаевича Муравьева, была только на высотѣ своей задачи, это была власть строгая, но глубоко справед-

ливая; она не уронила себя жестокостью, она имѣла въ виду одно благо, она дала жизнь, счастіе и спокойствіе милліонамъ русскаго народа и ни на одну минуту не переступала границъ самообороны" [1]).

Эти слова В. В. Комарова несомнѣнно выражаютъ собою взглядъ огромнаго большинства русскаго общества на дѣятельность Михаила Николаевича Муравьева въ Сѣверо - Западномъ краѣ. Уже съ первыхъ дней пребыванія въ Вильнѣ графъ Муравьевъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что его система управленія краемъ возбуждаетъ въ русскихъ людяхъ сочувствіе. Въ концѣ мая 1863 г. Московскій митрополитъ Филаретъ прислалъ графу Муравьеву въ благословеніе икону Архистратига Михаила при слѣдующемъ замѣчательномъ письмѣ: „Было слышно и видно, что многодѣятельная государственная служба вашего высокопревосходительства потребовала наконецъ облегченія, дабы часть должнаго труда была замѣнена долею покоя. Но какъ скоро царское слово васъ вызвало на защиту и умиротвореніе Отечества, вы забыли потребность облегченія и покоя, не колеблясь приняли на себя бремя, требующее крѣпкихъ силъ и неутомимой дѣятельности, нашли новую силу въ любви къ Царю и Отечеству. Вѣрные сыны Царя и Отечества узнали о семъ съ радостью и надеждою: ваше назначеніе есть уже пораженіе враговъ Отечества, ваше имя—побѣда. Господь силъ да совершитъ вами дѣло правды и дѣло мира. Да пошлетъ тезоименнаго вамъ небеснаго Архистратига, да идетъ предъ вами съ мечомъ огненнымъ и да покрываетъ васъ щитомъ небеснымъ. Съ сими мыслями и желаніями препровождаю вамъ вмѣстѣ съ симъ въ благословеніе икону святого Архистратига Михаила". Вслѣдъ затѣмъ редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей", М. Н. Катковъ началъ помѣщать въ своей газетѣ статьи, сочувственныя дѣятельности графа Муравьева въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а за „Московскими Вѣдомостями" скоро послѣдовали и другія газеты. „Все печатное", говоритъ г. Бергъ, „загудѣло и залилось на разные тоны, кто громче, кто тише, вторя центральному звону Бѣлокаменной, подобно тому, какъ откликается Замоскворѣчье и всѣ другія отдаленныя церкви, когда ударитъ въ Кремлѣ большой Успенскій колоколъ..." Статьи газетъ, и въ особенности „Московскихъ Вѣдомостей", прочитывались не только въ Вильнѣ, но во всей Россіи, съ огромнымъ интересомъ и производили самое сильное впечатлѣніе на русское общество. „Едва ли я ошибусь", пишетъ одинъ современникъ, „если скажу, что съ ними народъ переживалъ душою

[1]) Изъ рѣчи, произнесенной 3 октября 1897 г. въ Виленск. военномъ собраніи.

и умомъ каждый день и часъ смутнаго времени". [1]) Сочувствіе къ графу Муравьеву въ русскомъ обществѣ стало пробуждаться все сильнѣе и сильнѣе. 8 іюля 1863 года московскій англійскій клубъ на обѣдѣ провозгласилъ здоровье Муравьева и постановилъ послать въ Вильну телеграмму съ выраженіемъ сочувствія къ славной его дѣятельности. Событіе это было описано въ газетахъ, и примѣръ былъ поданъ: вслѣдъ за этимъ со всѣхъ концовъ Россіи отъ всевозможныхъ обществъ и сословій, часто даже отъ отдѣльныхъ лицъ, при всякихъ торжествахъ, стали отправляться въ Вильну начальнику края сочувственныя телеграммы, а иногда и весьма знаменательные адресы. Особенно много привѣтствій получилъ графъ Муравьевъ 8 ноября 1863 года, въ день своего ангела. Между прочимъ, высшее петербургское общество прислало ему слѣдующее письмо: „Глубоко сочувствуя подвигамъ вашимъ на сохраненіе спокойствія, чести и единства любезнаго Отечества, мы просимъ васъ принять ко дню вашего Ангела, изображеніе Архистратига Михаила, съ надписью на образѣ словъ изъ напутственнаго вамъ письма преосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго: „Твое имя—побѣда". Искренно желаемъ вамъ утѣшенія увидѣть, что успокоенный вами край возвратилъ себѣ, еще подъ управленіемъ вашимъ, свойственный ему исконный русскій складъ, безвозвратно отбросивъ пришлыя начала, вредящія естественному строю его народной жизни". Много также получилъ привѣтствій графъ Муравьевъ при возведеніи его въ графское достоинство и при всѣхъ другихъ случаяхъ. Въ бумагахъ покойнаго графа хранятся всѣ эти телеграммы и адресы, составляя нѣсколько переплетенныхъ книгъ.

Государственная заслуга графа М. Н. Муравьева была такъ важна, общественное сочувствіе къ нему было такъ велико, что даже люди, по направленію своей дѣятельности ему враждебные, считали долгомъ восхвалять его. Такъ, поэтъ Некрасовъ, во время торжественнаго обѣда въ петербургскомъ англійскомъ клубѣ въ честь графа Муравьева, обратился къ нему съ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

Бокалъ заздравный поднимая,
Еще разъ выпить намъ пора
Здоровье миротворца края...
Такъ много-жъ лѣтъ ему... Ура!

---

[1]) Князь И. К. Имеретинскій: „Воспоминанія о Муравьевѣ". Историческ. Вѣстн. 1892 г., № 12, стр. 605.

Пускай клеймятъ тебя позоромъ
Надменный Западъ и враги;
Ты мощенъ Руси приговоромъ,
Ея ты славу береги!

Мятежъ прошелъ, крамола ляжетъ,
Въ Литвѣ и Жмуди миръ взойдетъ;
Тогда и самый врагъ твой скажетъ:
Великъ твой подвигъ... и вздохнетъ.

Вздохнетъ, что, ставши сумасбродомъ,
Забывъ присягу, свой позоръ,
Затѣялъ съ доблестнымъ народомъ
Поднять давно рѣшенный споръ.

Нѣтъ, не помогутъ имъ усилья
Подземныхъ ихъ крамольныхъ силъ.
Зри! Надъ тобой, простерши крылья,
Паритъ архангелъ Михаилъ!

Болѣе всего, конечно, было признательно графу Муравьеву русское населеніе Западнаго края. Оно воздвигало въ память его часовни, ставило образа, открывало учебныя заведенія и т. п. а крестьяне просто боготворили его. „Если мы обязаны свободой Царю-Освободителю“, сказано въ одномъ ихъ адресѣ, „то спокойствіемъ нашимъ обязаны тебѣ, батюшка, Михаилъ Николаевичъ! Вотъ почему съ радостью и усердіемъ приносимъ мы тебѣ початокъ отъ плодовъ родной земли, нашу хлѣбъ-соль, и молимъ Господа, чтобы онъ сохранилъ тебя не только для насъ, но и для блага всего нашего издревле Западно-русскаго края“ [1]).

Всѣ эти многочисленныя выраженія сочувствія, не прекратившіяся до самой смерти графа Муравьева, имѣли для него огромное значеніе. Они доказывали, что дѣйствія его оцѣниваются въ ихъ истинномъ свѣтѣ, и поддерживали его силы въ столь продолжительной и упорной борьбѣ. „Заявленія благодарности Россіи“, говоритъ графъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ, „удостоившей меня многочисленными адресами во время борьбы съ мятежомъ и крамолою въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и присылка святыхъ иконъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи во время управленія краемъ и даже послѣ того, также радушныя и сердечныя заявленія благодарности русскими людьми, коими я былъ удостоенъ значительно послѣ оставленія мною управленія, т. е. когда я уже не имѣлъ никакого непосредственнаго вліянія на дѣла

---

[1]) „Виленск. Вѣстн.“ 1863 г., 30 августа.

службы, составляютъ такія награды, которыя превосходятъ все, что можетъ получить человѣкъ, который посвятилъ себя на служеніе Отечеству! Богъ благословилъ меня этимъ счастьемъ, которое, еще разъ скажу, превыше всѣхъ правительственныхъ наградъ: его никто не можетъ ни дать, ни взять".

Несмотря, однако, на полное признаніе заслугъ графа М. Н. Муравьева какъ со стороны самого Государя, такъ и со стороны всего русскаго общества, онъ въ мартѣ 1865 года отправился въ Петербургъ, чтобы уже болѣе не возвращаться въ Вильну. 24 марта Муравьевъ испросилъ аудіенцію у Государя и, ссылаясь на свое крайне разстроенное здоровье, сталъ просить объ освобожденіи его отъ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ. Государь милостиво поблагодарилъ Муравьева за все сдѣланное имъ и изъявилъ свое согласіе. 17 апрѣля 1865 года послѣдовалъ указъ объ увольненіи графа М. Н. Муравьева отъ должности Виленскаго генералъ-губернатора и о назначеніи на его мѣсто генералъ-адъютанта Кауфмана.

Графъ Муравьевъ завершилъ свое служеніе государству предсѣдательствомъ въ слѣдственной комиссіи по Каракозовскому дѣлу, а потомъ уѣхалъ въ свое имѣніе Сырецъ, гдѣ воздвигъ себѣ памятникъ постройкою церкви. Церковь была освящена 26 августа 1866 г., а черезъ три дня графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ скончался.

Вотъ какъ поэтъ выразилъ тогда общее настроеніе русскаго общества:

По комъ въ соборѣ перезвонъ?
Кого хоронимъ со слезами?..
Не вѣрьте имъ! не умеръ онъ!
Всегда онъ будетъ жить межъ нами.
Лишь умеръ смертный человѣкъ,
Лишь смертнаго теперь не стало.
Безсмертный же останется во-вѣкъ
Здѣсь, на Литвѣ, какъ русское начало.

DK169
S8K69
1899

STANFORD
LIBRARIES

ПОЛКОВНИКЪ КОЗЛОВЪ

—

ИЗОБРАЖЕНІЯ СУВОРОВА

1/4/19 D/I-1326/30

3/4

21

СУВОРОВЪ

съ портрета писаннаго въ 1800 г.

Оригиналъ принадлежитъ С. В. Козлову.

Воспроизведенія портрета воспрещается.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

[illegible]ЛІЯ СУВОРОВА

[illegible]

[illegible] Иванов.

[illegible]
[illegible], Моховая, 40.

СТАСЮЛЬ

ИЗОБРАЖЕНІЯ СУВОРОВА

(Съ портретомъ генералиссимуса).

Полковника Козлова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Мая 1899 г.

Если цѣль историка заключается въ томъ, чтобы очертить характеръ описываемаго героя, то на долю художника выпадаетъ задача воспроизвести, по возможности жизненнѣе, наружность того или другого лица, сохранивъ, тѣмъ самымъ, для грядущихъ поколѣній живой обликъ того, котораго не стало. Художественныя изображенія раскрываютъ передъ нами какъ бы вчерашній день прошлой жизни и ставятъ насъ въ непосредственное соприкосновеніе съ лицами, сдѣлавшимися уже достояніемъ исторіи. Особенно цѣнны изображенія тѣхъ выдающихся дѣятелей, которые играли видную роль въ судьбахъ своего отечества и коимъ оно обязано своимъ прославленіемъ. На первомъ планѣ среди такихъ лицъ стоитъ несомнѣнно Суворовъ, а потому его изображенія должны были бы представлять для каждаго истинно русскаго исключительный интересъ. Однако, мы вообще мало знакомы съ изображеніями этого народнаго героя и многіе считаютъ и понынѣ, что существовалъ лишь одинъ портретъ Суворова, написанный Шмидтомъ, съ котораго исполнена всѣмъ извѣстная и очень распространенная гравюра Уткина. Между тѣмъ, изъ русскихъ государственныхъ людей прошлаго вѣка не было ни одного, съ котораго было бы написано столько портретовъ и послѣ которыхъ осталось бы такое количество разныхъ гравированныхъ изображеній, какъ послѣ Суворова; даже съ «великолѣпнаго князя Тавриды», всесильнаго любимца Екатерины II, было меньше написано портретовъ, чѣмъ съ невзрачнаго старичка, имя котораго настолько гремѣло въ Европѣ, что за неимѣніемъ въ извѣстную минуту его оригинальныхъ изображеній, его имя ставили подъ портретами Вашингтона и Растопчина!.... Однихъ гравированныхъ изображеній Суворова, батальныхъ и алегорическихъ картинокъ, къ

нему относящихся, а также и карикатуръ, ему современныхъ, поименовано въ словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ Ровинскаго — 207. Но этимъ спискомъ далеко не исчерпываются всѣ гравированныя изображенія Суворова и есть много гравюръ, не попавшихъ въ руки нашего знаменитаго иконографа. Въ моемъ собраніи найдется болѣе двадцати портретовъ вообще неизвѣстныхъ и преимущественно исполненныхъ въ Италіи въ 1799 году.

Самое полное собраніе гравированныхъ изображеній Суворова находится въ колекціи русскихъ портретовъ, собранной Ровинскимъ и пожертвованной имъ Румянцевскому музею. Колекція эта, конечно, не можетъ быть разрознена, а потому этимъ Суворовскимъ изображеніямъ суждено, по волѣ завѣщателя, и впредь остаться въ Москвѣ.

Если большинство изъ извѣстныхъ гравированныхъ изображеній Суворова сохранилось въ собраніяхъ любителей, за то портреты Суворова, писанные съ натуры масляной краской, особенно рѣдки и всѣ на перечетъ; но и изъ нихъ многіе уже пропали безслѣдно.

Первое извѣстное изображеніе Суворова относится къ 1790 г., когда ему было 60 лѣтъ; оно находится на медали, выбитой въ его честь въ ознаменованіе его побѣдъ надъ турками въ 1787, 1789 и 1790 годахъ, и не отличается сходствомъ. Характеръ этого изображенія чисто героическій; лицо Суворова на медали старческое съ одутловатыми щеками; онъ представленъ съ густыми, волнистыми волосами; на голыя плечи накинута львиная шкура. Съ этой рѣдчайшей нынѣ медали, исполненной Леберехтомъ и экземпляръ которой имѣется въ моемъ собраніи, было гравировано въ Россіи семь портретовъ, также не имѣющихъ сходства, но уже рѣдко встрѣчающихся.

Не извѣстны портреты, писанные съ Суворова въ молодыхъ годахъ, да надо полагать, что таковые и не существовали; по крайней мѣрѣ въ Суворовской семьѣ о нихъ ничего не было извѣстно. Суворовъ, сохранившій до послѣднихъ лѣтъ своей жизни особенную бодрость тѣла и духа и замѣчательную подвижность, не любилъ упоминаній о своихъ годахъ, а также въ старости избѣгалъ смотрѣться въ зеркала, которыя завѣшивались въ помѣщеніяхъ, временно имъ занимаемыхъ, и совершенно не были допущены въ его постоянной квартирной обстановкѣ. Можно съ увѣренностью предположить, что множество извѣстныхъ намъ изображеній Суворова было исполнено не по его иниціативѣ, а безъ его вѣдома и по побужденію постороннихъ лицъ, вызванному все возраставшей популярностью русскаго

полководца; справедливость этого заключенія доказывается тѣмъ, что большая часть изъ всѣхъ извѣстныхъ гравированныхъ изображеній Суворова была исполнена во время италіанской кампаніи, въ 1799 году, когда слава его достигла своего апогея.

Изъ портретовъ, писанныхъ съ натуры, первый, дошедшій до насъ—миніатюра, исполненная на слоновой кости въ началѣ 1795 г., въ Варшавѣ. Эта миніатюра сохранилась въ семьѣ генералисимуса и досталась А. А. Козловой отъ ея отца, генералъ-адъютанта князя Суворова. На портретѣ явственна подпись: «C. Bechon, P:à Varsovie d'après la Nat. 1795». На миніатюрѣ лицо изображено старческое, морщинистое, но голубые глаза искрятся жизненностью и умомъ, а на щекахъ еще играетъ румянецъ; волосы на лбу и вискахъ рѣдкіе, сѣдые; не замѣчается еще прически, носимой Суворовымъ въ послѣдніе три года его жизни и отличавшейся особеннымъ локономъ, собраннымъ на лбу. Суворовъ на этомъ портретѣ представленъ въ свѣтло-зеленомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, съ крестомъ Александра Невскаго на шеѣ, лентой Андрея Первозваннаго черезъ плечо и портретомъ австрійскаго императора, осыпаннымъ бриліантами, на груди. Въ рукахъ онъ держитъ фельдмаршальскій жезлъ и шляпу съ бриліантовымъ плюмажемъ; на немъ надѣта шпага, украшенная алмазами. Описываемый портретъ особенно цѣненъ, такъ какъ въ немъ мы имѣемъ первое, дошедшее до насъ, оригинальное, съ натуры писанное, изображеніе Суворова, подлинность котораго не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. По техникѣ исполненія этотъ портретъ превосходенъ; онъ отличается мастерствомъ въ передачѣ позы и колорита и прекрасно сохранился.

За этимъ портретомъ слѣдуетъ упомянуть о другомъ, къ сожалѣнію пропавшемъ, написанномъ въ 1795—1796 годахъ и подаренномъ самимъ Суворовымъ Гримму. Съ этого портрета было гравировано шесть разныхъ изображеній; всѣ они имѣютъ тотъ же поворотъ головы, ту же прическу и тѣ же отличительныя глубокія продольныя морщины на лбу. Изображенія Суворова на миніатюрѣ и на портретѣ, подаренномъ Гримму, очень между собою схожи.

Лучшіе по художественному исполненію портреты Суворова были написаны въ 1796—1797 годахъ англійскимъ художникомъ Аткинсономъ (Iohann August Atkinson; 1775 † послѣ 1829 г.), кисти котораго принадлежатъ прекрасные портреты Императоровъ Павла I и Александра I, а также батальныя картины, изъ которыхъ болѣе замѣчательная «Мамаево побоище». Одинъ изъ портретовъ, писанныхъ Аткинсономъ, поколѣнный; другой же представляетъ

Суворова во весь ростъ, съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ; онъ снялъ съ головы треугольную шляпу и ею даетъ знакъ войскамъ идти въ бой; на фонѣ изображена баталія. Поза фигуры на этомъ портретѣ передана прекрасно; приходится сожалѣть, что оригиналъ не сохранился. Найти его было бы открытіемъ не менѣе цѣннымъ, чѣмъ случайная находка пастельнаго портрета Шмидта, пріобрѣтеннаго Государемъ Императоромъ.

Поколѣнный портретъ Аткинсона находится нынѣ въ моей коллекціи и представляетъ собою, несомнѣнно, лучшее изъ сохранившихся художественныхъ изображеній Суворова. Портретъ обличаетъ кисть выдающагося художника; Суворовъ изображенъ въ свѣтлозеленомъ, расшитомъ золотомъ, фельдмаршальскомъ мундирѣ съ крестомъ ордена Александра Невскаго на шеѣ, съ Андреевской лентой черезъ плечо и алмазными знаками того же ордена, звѣздами Георгіевской и австрійской и на правомъ плечѣ у него надѣтъ бриліантовый эполетъ въ 60,000 р., пожалованный ему въ 1791 г. Императрицей Екатериной. На основаніи нѣкоторыхъ семейныхъ воспоминаній можно полагать, что этотъ портретъ принадлежалъ племянницѣ Суворова, графинѣ Хвостовой, рожденной княжнѣ Горчаковой, въ домѣ которой въ Петербургѣ онъ и скончался. Съ этихъ двухъ портретовъ, гдѣ Суворовъ, повидимому, изображенъ въ парикѣ, извѣстный англійскій граверъ Валькеръ (James Walker; 1748—1808), ученикъ Валентина Грина, впослѣдствіи академикъ, исполнилъ черной манерой два превосходныхъ листа; отъ каждаго изъ этихъ портретовъ я имѣю въ своемъ собраніи по два экземпляра, причемъ одинъ изъ оттисковъ гравюры во весь ростъ отпечатанъ ранѣе всякой подписи (avant la lettre); такіе листы почти не встрѣчаются болѣе. Графъ Растопчинъ, посылая 27-го іюня 1799 года эти два портрета Валькера графу С. Р. Воронцову, писалъ ему: «Je Vous envoie deux portraits du C-te Souworow. Celui qui est avec le bâton de commandement, est frappant pour le maintien. L'autre le représente mieux (Архивъ князя Воронцова, VIII, 255)». Валькеру, спеціалисту гравюры черной манеры, мы обязаны лучшими акватинтами, исполненными по портретамъ лицъ Царской Фамиліи и дѣятелей второй половины XVIII вѣка, въ числѣ этихъ портретовъ можно указать на изображенія Екатерины II, Александры Павловны, Александра I, Потемкина, Румянцева и мног. друг. Портреты послѣднихъ двухъ лицъ, а также портреты Суворова, исполнены Валькеромъ и пріобрѣтены мною вмѣстѣ съ многими другими рѣдкими изображеніями у Фельтена.

Всѣ остальные извѣстные портреты Суворова, писанные масляной краской и пастелью, относятся къ 1799—1800 годамъ; къ этому времени слѣдуетъ отнести и большинство гравированныхъ его изображеній. Изъ портретовъ 1799 года, болѣе всего извѣстенъ, хотя и не дошелъ до насъ въ оригиналѣ, портретъ, писанный въ Вѣнѣ, въ бытность тамъ Суворова, нѣмецкимъ художникомъ Крейцингеромъ. Этотъ портретъ признавался за схожее изображеніе Суворова и извѣстный нашъ партизанъ Денисъ Давыдовъ, видѣвшій во время своей юности Суворова, оставившаго въ немъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, находилъ этотъ портретъ похожимъ; однако, это заключеніе не сходится съ другимъ его мнѣніемъ, болѣе убѣдительнымъ, въ которомъ онъ признаетъ бюстъ работы Гишара также за наилучше передающій черты Суворова. Оригинальный бюстъ Гишара находится въ моемъ собраніи Суворовскихъ изображеній и онъ совершенно не похожъ на крейцингеровскій типъ, въ которомъ художникъ придалъ Суворову совершенно нѣмецкую физіономію, значительно удлинилъ лицо и увеличилъ носъ и чрезмѣрно оттянулъ нижнюю губу, давъ ей характеръ, замѣчающійся у представителей Габсбургскаго дома. Повтореніе крейцингеровскаго портрета находилось еще относительно недавно у одного изъ князей Оболенскихъ, но, по наведенной мною справкѣ, онъ болѣе не существуетъ въ семьѣ прежняго владѣльца. Съ оригинала Крейцингера награвировано до 37 разныхъ портретовъ, изъ которыхъ лишь нѣкоторые, какъ, напримѣръ, гравюра Поля, исправленная и дополненная съ натуры, отличаются сходствомъ; другіе же сохраняютъ свой германскій характеръ, совершенно чуждый физіономіи Суворова. Этого типа гравированные портреты Суворова не рѣдки и встрѣчаются въ большомъ числѣ въ Германіи и Австріи, гдѣ ими были илюстрированы нѣмецкія изданія конца прошлаго и начала текущаго столѣтій, посвященныя описанію жизни и побѣдъ Суворова.

Послѣ крейцингеровскаго изображенія слѣдуетъ упомянуть о портретѣ, считавшемся въ Суворовской семьѣ самымъ схожимъ и высоко цѣнимомъ генералъ-адъютантомъ княземъ Суворовымъ. Этотъ небольшой овальный масляной краски портретъ (бюстъ) писанъ съ натуры въ Августѣ 1799 года тотчасъ послѣ сраженія при Нови. Суворовъ на немъ изображенъ въ бѣлой рубашкѣ съ Анненскимъ крестомъ на шеѣ. Для всякаго, хорошо знакомаго съ иконографіей Суворова и составившаго себѣ понятіе о внѣшности генералиссимуса изъ множества его изображеній, а не по одному—другому портрету, будетъ вполнѣ ясно, что портретъ въ рубашкѣ реально

передаетъ черты и выраженіе Суворова, какими онѣ въ дѣйствительности представлялись въ 1799 г. Этотъ единственный въ своемъ родѣ портретъ находится въ моихъ рукахъ и не выходилъ изъ семьи Суворова.

Въ концѣ 1799 года былъ написанъ съ Суворова портретъ масляной краской, во весь ростъ; генералиссимусъ представленъ бѣгущимъ безъ шапки на полѣ сраженія съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ; на немъ растегнутый мундиръ и всѣ регаліи. Этотъ портретъ лучше всѣхъ другихъ передаетъ фигуру Суворова: передъ вами худощавый, подвижный старичекъ,—живой, пылкій темпераментъ котораго проявлялся особенно ярко въ бою. Такимъ въ дѣйствительности долженъ былъ быть по внѣшности Суворовъ въ 1799 году, когда вся Европа была полна его славой, когда Державинъ посвящалъ этому кумиру русскаго солдата свои вдохновенные стихи, когда въ честь его писались героическія поэмы и когда великосвѣтскія чопорныя австріячки считали за счастье дѣлить пряди его сѣдыхъ волосъ.... Этотъ портретъ принадлежалъ генералъ-адъютанту князю Суворову, но послѣ его смерти попалъ въ чужія руки и затѣмъ былъ купленъ мною. Согласно семейнымъ преданіямъ, онъ былъ написанъ для Великаго Князя Константина Павловича и впослѣдствіи подаренъ Императоромъ Николаемъ I. Съ этого портрета была снята копія, находившаяся у графини Елены Дмитріевны Канкриной.

Теперь надлежитъ сказать нѣсколько словъ о портретахъ Шмидта, написанныхъ въ Прагѣ въ 1800 году. Къ сожалѣнію, я не видѣлъ ни одного изъ оригинальныхъ портретовъ Шмидта, писанныхъ съ Суворова, и могъ составить о нихъ понятіе лишь по гравюрамъ, по нимъ исполненнымъ. Въ картинной галереѣ въ Дрезденѣ есть цѣлая ротонда, увѣшанная портретами Шмидта; въ ней Ровинскій, еще до меня, напрасно искалъ портретъ Суворова; также безплодны были и мои поиски. Біографъ Суворова Фуксъ называетъ Шмидта по ошибкѣ Миллеромъ; эпизодъ встрѣчи Суворова съ живописцемъ и сеансъ, данный ему фельдмаршаломъ, описанъ весьма интересно, а потому я надѣюсь, что мнѣ не будетъ сдѣлано упрека за то, что я приведу этотъ разсказъ дословно (Е. Фуксъ, «Собраніе разныхъ сочиненій», С-Петербургъ 1827 г., стр. 134—137).

«Курфирстъ Саксонскій, уважая отличныя достоинства великаго россіянина, изволилъ отправить въ Прагу (въ Богемію) знаменитаго своего живописца Миллера, для списанія портрета Суворова, который будетъ украшать дрезденскій музеумъ или, лучше сказать, музеумъ Европы. Сими словами возвѣстилъ я князю Александру Васильевичу о прибытіи артиста въ Прагу. Онъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ

изволитъ безпокоиться его свѣтлость: откажи ему и скажи, что я мальчишка». Сіи слова меня поразили, я остановился и произнесъ съ жаромъ: «Судить, кто вы, не ваше дѣло; предоставьте сіе Европѣ. Ужели вы заставите художника сказать вамъ, что сказано было Монтескье, отказавшемуся также отъ портрета: развѣ въ отказѣ семъ менѣе гордости»? Онъ запрыгалъ, поставилъ посреди горницы стулъ и велѣлъ ввести къ себѣ живописца. При появленіи сего, сѣдинами украшеннаго старца, князь тотчасъ его обнялъ и расцѣловалъ. Потомъ, стскочивъ, началъ по нѣмецки слѣдующую рѣчь: «Его свѣтлость курфирстъ желаетъ имѣть мой портретъ. Ваша кисть изобразитъ черты лица моего; онѣ видны; но внутреннее человѣчество мое сокрыто. Итакъ, скажу вамъ, любезный господинъ Миллеръ, что я проливалъ кровь ручьями. Содрагаюсь. Но люблю моего ближняго; во всю жизнь мою никого не сдѣлалъ несчастнымъ; ни одного приговора на смертную казнь не подписывалъ; ни одно насѣкомое не погибло отъ руки моей. Былъ малъ, былъ великъ (тутъ вскочилъ на стулъ); при приливѣ и отливѣ счастья уповалъ на Бога и былъ непоколебимымъ (сѣлъ на стулъ) какъ и теперь».—Тутъ умолкъ онъ, сидѣлъ неподвижно, и восхищенный Миллеръ, съ чувствомъ гордости принялся за кисть. Прекрасный портретъ сей хранится и донынѣ въ Дрезденскомъ музеумѣ; а гравированная съ онаго копія въ изданной мною исторіи».

Нѣсколько иначе разсказываетъ описанный фактъ, баронъ Ѳ. А. Бюллеръ, со словъ своего отца; онъ говоритъ (Д. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. II, столб. 1690), что «сеансъ этотъ былъ назначенъ Шмидту во время обѣда, часу въ девятомъ утра; Суворовъ сидѣлъ за столомъ въ рубашкѣ и разговаривалъ съ генералами; Шмидтъ рисовалъ съ него, сидя за другимъ концомъ стола. Послѣ обѣда Суворовъ прочелъ молитву и проскакалъ мимо Шмидта на одной ногѣ, закричавъ кукуреку. Мундиръ и ордена Шмидтъ писалъ послѣ, для чего камердинеръ Суворова, Прошка, вынесъ ему австрійскій фельдмаршальскій мундиръ съ блестковыми звѣздами».

Во всякомъ случаѣ, изъ приведенныхъ текстовъ нѣтъ указаній на то, что портретъ писался для Суворова и что былъ ему переданъ. Насколько извѣстно, правнучкѣ фельдмаршала А. А. Козловой, у ея отца не было ни одного пастелью писанаго портрета генералисимуса и тѣмъ паче Шмидтовскаго; если бы было иначе, то этотъ портретъ не ускользнулъ бы отъ вниманія Ровинскаго, высказывающаго досаду по поводу того, что «оригинальный портретъ Шмидта неизвѣстно куда дѣлся» и указывающаго на повтореніе этого портрета, писанное для барона Бюллера, и съ котораго Уткинъ исполнилъ свою гравюру, предварительно снявъ акварельную копію, хранящуюся нынѣ въ публичной библіотекѣ. Г. Верещагинъ розыскалъ портретъ, считавшійся пропавшимъ, и, не касаясь вопроса о томъ, гдѣ и какъ этотъ портретъ найденъ, достаточно сказать, что самые компетентные знатоки живописи признали его подлиннымъ и со-

временнымъ Суворову, что неоспоримо доказывается, кромѣ подписи, характеромъ пастельнаго рисунка и карандашами, которыми онъ писался, такъ какъ вскорѣ послѣ смерти Суворова способъ рисованія пастелью совершенно измѣнился.

Съ оригинальнаго Шмидтовскаго портрета, бывшаго, со словъ Ровинскаго, въ рукахъ Бекетова, и на средства сего послѣдняго, гравированъ въ 1812 году Флоровымъ, а, отчасти, и Скотниковымъ, большой портретъ, грубый по исполненію, но не лишенный сходства: Бекетовъ, знавшій Суворова въ лицо и очень его почитавшій, цѣнилъ эту гравюру, считая ее за схожее изображеніе.

Значительно выше, по техникѣ исполненія, стоитъ гравюра Уткина, изготовленная въ 1818 году по Шмидтовскому портрету, принадлежавшему барону Бюллеру, но за то она отличается меньшимъ сходствомъ. Эта гравюра почти всѣмъ извѣстна и по ней, по преимуществу, и составляется понятіе о физіономіи Суворова.

Послѣ Шмидтовскихъ изображеній, о которыхъ только что говорено, приходится упомянуть о находящихся въ моемъ собраніи двухъ небольшихъ портретахъ масляной краски, писанныхъ также въ 1800 году. Первый изъ нихъ, какъ гласятъ преданія семьи, былъ написанъ для герцогини Курляндской, за которую былъ посватанъ сынъ генералисимуса—Аркадій. При составленіи общаго очертанія, художникъ пользовался тогда же написаннымъ портретомъ Шмидта, но окончилъ его однимъ сеансомъ, даннымъ Суворовымъ живописцу. Портретъ этотъ былъ извѣстенъ и Ровинскому, который про него упоминаетъ (т. II, приложеніе, столб. 291): «У свѣтл. кн. Суворова: кн. А. В. Суворовъ, типъ нѣсколько отличается отъ Шмидтовскаго». Этотъ портретъ довольно характеренъ, но значительно уступаетъ, по живописи, тому, гдѣ Суворовъ представленъ въ рубашкѣ съ Анненскимъ крестомъ на шеѣ. Второй изъ двухъ помянутыхъ портретовъ подаренъ А. А. Козловой, статсъ-дамой, графиней Паниной, которая пожелала, чтобы это цѣнное и несомнѣнно современное Суворову изображеніе было въ рукахъ послѣдней изъ Суворовыхъ по рожденію. Генералисимусъ на этомъ портретѣ изображенъ въ бѣломъ австрійскомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ и по типу онъ ближе всего подходитъ къ Шмидтовскимъ изображеніямъ [1]).

Этимъ исчерпывается почти все, что можно сказать объ извѣстныхъ и современныхъ Суворову портретахъ, такъ какъ другіе, какъ,

---

[1]) Фототипія съ этого портрета, исполненная Вильборгомъ, приложена къ настоящей статьѣ.

напримѣръ, писанный живописцемъ Фросте въ 1835 г. и принадлежащій мнѣ, и портреты Суворова, находящіеся въ фельдмаршальскомъ залѣ Зимняго дворца, въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, въ музеѣ общества исторіи и древности въ Одессѣ и въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, написаны уже послѣ смерти Суворова и не имѣютъ характера портретовъ, исполненныхъ съ натуры, почему мнѣ казалось достаточнымъ только о нихъ упомянуть.

Къ числу особенно интересныхъ изображеній Суворова слѣдуетъ отнести бюстъ его и именно тотъ, который былъ исполненъ, вскорѣ послѣ смерти генералисимуса, Гишаромъ съ маски, снятой съ лица покойнаго. Подлинный бюстъ Гишара, принадлежавшій сыну Суворова, попалъ затѣмъ въ чужія руки, но купленъ мною и находится нынѣ въ моемъ собраніи. Это дѣйствительно рѣдкое изваяніе, отличающееся чрезвычайно тонкой отдѣлкой; бюстъ вылитъ изъ темной бронзы, на которой за истекшее столѣтіе образовалась зеленоватая патина; Суворовъ представленъ въ рубашкѣ съ Анненскимъ крестомъ на шеѣ; черты лица переданы во всей точности и реальности и обличаютъ заботливое и артистическое исполненіе; вездѣ чувствуется рѣзецъ скульптора, съ любовью относившагося къ своему творенію. Бюстъ при всѣхъ поворотахъ одинаково хорошъ и интересенъ и вызывалъ подобную оцѣнку всѣхъ безъ исключенія видѣвшихъ его знатоковъ.

Изъ мнѣній разныхъ современниковъ о сходствѣ тѣхъ или иныхъ изображеній Суворова особенно цѣнно опредѣленіе Дениса Давыдова, весьма интересно повѣствующаго о своей встрѣчѣ въ 1793 г. съ «великимъ Суворовымъ»; привожу дословно выдержку изъ разсказа нашего извѣстнаго партизана («Сочиненія Дениса Васильевича Давыдова», т. I, стр. 97 и 98):

«До разсвѣта войска выступили изъ лагеря, и мы, спустя часъ по ихъ выступленіи, поѣхали вслѣдъ за ними въ коляскѣ. Но угонишься ли за конницею, ведомою Суворовымъ? Бурные разливы ея ежеминутно уходили отъ насъ изъ виду, оставляя за собою одинъ лугъ, болѣе и болѣе удалявшійся. Иногда между эскадронами въ облакахъ пыли показывается кто-то, скачущій въ бѣлой рубашкѣ, и въ любопытномъ народѣ, высыпавшемъ въ поле для одного съ нами предмета, вырывались крики: «Вотъ онъ, вотъ онъ! Это онъ, нашъ батюшка, графъ Александръ Васильевичъ!» Вотъ, все, что мы видѣли и слышали. Наскучивъ наконецъ безплоднымъ стараніемъ хотя однажды взглянуть на героя, мы возвратились въ лагерь въ надеждѣ увидѣть его при возвращеніи съ маневровъ, которые, какъ насъ увѣряли, должны были окончиться ранѣе чѣмъ наканунѣ. И подлинно, около десяти часовъ утра, все зашумѣло вокругъ нашей палатки, закричало: «Скачетъ, скачетъ!» Мы выбѣжали и увидѣли Суворова въ 100 саженяхъ отъ насъ скачущаго во всю прыть мимо нашей палатки. Я помню, что сердце мое тогда упало, какъ послѣ упадало при встрѣчѣ съ любимой женщиной. Я весь былъ

взоръ и вниманіе; весь былъ любопытство и восторгъ, и какъ теперь вижу толпу, составленную изъ четырехъ полковниковъ, изъ корпуснаго штаба, адъютантовъ и ординарцевъ, и впереди толпы Суворова, на саврасомъ калмыцкомъ конѣ, принадлежавшемъ моему отцу, въ бѣлой рубашкѣ, въ довольно узкомъ, полотняномъ нижнемъ платьѣ, въ сапогахъ, въ родѣ тоненькихъ ботфортъ, и въ легкой маленькой, солдатской каскѣ, формы того времени, нѣсколько сходной съ формой нынѣшнихъ касокъ гвардейскихъ конныхъ гренадеръ. На немъ не было ни ленты, ни крестовъ: это мнѣ очень памятно, какъ и черты худощаваго лица его, покрытаго морщинами, достойными наблюденія Лафатэра, какъ и поднятыя брови и нѣсколько опущенныя вѣки. Все это, несмотря на дѣтскія лѣта, запечатлѣлось въ моей памяти не менѣе его одежды. Вотъ отчего мнѣ не нравится ни одинъ изъ его бюстовъ, ни одинъ изъ его портретовъ, кромѣ портрета, писаннаго въ Вѣнѣ, во время проѣзда его въ Италію, и котораго вѣрнѣйшая копія находится у меня, да бюста Гишара, изваяннаго по слѣпку съ лица послѣ его смерти. Портретъ искусно выгравированный Уткинымъ, не похожъ: онъ безъ оригинальнаго выраженія его физіономіи и безжизненъ. Когда онъ несся мимо насъ, любимый адъютантъ его Тищенко, человѣкъ совершенно необразованный, но котораго онъ передъ всѣми выставлялъ за своего наставника, и какъ будто слушался его наставленій, Тищенко закричалъ ему: «Графъ! что вы такъ скачете? Посмотрите, вотъ дѣти Василья Денисовича!»—«Гдѣ они? гдѣ они?» спросилъ онъ, и, увидя насъ, поворотилъ въ нашу сторону, подскакалъ къ намъ и остановился. Мы подошли къ нему ближе. Поздоровавшись съ нами, онъ спросилъ у отца моего наши имена; подозвавъ насъ къ себѣ еще ближе, онъ благословилъ насъ весьма важно, протянулъ каждому изъ насъ свою руку, которую мы поцѣловали, и спросилъ меня: «Любишь ты солдатъ, другъ мой?» Я со всѣмъ порывомъ дѣтскаго восторга мгновенно отвѣчалъ ему: «Я люблю графа Суворова; въ немъ все, и солдаты, и побѣда, и слава!»—«О, помилуй Богъ, какой удалой!» сказалъ онъ; «это будетъ военный человѣкъ; я не умру, а онъ уже три сраженія выиграетъ! А этотъ (указавъ на моего брата) пойдетъ по гражданской службѣ!» Съ этимъ словомъ онъ вдругъ поворотилъ лошадь, ударилъ ее нагайкою и поскакалъ къ своей палаткѣ...»

Въ этомъ краткомъ, мастерскомъ описаніи—цѣлая картина, которая прекрасно передана въ рисункѣ художника Коцебу, приложенномъ къ исторіи Суворова Полеваго.

Русскіе портреты, гравированные, по оригиналамъ Шмидта, Флоровымъ и Уткинымъ, были воспроизведены въ разную величину при помощи гравюры или же фототипіи и геліогравюры: наилучшимъ воспроизведеніемъ Флоровскаго большаго портрета служатъ уменьшенныя съ него копіи, гравированныя Флоровымъ же, и появившіяся въ изданіяхъ Фукса: «Исторія россійско-австрійской кампаніи 1799 г.» и «Anecdoten aus dem Leben des Fürsten Italinsky Graf Suworoff Rymniksky» и въ «русскихъ анекдотахъ Глинки»; портретъ, находящійся въ послѣдней книгѣ, очень типиченъ и сопровождается надписью, заключающею любимыя слова Суворова: «Торопитесь дѣлать добро. Я руской! вы рускіе! съ нами Богъ! «ура»! (орѳографія сохранена)». Съ Фроловскаго же изображенія гравированъ прекрасный портретъ, приложенный къ сочиненію Полеваго: «Русскіе полководцы»; эта гравюра одна изъ наиболѣе

удачныхъ по счастливо переданному сходству. О копіяхъ съ Уткинскаго портрета не стоитъ говорить подробно; онѣ многочисленны, но не интересны.

Кромѣ гравюръ, исполненныхъ по оригинальному портрету, подаренному самимъ Суворовымъ Гримму, двухъ офортъ Валькера съ портретовъ Аткинсона и серіи изображеній въ типѣ оригинала Крейцингера, гравировано нѣсколько Суворовскихъ портретовъ по неизвѣстнымъ оригиналамъ, писаннымъ преимущественно въ Италіи, въ 1799 году, и изъ которыхъ многіе исполнялись съ натуры и потому заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Первымъ упомяну о совершенно не схожемъ съ другими поименованными портретами изображеніи, гравированномъ черной манерой въ Лондонѣ и изданномъ 11-го іюня 1799 года. Оригиналомъ служилъ рисунокъ, исполненный съ натуры въ маѣ 1799 года поручикомъ Фрисомъ, драгунскаго полка Карачая. Гравюра по техникѣ превосходна и очень цѣнится собирателями, такъ какъ она исполнена извѣстнымъ граверомъ, Валентиномъ Гриномъ; особенно рѣдки экземпляры, отпечатанные красками. На принадлежащемъ мнѣ портретѣ краски настолько свѣжи, что многіе, видѣвшіе его, не хотѣли вѣрить, что передъ ними не акварель.

Слѣдующая гравюра особенно замѣчательна какъ по техникѣ исполненія, такъ и по характеру самого изображенія; это большаго размѣра акватинта, изданная 1-го іюня 1800 г. въ Лондонѣ и гравированная Гильбанкомъ по картинѣ, писанной англійскимъ художникомъ Сингельтономъ, съ оригинальнаго рисунка поручика Бискевнини, драгунскаго полка Вальдека. На этой прекрасной гравюрѣ Суворовъ изображенъ во весь ростъ, опирающимся на вынутую изъ портупеи шпагу; онъ повернулся слегка вправо и отдаетъ приказаніе конному драгуну, красивая фигура котораго склонилась передъ фельдмаршаломъ и выражаетъ почтительное вниманіе. Рядомъ съ Суворовымъ водружено знамя и зіяетъ жерло громаднаго орудія; вдали представлено сраженіе. Лицо Суворова на гравюрѣ, хотя, въ общемъ, и не вполнѣ походитъ на другіе его портреты, но вы видите, тѣмъ не менѣе, правильно переданныя его черты и овалъ лица; выраженіе же глазъ просто поражаетъ; тутъ, очевидно, не фантазія, а мастерски схваченная природа. Изо всѣхъ существующихъ гравированныхъ изображеній Суворова, это самое рѣдкое, художественное по исполненію и характерное по передачѣ фигуры, которой напрасно придана излишняя полнота. У Ровинскаго объ этомъ портретѣ сказано: «Рѣдкій листъ; считается за схо-

жій портретъ». Въ моемъ собраніи имѣются два экземпляра этой прекрасной гравюры; изъ нихъ одинъ въ краскахъ.

Также весьма интересна небольшая гравюра, исполненная пунктиромъ, тогда какъ лицо особенно тонко отдѣлано рѣзцомъ. Она изготовлена по рисунку Балли, въ Миланѣ, въ 1799 г. И этотъ портретъ, несмотря на свое различіе съ другими, производитъ впечатлѣніе схожаго и притомъ весьма оригинальнаго изображенія. Чрезмѣрно длинный, совершенно оголенный лобъ даетъ физіономіи своеобразный характеръ; за то глаза, носъ и вся нижняя часть лица несомнѣнно принадлежатъ Суворову и переданы прекрасно; этотъ портретъ не напрасно считается Ровинскимъ «очень типичнымъ» и онъ несомнѣнно принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ изображеній Суворова. Къ сожалѣнію, этотъ портретъ не печатался красками; въ моемъ собраніи онъ имѣется въ весьма отчетливомъ оттискѣ.

Не менѣе интересенъ по техникѣ исполненія, но уступаетъ по сходству, портретъ, гравированный въ Лондонѣ извѣстнымъ Скіавонетти и изданный 21-го іюня 1799 г. Имя художника, съ рисунка котораго исполнена гравюра, неизвѣстно. Суворовъ на портретѣ изображенъ особенно старообразнымъ, съ хитрымъ выраженіемъ глазъ и тонкими, сложенными въ саркастическую улыбку губами. Лобъ и на этомъ изображеніи крайне длиненъ и оголенъ; рѣдкіе, сѣдые волосы на затылкѣ и по вискамъ какъ бы отлетѣли назадъ подъ вліяніемъ порыва вѣтра. Если откинуть нѣкоторые недостатки этого портрета, останется несомнѣнно интересной—передача хитраго, саркастическаго выраженія лица, которое, какъ гласятъ очевидцы, лицо Суворова иногда пріобрѣтало, когда онъ, въ злой ироніи, глумился, напримѣръ, надъ «бѣдными академиками», упрекавшими его въ отсутствіи тактическихъ пріемовъ и въ прямолинейности его боевыхъ движеній, чуждыхъ, такъ называемыхъ, «маршей» и «контръмаршей». Портретъ Скіавонетти имѣется въ моемъ собраніи и черный, и въ краскахъ.

Къ числу изображеній Суворова, исполненныхъ по неизвѣстнымъ оригиналамъ, слѣдуетъ отнести маленькую гравюру Осипова, представляющую Суворова въ бѣлой рубашкѣ; на шеѣ надѣтъ черный галстухъ и кресты св. Анны и мальтійскій и цѣпь Анунціады. Этотъ портретъ отличается сходствомъ и, какъ таковой, былъ изданъ Глинкою съ двумя различными надписями: «На огнѣ не горѣлъ, на водѣ не тонулъ (слова Артемія Булатова)» и — «Взоръ; быстрота, съ нами Богъ! натискъ; побѣда; — ура! (слова Суворова)»; гра-

вюра за послѣднею надписью была посвящена Глинкой Милорадовичу.

Я закончу свой перечень портретовъ Суворова, гравированныхъ по неизвѣстнымъ оригиналамъ, нѣсколькими словами о превосходномъ изображеніи, принадлежащемъ рѣзцу италіанскаго гравера Альбертолли. Этотъ портретъ рѣдчайшій и особенно интересенъ. Тутъ опять мы стоимъ лицомъ къ лицу съ гравюрой, исполненной по оригинальному, съ натуры писанному портрету и опять наталкиваемся на новое выраженіе лица, задумчивое и хмурое; брови на портретѣ приподняты, что вызвало особое напряженіе морщинъ на лбу; вѣки нѣсколько спущены; эта подробность въ лицѣ Суворова была уже отмѣчена очевидцемъ, Денисомъ Давыдовымъ, и о ней было упомянуто. Нижняя губа на портретѣ показана слегка отвисшей и выдвинутой впередъ; не подтверждаетъ ли эта послѣдняя особенность портрета правильность портрета Крейцингера?... Во всякомъ случаѣ, портретъ Альбертолли передаетъ весьма характерно старческое лицо Суворова, столь часто мѣнявшее свое выраженіе подъ впечатлѣніемъ минуты, среды и настроенія.

Другія гравюры, исполненныя по неизвѣстнымъ оригиналамъ, значительно менѣе интересны, а потому и говорить о нихъ отдѣльно я не буду; онѣ имѣютъ, однако, большую цѣнность для собирателей изображеній Суворова и для тѣхъ, которые желаютъ выработать въ себѣ общій взглядъ на наружность нашего полководца. Изъ числа этихъ гравюръ слѣдуетъ исключить, однако, портреты, на которыхъ Суворову принадлежитъ лишь надпись; такихъ изображеній немало; одно изъ нихъ, напримѣръ, замѣчательно по техникѣ, это великолѣпная акватинта Гоеда, изданная 4-го іюня 1799 г. въ Лондонѣ и изображающая не Суворова, а Вашингтона. Изъ этого, факта можно судить о томъ, насколько велика была тогда слава Суворова, что англичане не постѣснились стереть съ гравированной доски имя одного изъ величайшихъ людей англо-саксонской расы, чтобы замѣнить его фамиліей нашего доблестнаго соотечественника!... Въ моемъ собраніи имѣется подлинный акварельный портретъ, съ котораго исполнялась меньшая изъ гравюръ, изображающихъ Вашингтона; на ней какъ и на большомъ экземплярѣ, на президентѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ надѣтъ фельдмаршальскій, шитый золотомъ мундиръ и австрійская лента; подъ гравюрами читается — Suwarow. На имѣющейся у меня акварели сохранилась современная ей, написанная русскими буквами надпись: «Суворoф Римницкої». Къ числу изображеній извѣстныхъ

лицъ, изданныхъ подъ именемъ Суворова, слѣдуетъ отнести и одинъ изъ портретовъ Растопчина. Всего курьезнѣе то, что впослѣдствіи, послѣ смерти Суворова, тотъ же портретъ появился опять, но уже подъ своимъ настоящимъ именемъ.

Къ числу портретовъ другихъ лицъ, выдаваемыхъ за Суворовскіе, обращаетъ на себя вниманіе цѣлая серія изображеній съ гравюрой Courbe'a во главѣ. На этихъ портретахъ Суворовъ изображенъ съ калмыцкой физіономіей, широкимъ лицемъ, выдающимися скулами и общимъ грубымъ, звѣрскимъ выраженіемъ лица. На италіанскомъ же портретѣ, гравированномъ Кампарелли и сохраняющемъ тотъ же типъ, Суворовъ представленъ во весь ростъ и ему придано сложеніе атлета съ невѣроятно развитыми икрами. Портреты Кампарелли рѣдко встрѣчаются; особенно интересны тѣ, которые сохранили изданную вмѣстѣ съ ними біографію Суворова на италіанскомъ языкѣ. Изъ двухъ экземпляровъ этой гравюры, имѣющихся въ моемъ собраніи, одна имѣетъ это весьма любопытное приложеніе.

О профильныхъ изображеніяхъ Суворова было уже говорено; они довольно многочисленны и далеко не исчерпываются 28-ю номерами, показанными у Ровинскаго. Въ моемъ собраніи есть нѣсколько совершенно еще неизвѣстныхъ профильныхъ портретовъ Суворова и въ числѣ ихъ особенно типиченъ одинъ, гдѣ Суворовъ представленъ въ малой гренадерской каскѣ, на подобіе тѣхъ, которыя сохранили и нынѣ конно-гренадеры. Ровинскому былъ извѣстенъ другой портретъ въ такой же каскѣ, съ большимъ козырькомъ, называемой schako; портретъ этотъ не профильный; онъ принадлежитъ къ числу схожихъ изображеній. Изъ профильныхъ изображеній также очень типиченъ портретъ, гравированный въ 1799 г. въ Лейпцигѣ Эндеромъ и гдѣ Суворовъ изображенъ въ шлемѣ римскаго воина. Эта маленькая гравюра очень недурно передаетъ черты лица фельдмаршала.

Передъ тѣмъ, чтобы перейти къ описанію нѣкоторыхъ, относящихся къ Суворову, гравированныхъ батальныхъ и алегорическихъ картинокъ, слѣдуетъ упомянуть о конныхъ его портретахъ, которые вообще встрѣчаются рѣдко. Кромѣ лубочныхъ портретовъ Ровинскому, было извѣстно четыре конныхъ изображенія Суворова, не отличающіеся сходствомъ. На одномъ изъ принадлежащихъ мнѣ конныхъ портретовъ Суворовъ изображенъ гарцующимъ на чудномъ фламандскомъ конѣ, вродѣ тѣхъ, которые встрѣчаются на картинахъ Вувермана, и самому фельдмаршалу приданъ фламандскій типъ.

Вся гравюра очень интересно составлена и принадлежитъ къ числу особенно рѣдкихъ.

Изъ лубочныхъ конныхъ изображеній, которыхъ извѣстно до восьми, болѣе замѣчательна картинка, находящаяся въ моемъ собраніи и изданная въ 1806 г.: на первомъ планѣ представлены конныя фигуры Суворова и Багратіона; подъ ними очень недурные по замыслу стихи: «Гласъ Суворова князю Петру Ивановичу Багратіону и кантата князю Багратіону». Этотъ листъ теперь найти почти невозможно, какъ, впрочемъ, и другія лубочныя изображенія Суворова.

Батальныя картинки, имѣющія сюжетомъ сраженія, въ которыхъ участвовалъ Суворовъ, встрѣчаются довольно рѣдко и въ особенности большіе листы: раньше всѣхъ слѣдуетъ упомянуть о великолѣпной гравюрѣ, исполненной въ 1892 г., въ Вѣнѣ, Бартчемъ, съ картины Казановы; эта гравюра была издана въ двухъ экземплярахъ—большомъ и маломъ—и изображаетъ штурмъ Очакова; она посвящалась Императрицѣ Екатеринѣ II. Оригинальная картина Казановы была написана для князя Потемкина, въ кабинетѣ котораго она и помѣщалась; судя по гравюрамъ, по ней исполненнымъ, она принадлежитъ къ числу особенно удачно переданныхъ батальныхъ сюжетовъ какъ по групировкѣ лицъ и изображенію мѣстности, такъ и по жизненности представленныхъ фигуръ: передъ вами ожесточенный, отчаянный бой, завершившійся взятіемъ крѣпости, подъ которой столь долго и напрасно держалъ Потемкинъ русскія войска. На первомъ планѣ изображена фигура въ бѣломъ одѣяніи и гренадерской каскѣ на головѣ, съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ, ведущая на приступъ свою колонну. Многіе, и я въ томъ числѣ, хотятъ видѣть въ этой фигурѣ Суворова, употреблявшаго, какъ извѣстно, палашъ въ бою, носившаго охотно въ сраженіи бѣлое одѣяніе и гренадерскую каску; но противъ такого заключенія возстаютъ другія соображенія: картина Казановы составлена во всемъ согласно указаніямъ и рисункамъ Потемкина, не благоволившаго въ то время къ Суворову и сильно завидовавшаго ему вообще и въ особенности послѣ славнаго взятія Измаила; при такихъ условіяхъ трудно допустить завѣдомое изображеніе Суворова на первомъ планѣ картины, всецѣло вдохновленной Потемкинымъ. Не берусь категорически рѣшить этотъ весьма интересный вопросъ, но полагаю, что въ письмахъ Потемкина можно было бы розыскать указанія на то, что это за фигура, столь рельефно представленная?...

Очень интересна серія изъ 16-ти гравюръ, исполненныхъ раз-

ными рѣзчиками въ 1795—1799 годахъ; эти гравюры, составляющія илюстраціи къ сочиненію Антинга—«Жизнь и военныя дѣянія генералисимуса князя Италійскаго графа Суворова Рымникскаго», изображаютъ: взятіе Глогау 1761 г., побѣду надъ гетманомъ Огинскимъ при Сталовичахъ 1770 г., взятіе Краковскаго зáмка 1771 г., сраженіе при Туртукаѣ 1773 г., сраженіе при Козлуджи 1773 г., приводъ къ Суворову комендантомъ Уральской крѣпости Пугачева 1775 г., отплытіе капитана-паши изъ Крыма 1777 г., пораженіе ногайскихъ татаръ 1783 г., сраженіе при Кинбурнѣ 1787 г., вылазку турокъ изъ Очакова 1788 г., сраженіе при Ѳокшанахъ 1789 г., побѣду надъ великимъ визиремъ близъ Рымника 1789 г.; приступъ и взятіе Измаила 1790 г.; Суворова, отдыхающаго на соломѣ, прибытіе варшавскихъ депутатовъ къ Суворову и вступленіе Суворова въ Варшаву.

Всѣ эти изображенія гравированы очень тонко; они встрѣчаются въ изданіяхъ сочиненія Антинга на русскомъ, англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Гравюры съ русскимъ текстомъ встрѣчаются значительно рѣже. Сочиненіе Антинга было издано на русскомъ языкѣ Парпурою; оно замѣчательно тѣмъ, что первую изъ трехъ частей читалъ самъ Суворовъ, остальныя же части просматривали довѣренныя Суворова лица; о сочиненіи Антинга велась Суворовымъ переписка съ Хвостовымъ и Антингу выдавались отъ Суворова денежныя субсидіи. Суворовъ требовалъ, чтобы въ книгѣ помѣщалось одно только описаніе военныхъ дѣйствій. На мѣдныхъ доскахъ, съ которыхъ печатались илюстраціи книги Антинга, для изданія Парпуры были выгравированы паралельно съ французскими и русскія надписи; доска же съ изображеніемъ Пугачева въ русскомъ изданіи замѣнена новой.

Большинство остальныхъ батальныхъ картинокъ, относящихся къ побѣдамъ Суворова, исполнено граверомъ Виллемъ (Loh. Martin Will), работавшимъ въ Аугсбургѣ. Гравюры Вилля въ художественномъ отношеніи не замѣчательны, но весьма интересны для собирателя сюжетовъ Суворовскихъ баталій; онѣ очень рѣдки и мнѣ ни разу не пришлось ихъ встрѣтить у торговцевъ эстампами. Эти гравюры имѣютъ безграмотныя французскія надписи. Рѣзцу Вилля принадлежатъ, между прочимъ, картинки: Осада Фокшанъ, взятіе Измаила и взятіе Праги и, кромѣ того, одинъ мало схожій профильный портретъ Суворова. Несравненно выше по техникѣ исполненія гравюра Скіавонетти, изображающая сраженіе русско-австрійскихъ войскъ съ французами на рѣкѣ Аддѣ 16-го апрѣля 1799 года; на

гравюрѣ это сраженіе названо: «Bataille entre les armées combinées autrichiennes et russes et celle de la république française près Pozzo et Brevio après le forcement du passage de l'Adda le 27 Avril 1799». Эта прекрасная и рѣдкая гравюра, исполненная по неизвѣстной масляной картинѣ Сингельтона, встрѣчается отпечатанной красками, бистромъ и обыкновенными оттисками. Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось достать экземпляръ этой гравюры, отпечатанный бистромъ, черезъ торговый домъ Антоніо Гранди въ Миланѣ.

Изо всѣхъ батальныхъ картинокъ, относящихся къ Суворовскимъ походамъ, особенно интересны три большія гравюры Вендрамини, исполненныя по рисункамъ Роберта Портера и изданныя въ Лондонѣ въ 1805 году. Гравюры Вендрамини имѣютъ сюжетомъ батальныя сцены въ Швейцаріи въ 1799 году; онѣ прекрасно передаютъ альпійскую мѣстность, а фигурамъ вообще придана особенная жизненность. Одна изъ гравюръ изображаетъ наступленіе нашихъ войскъ къ «Чертову мосту»: по горному ущелью, между нависшими скалами, движется пѣхота и казаки, послѣдніе вооружены укороченными пиками; казаки помогаютъ тащить горное орудіе, запряженное парою лошадей; за нимъ ведутъ двухъ муловъ, нагруженныхъ казачьими пиками и походными вьюками Суворова. На противоположныхъ скалахъ видѣнъ непріятель, стрѣляющій по движущейся колоннѣ; но и онъ поражается огнемъ нашихъ стрѣлковъ: одинъ изъ французскихъ офицеровъ представленъ падающимъ; къ нему бросается товарищъ. На полугорѣ стоитъ маленькая часовня, а вдали виднѣется очертаніе «Чертова моста». Рисунокъ Портера исполненъ мастерски; въ немъ не дано мѣста безжизненнымъ фигурамъ съ условными позами куколъ изъ паноптикума; тутъ все преисполнено движенія: люди и животныя напрягаютъ силы и спѣшатъ идти впередъ; загорѣлыя, мужественныя лица нашихъ солдатъ и казаковъ полны энергіи и вся картина производитъ сильное, реальное впечатлѣніе. Не менѣе хороша другая гравюра, изображающая сраженіе у «Чертова моста»: наши уже прошли черезъ тунель, называемый «Урнеръ-Лохъ», и штурмуютъ «Чертовъ мостъ»; въ первыхъ рядахъ непріятеля французскій всадникъ принятъ на пики казаковъ; лошадь его взвилась на дыбы и должна упасть въ пропасть, куда скатился уже другой конь съ своимъ всадникомъ. На поворотѣ горной дороги, по ту сторону потока, поставлена французами пушка, направленная противъ штурмующей колонны. У выхода, вѣроятно, изъ Урнерскаго тунеля, на краю обрыва, стоитъ Суворовъ въ бѣлой рубашкѣ и бѣломъ исподнемъ платьѣ, безъ

описанные батальные сюжеты, былъ ученикомъ Бартолоцци; онъ работалъ въ Петербургѣ съ 1805 по 1807 годъ; его рѣзцу мы обязаны прекрасными гравированными изображеніями Императора Александра I, Великой Княгини Екатерины Павловны, Бекетова, Бибикова и др. Джіованни Вендрамини не слѣдуетъ смѣшивать съ Францемъ Вендрамини, издавшимъ галерею генераловъ 1812 года.

Не вдаваясь далѣе въ подробное описаніе другихъ батальныхъ картинокъ и военныхъ сюжетовъ, относящихся къ Суворову и его времени, слѣдуетъ, однако, упомянуть о гравюрѣ Шютца, изображающей Рымникское сраженіе, о прекрасной маленькой картинкѣ извѣстнаго гравера Даніила Ходовецкаго, составляющей одну изъ иллюстрацій книги: «Almanach historique et généalogique de la vie de Catherine II» и о весьма тонкой гравюрѣ, исполненной по рисунку талантливаго Дюплесси Берто и представляющей сраженіе при Нови и смерть Жубера.

Изъ алегорическихъ и эпизодическихъ сюжетовъ всего болѣе замѣчательна большая акватинта, изображающая Суворова во весь ростъ, опирающагося на фельдмаршальскій жезлъ; фигурѣ полководца придана неестественная поза; передъ Суворовымъ—склоненная женская фигура (Варшава) подноситъ печать города, съ изображеніемъ сирены, и ключи. Надъ головой Суворова парящій ангелъ держитъ лавровый вѣнокъ: другой же геній, также въ облакахъ, держитъ въ рукахъ щитъ съ надписью—«Polonia recepta» На столѣ, около Суворова, лежитъ его шляпа, украшенная бриліантовымъ бантомъ за Крупчицы и Брестъ, а также и алмазнымъ плюмажемъ съ буквою К, за Кинбурнъ; тутъ же лежатъ шейные знаки иностраннаго ордена и бриліантовая съ эмалью табакерка, поднесенная Варшавой своему избавителю и имѣвшая на себѣ надпись—«Warczawa zbawcy swemu». У ногъ фельдмаршала лежитъ громадный барабанъ и сложены знамена и рыцарскіе доспѣхи. Эта алегорическая картинка теперь уже рѣдко встрѣчается, не иначе какъ въ большихъ собраніяхъ любителей; во время моей продолжительной и обширной переписки съ иностранными фирмами, торгующими гравюрами, мнѣ ни разу не предлагали этого листа, который мнѣ доставилъ Фельтенъ; мой экземпляръ исполненъ красками.

Не менѣе рѣдка маленькая алегорическая картинка, изображающая Императрицу Екатерину II, жалующую Суворову, побѣдителю Визиря при Рымникѣ, золотую шпагу; справа показана група преклоненныхъ турокъ. Очень интересна и другая алегорическая картинка, гдѣ Суворовъ, представленный во весь ростъ,

шапки, съ мальтійскимъ крестомъ на шеѣ: на немъ одинъ только ботфортъ, а другая нога, раненая, въ красной туфлѣ. Онъ поднялъ къ небу обѣ руки, изъ которыхъ одна держитъ обнаженную шпагу; у ногъ его лежитъ раскрытая книга; рядомъ съ нимъ священникъ, склонившійся на колѣни, произноситъ молитву. Около Суворова стоитъ Великій Князь Константинъ Павловичъ и какой-то роскошно одѣтый гусаръ подходитъ къ фельдмаршалу. Старикъ казакъ, съ Очаковскимъ крестомъ на груди, держитъ около Суворова бѣлаго коня; тутъ же стоитъ и другая лошадь. Колонна, посылаемая въ обходъ праваго фланга французской позиціи, спускается съ обрыва, чтобы перейти рѣку Рейсу. Скалы противоположнаго берега еще заняты французами и непріятельскіе стрѣлки бьютъ изъ-за утесовъ на выборъ нашихъ солдатъ, тѣлами которыхъ усѣянъ путь. Всѣмъ фигурамъ даны естественныя позы и картинка вообще въ высшей степени любопытна по своей оригинальности и прекрасно составленному рисунку. Эта гравюра посвящена Императору Александру I, портретъ котораго имѣется между столбцами пояснительнаго текста. Третья гравюра изображаетъ атаку французской позиціи Багратіономъ, ведущимъ на приступъ казаковъ; въ перспективѣ—долина Рейсы, а вдали—очертаніе Люцернскаго озера. И эта картинка отличается также прекрасной передачей сюжета: конная фигура Багратіона стремительно несется отъ васъ къ представленному на второмъ планѣ врагу; пѣшіе казаки, которыхъ Багратіонъ воодушевляетъ своимъ примѣромъ, кидаются на непріятеля съ опущенными пиками; лица ихъ выражаютъ отвагу и рѣшимость; впереди ихъ, съ шашкою на-голо, идетъ бородачъ съ Очаковскимъ крестомъ на груди.

Всѣ три гравюры Вендрамини встрѣчаются очень рѣдко въ рукахъ одного и того же лица и даже въ собраніи Ровинскаго находилась лишь послѣдняя изъ трехъ описанныхъ гравюръ. Особенно рѣдки экземпляры, исполненные красками. Въ моемъ собраніи имѣются всѣ три картинки Вендрамини, прекрасно сохранившіяся, отпечатанныя красками и пройденныя затѣмъ акварелью; онѣ уже интересны потому, что принадлежали сыну генералисимуса и отъ него перешли къ генералъ-адъютанту князю Суворову, особенно ими дорожившему. Но затѣмъ онѣ попали въ чужія руки и послѣ разныхъ странствованій были наконецъ розысканы мной и откуплены. Изъ имѣющагося у меня множества гравюръ, относящихся къ Суворовской эпохѣ, эти три картины однѣ изъ наиболѣе рѣдкихъ и цѣнныхъ.

Вендрамини (Giovanni Vendramini 1769—1835), гравировавшій

описанные батальные сюжеты, былъ ученикомъ Бартолоцци; онъ работалъ въ Петербургѣ съ 1805 по 1807 годъ; его рѣзцу мы обязаны прекрасными гравированными изображеніями Императора Александра I, Великой Княгини Екатерины Павловны, Бекетова, Бибикова и др. Джіованни Вендрамини не слѣдуетъ смѣшивать съ Францемъ Вендрамини, издавшимъ галерею генераловъ 1812 года.

Не вдаваясь далѣе въ подробное описаніе другихъ батальныхъ картинокъ и военныхъ сюжетовъ, относящихся къ Суворову и его времени, слѣдуетъ, однако, упомянуть о гравюрѣ Шютца, изображающей Рымникское сраженіе, о прекрасной маленькой картинкѣ извѣстнаго гравера Даніила Ходовецкаго, составляющей одну изъ иллюстрацій книги: «Almanach historique et généalogique de la vie de Catherine II» и о весьма тонкой гравюрѣ, исполненной по рисунку талантливаго Дюплесси Берто и представляющей сраженіе при Нови и смерть Жубера.

Изъ алегорическихъ и эпизодическихъ сюжетовъ всего болѣе замѣчательна большая акватинта, изображающая Суворова во весь ростъ, опирающагося на фельдмаршальскій жезлъ; фигурѣ полководца придана неестественная поза; передъ Суворовымъ—склоненная женская фигура (Варшава) подноситъ печать города, съ изображеніемъ сирены, и ключи. Надъ головой Суворова парящій ангелъ держитъ лавровый вѣнокъ: другой же геній, также въ облакахъ, держитъ въ рукахъ щитъ съ надписью—«Polonia recepta» На столѣ, около Суворова, лежитъ его шляпа, украшенная бриліантовымъ бантомъ за Крупчицы и Брестъ, а также и алмазнымъ плюмажемъ съ буквою К, за Кинбурнъ; тутъ же лежатъ шейные знаки иностраннаго ордена и бриліантовая съ эмалью табакерка, поднесенная Варшавой своему избавителю и имѣвшая на себѣ надпись—«Warczawa zbawcy swemu». У ногъ фельдмаршала лежитъ громадный барабанъ и сложены знамена и рыцарскіе доспѣхи. Эта алегорическая картинка теперь уже рѣдко встрѣчается, не иначе какъ въ большихъ собраніяхъ любителей; во время моей продолжительной и обширной переписки съ иностранными фирмами, торгующими гравюрами, мнѣ ни разу не предлагали этого листа, который мнѣ доставилъ Фельтенъ; мой экземпляръ исполненъ красками.

Не менѣе рѣдка маленькая алегорическая картинка, изображающая Императрицу Екатерину II, жалующую Суворову, побѣдителю Визиря при Рымникѣ, золотую шпагу; справа показана група преклоненныхъ турокъ. Очень интересна и другая алегорическая картинка, гдѣ Суворовъ, представленный во весь ростъ,

подаетъ Италіи въ образѣ женщины корону и пальмовую вѣтвь, какъ эмблему мира; надъ Суворовымъ парящій орелъ держитъ вѣнокъ. Также весьма любопытна русская гравюра, гдѣ Суворовъ изображенъ бесѣдующимъ съ Хароном; эта картинка служитъ плюстраціей къ сочиненію Евдокіи Тыртовой—«Разговоры въ царствѣ мертвыхъ Суворова съ Хароном и Петра Великаго съ Фридрихомъ Великимъ и Суворовымъ».

Къ числу болѣе интересныхъ эпизодическихъ картинокъ слѣдуетъ отнести гравюру, неправильно изображающую Суворова совершенно молодымъ, принимающимъ, послѣ взятія Измаила, турецкихъ пашей, а также двѣ гравюры, изъ которыхъ первая представляетъ объѣздъ Суворовымъ войскъ въ Италіи, а вторая — смотръ русскихъ войскъ въ Вѣнѣ въ присутствіи австрійскаго императора Франца II. Но наиболѣе удачная, по отношенію къ сходству—картинка, изображающая Павла I, надѣвающаго на шею, преклонившагося на одно колѣно Суворова, цѣпь съ большимъ крестомъ Мальтійскаго ордена. Встрѣчаются экземпляры этой интересной гравюры съ русскою надписью, содержащей слова, произнесенныя въ этомъ случаѣ Суворовымъ: «Господи! спаси Царя», и отвѣтъ Павла— «Тебѣ ихъ (царей) спасать». Съ этой довольно рѣдкой гравюры, имѣющейся въ Эрмитажѣ, была вылѣплена група, воспроизведенная затѣмъ въ бронзѣ и поднесенная въ 1874 году генералъ-адъютанту князю Суворову; но послѣ его смерти она попала, вмѣстѣ съ другими предметами, въ чужія руки и нынѣ находится у генерала Р. Описываемая група прекрасно передаетъ фигуры Павла и Суворова и отличается большимъ сходствомъ.

Приходится въ числѣ изображеній упомянуть и о памятникѣ Суворова, который, какъ говоритъ Ровинскій, «не имѣетъ никакого сходства съ Суворовымъ и ничего общаго съ нимъ по типу». Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться и можно съ полной справедливостью добавить, что никто изъ русскихъ не можетъ теперь себѣ представить Суворова въ образѣ римскаго воина, самый славный подвигъ котораго, если судить по памятнику, долженъ былъ бы заключаться въ охранѣ сардинской короны и папской тіары!... Несравненные боевые подвиги Суворова на пользу и славу родины вообще должны были бы привести къ убѣжденію въ томъ, что это странное алегорическое изваяніе, столь далекое отъ того представленія, которое составилъ народъ о личности своего героя, слѣдовало бы замѣнить другимъ, болѣе достойнымъ, понятнымъ памятникомъ; Ахиллеса же, работы Козловскаго, можно было бы пере

нести въ одну изъ залъ Суворовскаго музея, гдѣ онъ находился бы у мѣста, вмѣстѣ съ многими, не схожими, но интересными въ историческомъ отношеніи изображеніями Суворова. Статуя Козловскаго имѣетъ свои гравированныя изображенія, изъ которыхъ самое рѣдкое исполнено въ 1801 году Плаховымъ, подвергшимся за это преслѣдованію со стороны Козловскаго, безъ разрѣшенія котораго гравировалась доска. Вслѣдствіе жалобы сего послѣдняго, эта доска была арестована, а оттиски почти всѣ сожжены, чѣмъ и объясняется ихъ рѣдкость. Въ моемъ собраніи имѣется листъ Плахова и другія гравюры съ изображеніемъ того же памятника, исполненныя Скотниковымъ.

Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ прошлаго столѣтія, появились преимущественно въ Англіи карикатуры на Суворова; нѣкоторыя изъ нихъ весьма характерны и даютъ понятія о томъ представленіи, которое составили себѣ англичане о нашемъ великомъ полководцѣ, пользовавшемся въ 1799 году по ту сторону Ламанша особенной популярностью.

Изъ числа карикатуръ, особенно злая и несправедливая по содержанію, извѣстна подъ названіемъ «royal recreation» или «царская забава»; она была издана въ Лондонѣ 7-го января 1795 года и изображаетъ Суворова, подносящаго Екатеринѣ II отрубленныя головы женщинъ и дѣтей, убитыхъ «послѣ капитуляціи Варшавы», акты которой торчатъ изъ кармана Суворова. Въ уста Екатерины и фельдмаршала карикатуристъ вложилъ циничныя, тенденціозно сочиненныя рѣчи.

Очень забавна карикатура, изданная 7-го сентября 1799 года, въ Лондонѣ, Акерманомъ и представляющая Суворова смотрящимся въ зеркало, на которомъ читается англійская надпись—«не бывшее въ употребленіи въ теченіе этихъ послѣднихъ сорока лѣтъ»; а подъ рисункомъ: «нѣчто новое, или Суворовъ и его зеркало, въ которое онъ смотрится съ тѣхъ поръ, какъ онъ возросъ въ собственномъ мнѣніи». Суворовъ на этой карикатурѣ представленъ въ одѣяніи на подобіе того, въ которомъ появляется на сценѣ Мефистофель, въ оперѣ Фаустъ; на плечи его накинута львиная шкура; онъ опоясанъ кушакомъ, къ которому привѣшена большая кривая сабля; на табуретѣ сложенъ фельдмаршальскій жезлъ и шлемъ съ малиновымъ перомъ. Суворовъ на этомъ рисункѣ изображенъ совершенно лысымъ, съ громаднымъ выпуклымъ затылкомъ и длинными закрученными усами, которыхъ онъ никогда не носилъ; фигура представлена рисующейся передъ зеркаломъ и ей придано сложеніе атлета. Эта карика-

тура не была извѣстна Ровинскому и имѣется въ моемъ собраніи, отпечатанная красками. Приблизительно, съ такою же внѣшностью, изображенъ Суворовъ на извѣстной англійской карикатурѣ Жильрая, также изданной въ 1799 году. Этотъ рисунокъ представляетъ собою скорѣе непохожій портретъ, чѣмъ карикатуру, и авторъ его не имѣлъ въ виду представить Суворова смѣшнымъ. Онъ придалъ всей его фигурѣ особенно мощный, свирѣпый видъ. Для воспроизведенія лица пользовались несхожимъ портретомъ, гравированнымъ Чапманомъ. Фельдмаршалъ изображенъ въ бѣломъ одѣяніи, опушенномъ мѣхомъ; на плечи накинутъ зеленый, подбитый мѣхомъ плащъ; онъ опирается на обнаженную, окровавленную саблю; вдали представленъ пылающій Измаилъ. Лицо Суворова на этомъ изображеніи отличается звѣрскимъ выраженіемъ; ему приданы усы и лохматыя брови, а на щекѣ показана волосатая бородавка; на чрезмѣрно широкомъ и совершенно оголенномъ лбѣ виденъ глубокій рубецъ отъ сабельной раны. Въ свое время эта карикатура имѣла въ Англіи болѣе широкое обращеніе, чѣмъ какой либо изъ портретовъ Суворова: она даетъ намъ понятіе о томъ, какимъ, по внѣшности, понимали въ Англіи Суворова. Въ представленіи англичанъ несокрушимые боевые успѣхи Суворова не могли быть достигнуты, иначе какъ человѣкомъ богатырскаго сложенія и вотъ они для полной гармоніи придаютъ ему фигуру чуть ли не геркулеса. Подъ карикатурой находится весьма интересная надпись слѣдующаго содержанія: «Этотъ замѣчательный человѣкъ находится теперь въ расцвѣтѣ жизненныхъ силъ, онъ ростомъ шесть футовъ и десять дюймовъ; онъ не пьетъ ни вина, ни водки; ѣстъ лишь разъ въ день и каждое утро погружается въ ледяную ванну; одежда его состоитъ изъ простой рубашки, бѣлаго жилета и такихъ же брюкъ, короткихъ сапоговъ и русскаго плаща; онъ ничего не носитъ на головѣ ни днемъ, ни ночью; когда испытываетъ усталость, то заворачивается въ простыню и спитъ на открытомъ воздухѣ; онъ предводительствовалъ въ 29-ти генеральныхъ сраженіяхъ и участвовалъ въ 75-ти бояхъ».

Совершенно другой, чисто политическій характеръ, имѣетъ карикатура на Раштадтскій конгресъ, собранный въ 1797 году для умиротворенія Пруссіи и Франціи; послѣдняя изъ державъ требовала секуляризаціи владѣній трехъ духовныхъ курфюрствъ. На карикатурѣ епископы Кельнскій, Майнскій и Трирскій изображены призывающими и тщетно ожидающими помощи императора Павла, представленнаго, вмѣстѣ съ Суворовымъ, въ облакахъ, ведущимъ на выручку курфюрствъ, оборванныя и босыя русскія войска. Французъ-

скіе уполномоченные на конгресѣ показаны отдѣльно и глумящимися надъ тщетными ожиданіями епископовъ, надъ головами которыхъ паритъ украшенный фригійской шапкой Борей, весьма неприлично дующій въ обѣ стороны — на русскихъ и на министра майнскаго курфюрста Альбини. Надъ этой картиной летаетъ жалкій, общипанный австрійскій орелъ, выдерганныя перья котораго разнесъ вѣтеръ на всѣ стороны.

Очень забавна англійская карикатура, изданная въ 1799 году и изображающая Суворова въ видѣ толстаго, спившагося кондотьери, съ трубкою въ зубахъ, ведущаго благодушно въ поводу въ Россію связанныхъ членовъ французской директоріи, заплаканныя лица которыхъ выражаютъ глубокое отчаяніе, а сложенныя руки молятъ о пощадѣ. На картузѣ и портупеѣ Суворова изображены мертвыя головы, а за поясомъ воткнута цѣлая колекція пистолетовъ. Другая карикатура, также относящаяся къ побѣдамъ Суворова, изображаетъ его пожирающимъ французовъ, которые представлены разбѣгающимися отъ него во всѣ стороны, тогда какъ онъ, попирая ихъ ногами, захватываетъ бѣгущихъ двумя громадными вилками и жадно глотаетъ. Карикатура носитъ названіе «General Swallow» или «генеральное проглатываніе» и сопровождается притомъ предостереженіемъ по адресу директоріи: «берегитесь: если онъ дойдетъ до Парижа, то директорія едва послужитъ для него и закуской...» Съ распаденіемъ коалиціи англичане становятся уже менѣе любезными по отношенію къ Суворову и, приписывая ему пораженіе, понесенное Римскимъ-Корсаковымъ подъ Цюрихомъ, заставляютъ въ другой карикатурѣ «General Swallow» изрыгать, подъ вліяніемъ лѣкарства, прописаннаго ему Массеной, все поглощенное имъ. Тутъ помимо проглоченныхъ французовъ изрыгаются и жертвы прежнихъ побѣдъ.

Заканчивая описаніе суворовскихъ карикатуръ, считаю необходимымъ упомянуть о весьма интересномъ листѣ, находящемся въ моей колекціи и относящемся по сюжету и всѣмъ признакамъ къ Суворову. Это превосходно и художественно исполненная большая акватинта, изображающая нашествіе медвѣдей на лягушекъ. Какъ извѣстно, въ концѣ прошлаго вѣка въ особенности, да и вплоть до настоящаго времени даже, представляли и представляютъ алегорически Россію въ видѣ медвѣдя; что же касается Суворова, то въ современныхъ карикатурахъ онъ не разъ изображался въ такомъ видѣ. На описываемой картинкѣ представлено шествіе вооруженныхъ медвѣдей, чинно и мощно подвигающихся плотной своей массой изъ задняго плана картины на первый планъ, гдѣ ихъ

встрѣчаютъ огнемъ изъ пушекъ и ружей лягушки. Во главѣ медвѣжьей арміи грозно ступаетъ большой бѣлый медвѣдь, закалывающій штыкомъ лягушку; медвѣдю придана физіономія, очень схожая съ Суворовскою и характерный чубъ, носимый фельдмаршаломъ на лбу. Лягушки, не выдержавшія напора врага, въ смятеніи бросаются на утекъ; изъ нихъ нѣкоторымъ удается нырнуть въ близъ лежащую лужу...

Къ сожалѣнію, экземпляръ этой картинки, находящійся въ моемъ собраніи, составляетъ пробный оттискъ гравера, исполненный ранѣе всякой подписи, а потому и не содержитъ какихъ бы то ни было пояснительныхъ надписей. Въ рукахъ же другихъ лицъ я такой гравюры не встрѣчалъ, также не нашелъ ея описанія въ каталогахъ. Одно несомнѣнно, что медвѣди на рисункѣ изображаютъ русскихъ, а по техникѣ гравюры, что она была исполнена въ послѣднихъ годахъ прошлаго вѣка и, всего вѣроятнѣе, въ Англіи.

Передъ тѣмъ, чтобы перейти къ общему очертанію внѣшности Суворова, какой она намъ представляется изъ множества его изображеній, считаю необходимымъ упомянуть о трехъ портретахъ генералисимуса, принадлежащихъ князю Валеріану Сергѣевичу Оболенскому. Эти портреты особенно интересны потому, что они принадлежали прабабушкѣ князя Оболенскаго, дочери Суворова, вышедшей замужъ за графа Николая Зубова, брата извѣстнаго любимца Екатерины II. Изъ изображеній Суворова, принадлежащихъ князю Оболенскому, особенно замѣчательна миніатюра, превосходно передающая черты и выраженіе генералисимуса, который на этомъ портретѣ представленъ въ русскомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ при всѣхъ регаліяхъ и съ лентою Андрея Первозваннаго черезъ плечо. Эта миніатюра исполнена въ совершенствѣ и сохранила всю нѣжность красокъ; голубые глаза Суворова переданы особенно жизненно и миніатюра производитъ впечатлѣніе большого сходства. Описываемое изображеніе чрезвычайно похоже на прекрасный Суворовскій портретъ, находящійся въ великогерцогской библіотекѣ въ Веймарѣ и имѣетъ единственный общій съ нимъ недостатокъ, заключающійся въ нѣкоторомъ удлиненіи нижней части лица. Также интересенъ и другой, масляной краски, небольшой портретъ, принадлежащій тому же лицу и отличающійся отъ всѣхъ другихъ мнѣ извѣстныхъ изображеній Суворова, но производящій, тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе портрета, не лишеннаго сходства. Генералисимусъ изображенъ въ австрійскомъ, бѣломъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, что указываетъ на то, что этотъ портретъ не могъ быть написанъ ранѣе

1799 года; между тѣмъ, Суворову приданъ, несоотвѣтственно дѣйствительности, слишкомъ моложавый видъ; волосъ показано слишкомъ много и характерныя морщины лица, одинаково отмѣчаемыя на всѣхъ портретахъ Суворова, тутъ едва замѣтны. У нѣкоторыхъ потомковъ Суворова по женской линіи имѣются копіи съ этого портрета, считавшагося въ колѣнѣ рода Зубовыхъ, происходящемъ отъ дочери Суворова, особенно схожимъ. Третій портретъ Суворова, принадлежащій князю Оболенскому, менѣе интересенъ, чѣмъ другіе и я былъ бы склоненъ признать въ немъ копію съ какого нибудь неизвѣстнаго портрета, написаннаго въ періодъ 1795—1796 годовъ, на что указываетъ прическа (парикъ), русскій фельдмаршальскій мундиръ и ордена. Этотъ портретъ, хотя, какъ мнѣ кажется, и не оригинальный, но несомнѣнно современенъ Суворову, что и придаетъ ему цѣнность [1]).

Свидѣтельства очевидцевъ, къ сожалѣнію очень скудныя, и внимательное изученіе разныхъ, исполненныхъ съ натуры, изображеній Суворова даютъ возможность вывести одно общее заключеніе о его внѣшности, которое, однако, далеко нельзя признать за безповоротно вѣрное.

Мы можемъ составить себѣ понятіе о внѣшности Суворова, лишь начиная съ 60-ти-лѣтняго его возраста и до дня его смерти, на 70-ти-лѣтнемъ году его жизни, когда была снята съ него, съ умершаго, маска, дающая основаніе болѣе точно судить о развитіи лобныхъ костей черепа, о формѣ носа, о размѣрѣ скулъ и общемъ, хотя уже нѣсколько искаженномъ болѣзнію, овалѣ лица. Какъ было уже упомянуто въ началѣ предлежащей статьи, мы не имѣемъ изображеній Суворова, относящихся къ молодымъ его годамъ; первое его изображеніе, профильное, появляется на медали Леберехта, выбитой въ 1790 году, когда Суворову было уже 60 лѣтъ. Медаль эта, весьма артистичная по исполненію, не даетъ намъ матеріала для какихъ бы то ни было точныхъ выводовъ; одно лишь несомнѣнно, что и въ это время Суворовъ иногда слегка выдвигалъ нижнюю губу, каковая черта отмѣчена и на позднѣйшихъ портретахъ. На медали,

---

[1]) Такъ какъ настоящая статья посвящена исключительно изображеніямъ Суворова, я лишенъ возможности дать въ ней описаніе другихъ, весьма интересныхъ портретовъ, принадлежащихъ князю Оболенскому и изображающихъ разныхъ членовъ Суворовской семьи. Въ числѣ этихъ портретовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія миніатюры жены Суворова, его дочери и зятя—гр. Зубова, прекрасные масляной краски портреты жены Суворова въ возрастѣ не болѣе 26-ти лѣтъ и дочери его, «Суворочки», дѣвочки 7-ми—8-ми лѣтъ. Также интересны портреты сестры Суворова—Олешевой и племянницы его—Хорватъ.

лицъ, изданныхъ подъ именемъ Суворова, слѣдуетъ отнести и одинъ изъ портретовъ Растопчина. Всего курьезнѣе то, что впослѣдствіи, послѣ смерти Суворова, тотъ же портретъ появился опять, но уже подъ своимъ настоящимъ именемъ.

Къ числу портретовъ другихъ лицъ, выдаваемыхъ за Суворовскіе, обращаетъ на себя вниманіе цѣлая серія изображеній съ гравюрой Courbe'a во главѣ. На этихъ портретахъ Суворовъ изображенъ съ калмыцкой физіономіей, широкимъ лицемъ, выдающимися скулами и общимъ грубымъ, звѣрскимъ выраженіемъ лица. На италіанскомъ же портретѣ, гравированномъ Кампарелли и сохраняющемъ тотъ же типъ, Суворовъ представленъ во весь ростъ и ему придано сложеніе атлета съ невѣроятно развитыми икрами. Портреты Кампарелли рѣдко встрѣчаются; особенно интересны тѣ, которые сохранили изданную вмѣстѣ съ ними біографію Суворова на италіанскомъ языкѣ. Изъ двухъ экземпляровъ этой гравюры, имѣющихся въ моемъ собраніи, одна имѣетъ это весьма любопытное приложеніе.

О профильныхъ изображеніяхъ Суворова было уже говорено; они довольно многочисленны и далеко не исчерпываются 28-ю номерами, показанными у Ровинскаго. Въ моемъ собраніи есть нѣсколько совершенно еще неизвѣстныхъ профильныхъ портретовъ Суворова и въ числѣ ихъ особенно типиченъ одинъ, гдѣ Суворовъ представленъ въ малой гренадерской каскѣ, на подобіе тѣхъ, которыя сохранили и нынѣ конно-гренадеры. Ровинскому былъ извѣстенъ другой портретъ въ такой же каскѣ, съ большимъ козырькомъ, называемой schako; портретъ этотъ не профильный; онъ принадлежитъ къ числу схожихъ изображеній. Изъ профильныхъ изображеній также очень типиченъ портретъ, гравированный въ 1799 г. въ Лейпцигѣ Эндеромъ и гдѣ Суворовъ изображенъ въ шлемѣ римскаго воина. Эта маленькая гравюра очень недурно передаетъ черты лица фельдмаршала.

Передъ тѣмъ, чтобы перейти къ описанію нѣкоторыхъ, относящихся къ Суворову, гравированныхъ батальныхъ и алегорическихъ картинокъ, слѣдуетъ упомянуть о конныхъ его портретахъ, которые вообще встрѣчаются рѣдко. Кромѣ лубочныхъ портретовъ Ровинскому, было извѣстно четыре конныхъ изображенія Суворова, не отличающіеся сходствомъ. На одномъ изъ принадлежащихъ мнѣ конныхъ портретовъ Суворовъ изображенъ гарцующимъ на чудномъ фламандскомъ конѣ, вродѣ тѣхъ, которые встрѣчаются на картинахъ Вувермана, и самому фельдмаршалу приданъ фламандскій

Вся гравюра очень интересно составлена и принадлежитъ къ числу особенно рѣдкихъ.

Изъ лубочныхъ конныхъ изображеній, которыхъ извѣстно по восьми, болѣе замѣчательна картинка, находящаяся въ моемъ собраніи и изданная въ 1806 г.: на первомъ планѣ представлены конныя фигуры Суворова и Багратіона: подъ ними очень нескромные по замыслу стихи: «Гласъ Суворова князю Петру Ивановичу Багратіону и кантата князю Багратіону». Этотъ листъ теперь найти почти невозможно, какъ, впрочемъ, и другія лубочныя изображенія Суворова.

Батальныя картинки, имѣющія сюжетомъ сраженія, въ которыхъ участвовалъ Суворовъ, встрѣчаются довольно рѣдко и въ особенности большіе листы: раньше всѣхъ слѣдуетъ упомянуть о великолѣпной гравюрѣ, исполненной въ 1892 г., въ Вѣнѣ, Бартчемъ, съ картины Казановы; эта гравюра была издана въ двухъ экземплярахъ—большомъ и маломъ—и изображаетъ штурмъ Очакова, она посвящалась Императрицѣ Екатеринѣ II. Оригинальная картина Казановы была написана для князя Потемкина, въ кабинетѣ котораго она и помѣщалась: судя по гравюрамъ, по ней исполненнымъ, она принадлежитъ къ числу особенно удачно переданныхъ батальныхъ сюжетовъ какъ по группировкѣ лицъ и изображенію мѣстности, такъ и по жизненности представленныхъ фигуръ: передъ вами ожесточенный, отчаянный бой, завершившійся взятіемъ крѣпости, подъ которой столь долго и напрасно держалъ Потемкинъ русскія войска. На первомъ планѣ изображена фигура въ бѣломъ одѣяніи и гренадерской каскѣ на головѣ, съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ, ведущая на приступъ свою колонну. Многіе, и я въ томъ числѣ, хотятъ видѣть въ этой фигурѣ Суворова, употреблявшаго, какъ извѣстно, палашъ въ бою, носившаго охотно въ сраженіи бѣлое одѣяніе и гренадерскую каску; но противъ такого заключенія возстаютъ другія соображенія: картина Казановы составлена во всемъ согласно указаніямъ и рисункамъ Потемкина, не благоволившаго въ то время къ Суворову и сильно завидовавшаго ему вообще и въ особенности послѣ славнаго взятія Измаила; при такихъ условіяхъ трудно допустить завѣдомое изображеніе Суворова на первомъ планѣ картины, всецѣло вдохновленной Потемкинымъ. Не берусь категорически рѣшить этотъ весьма интересный вопросъ, но полагаю, что въ письмахъ Потемкина можно было бы розыскать указанія на то, что это за фигура, столь рельефно представленная?...

Очень интересна серія изъ 16-ти гравюръ, исполненныхъ раз-

ными рѣзчиками въ 1795—1799 годахъ; эти гравюры, составляющія илюстраціи къ сочиненію Антинга—«Жизнь и военныя дѣянія генералисимуса князя Италійскаго графа Суворова Рымникскаго», изображаютъ: взятіе Глогау 1761 г., побѣду надъ гетманомъ Огинскимъ при Сталовичахъ 1770 г., взятіе Краковскаго зáмка 1771 г., сраженіе при Туртукаѣ 1773 г., сраженіе при Козлуджи 1773 г., приводъ къ Суворову комендантомъ Уральской крѣпости Пугачева 1775 г., отплытіе капитана-паши изъ Крыма 1777 г., пораженіе ногайскихъ татаръ 1783 г., сраженіе при Кинбурнѣ 1787 г., вылазку турокъ изъ Очакова 1788 г., сраженіе при Ѳокшанахъ 1789 г., побѣду надъ великимъ визиремъ близъ Рымника 1789 г.; приступъ и взятіе Измаила 1790 г.; Суворова, отдыхающаго на соломѣ, прибытіе варшавскихъ депутатовъ къ Суворову и вступленіе Суворова въ Варшаву.

Всѣ эти изображенія гравированы очень тонко; они встрѣчаются въ изданіяхъ сочиненія Антинга на русскомъ, англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Гравюры съ русскимъ текстомъ встрѣчаются значительно рѣже. Сочиненіе Антинга было издано на русскомъ языкѣ Парпурою; оно замѣчательно тѣмъ, что первую изъ трехъ частей читалъ самъ Суворовъ, остальныя же части просматривали довѣренныя Суворова лица; о сочиненіи Антинга велась Суворовымъ переписка съ Хвостовымъ и Антингу выдавались отъ Суворова денежныя субсидіи. Суворовъ требовалъ, чтобы въ книгѣ помѣщалось одно только описаніе военныхъ дѣйствій. На мѣдныхъ доскахъ, съ которыхъ печатались илюстраціи книги Антинга, для изданія Парпуры были выгравированы паралельно съ французскими и русскія надписи; доска же съ изображеніемъ Пугачева въ русскомъ изданіи замѣнена новой.

Большинство остальныхъ батальныхъ картинокъ, относящихся къ побѣдамъ Суворова, исполнено граверомъ Виллемъ (Loh. Martin Will), работавшимъ въ Аугсбургѣ. Гравюры Вилля въ художественномъ отношеніи не замѣчательны, но весьма интересны для собирателя сюжетовъ Суворовскихъ баталій; онѣ очень рѣдки и мнѣ ни разу не пришлось ихъ встрѣтить у торговцевъ эстампами. Эти гравюры имѣютъ безграмотныя французскія надписи. Рѣзцу Вилля принадлежатъ, между прочимъ, картинки: Осада Фокшанъ, взятіе Измаила и взятіе Праги и, кромѣ того, одинъ мало схожій профильный портретъ Суворова. Несравненно выше по техникѣ исполненія гравюра Скіавонетти, изображающая сраженіе русско-австрійскихъ войскъ съ французами на рѣкѣ Аддѣ 16-го апрѣля 1799 года; на

гравюрѣ это сраженіе названо: «Bataille entre les armées combinées autrichiennes et russes et celle de la république française près Pozzo et Brevio après le forcement du passage de l'Adda le 27 Avril 1799». Эта прекрасная и рѣдкая гравюра, исполненная по неизвѣстной масляной картинѣ Сингельтона, встрѣчается отпечатанной красками, бистромъ и обыкновенными оттисками. Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось достать экземпляръ этой гравюры, отпечатанный бистромъ, черезъ торговый домъ Антоніо Гранди въ Миланѣ.

Изо всѣхъ батальныхъ картинокъ, относящихся къ Суворовскимъ походамъ, особенно интересны три большія гравюры Вендрамини, исполненныя по рисункамъ Роберта Портера и изданныя въ Лондонѣ въ 1805 году. Гравюры Вендрамини имѣютъ сюжетомъ батальныя сцены въ Швейцаріи въ 1799 году; онѣ прекрасно передаютъ альпійскую мѣстность, а фигурамъ вообще придана особенная жизненность. Одна изъ гравюръ изображаетъ наступленіе нашихъ войскъ къ «Чертову мосту»: по горному ущелью, между нависшими скалами, движется пѣхота и казаки, послѣдніе вооружены укороченными пиками; казаки помогаютъ тащить горное орудіе, запряженное парою лошадей; за нимъ ведутъ двухъ муловъ, нагруженныхъ казачьими пиками и походными вьюками Суворова. На противоположныхъ скалахъ видѣнъ непріятель, стрѣляющій по движущейся колоннѣ; но и онъ поражается огнемъ нашихъ стрѣлковъ: одинъ изъ французскихъ офицеровъ представленъ падающимъ; къ нему бросается товарищъ. На полугорѣ стоитъ маленькая часовня, а вдали виднѣется очертаніе «Чертова моста». Рисунокъ Портера исполненъ мастерски; въ немъ не дано мѣста безжизненнымъ фигурамъ съ условными позами куколъ изъ паноптикума; тутъ все преисполнено движенія: люди и животныя напрягаютъ силы и спѣшатъ идти впередъ; загорѣлыя, мужественныя лица нашихъ солдатъ и казаковъ полны энергіи и вся картина производитъ сильное, реальное впечатлѣніе. Не менѣе хороша другая гравюра, изображающая сраженіе у «Чертова моста»: наши уже прошли черезъ тунель, называемый «Урнеръ-Лохъ», и штурмуютъ «Чертовъ мостъ»; въ первыхъ рядахъ непріятеля французскій всадникъ принятъ на пики казаковъ; лошадь его взвилась на дыбы и должна упасть въ пропасть, куда скатился уже другой конь съ своимъ всадникомъ. На поворотѣ горной дороги, по ту сторону потока, поставлена французами пушка, направленная противъ штурмующей колонны. У выхода, вѣроятно, изъ Урнерскаго тунеля, на краю обрыва, стоитъ Суворовъ въ бѣлой рубашкѣ и бѣломъ исподнемъ платьѣ, безъ

шапки, съ мальтійскимъ крестомъ на шеѣ: на немъ одинъ только ботфортъ, а другая нога, раненая, въ красной туфлѣ. Онъ поднялъ къ небу обѣ руки, изъ которыхъ одна держитъ обнаженную шпагу; у ногъ его лежитъ раскрытая книга; рядомъ съ нимъ священникъ, склонившійся на колѣни, произноситъ молитву. Около Суворова стоитъ Великій Князь Константинъ Павловичъ и какой-то роскошно одѣтый гусаръ подходитъ къ фельдмаршалу. Старикъ казакъ, съ Очаковскимъ крестомъ на груди, держитъ около Суворова бѣлаго коня; тутъ же стоитъ и другая лошадь. Колонна, посылаемая въ обходъ праваго фланга французской позиціи, спускается съ обрыва, чтобы перейти рѣку Рейсу. Скалы противоположнаго берега еще заняты французами и непріятельскіе стрѣлки бьютъ изъ-за утесовъ на выборъ нашихъ солдатъ, тѣлами которыхъ усѣянъ путь. Всѣмъ фигурамъ даны естественныя позы и картинка вообще въ высшей степени любопытна по своей оригинальности и прекрасно составленному рисунку. Эта гравюра посвящена Императору Александру I, портретъ котораго имѣется между столбцами пояснительнаго текста. Третья гравюра изображаетъ атаку французской позиціи Багратіономъ, ведущимъ на приступъ казаковъ; въ перспективѣ—долина Рейсы, а вдали—очертаніе Люцернскаго озера. И эта картинка отличается также прекрасной передачей сюжета: конная фигура Багратіона стремительно несется отъ васъ къ представленному на второмъ планѣ врагу; пѣшіе казаки, которыхъ Багратіонъ воодушевляетъ своимъ примѣромъ, кидаются на непріятеля съ опущенными пиками; лица ихъ выражаютъ отвагу и рѣшимость; впереди ихъ, съ шашкою на-голо, идетъ бородачъ съ Очаковскимъ крестомъ на груди.

Всѣ три гравюры Вендрамини встрѣчаются очень рѣдко въ рукахъ одного и того же лица и даже въ собраніи Ровинскаго находилась лишь послѣдняя изъ трехъ описанныхъ гравюръ. Особенно рѣдки экземпляры, исполненные красками. Въ моемъ собраніи имѣются всѣ три картинки Вендрамини, прекрасно сохранившіяся, отпечатанныя красками и пройденныя затѣмъ акварелью; онѣ уже интересны потому, что принадлежали сыну генералисимуса и отъ него перешли къ генералъ-адъютанту князю Суворову, особенно ими дорожившему. Но затѣмъ онѣ попали въ чужія руки и послѣ разныхъ странствованій были наконецъ розысканы мной и откуплены. Изъ имѣющагося у меня множества гравюръ, относящихся къ Суворовской эпохѣ, эти три картины однѣ изъ наиболѣе рѣдкихъ и цѣнныхъ.

Вендрамини (Giovanni Vendramini 1769—1835), гравировавшій

описанные батальные сюжеты, былъ ученикомъ Бартолоцци; онъ работалъ въ Петербургѣ съ 1805 по 1807 годъ; его рѣзцу мы обязаны прекрасными гравированными изображеніями Императора Александра I, Великой Княгини Екатерины Павловны, Бекетова, Бибикова и др. Джіованни Вендрамини не слѣдуетъ смѣшивать съ Францемъ Вендрамини, издавшимъ галерею генераловъ 1812 года.

Не вдаваясь далѣе въ подробное описаніе другихъ батальныхъ картинокъ и военныхъ сюжетовъ, относящихся къ Суворову и его времени, слѣдуетъ, однако, упомянуть о гравюрѣ Шютца, изображающей Рымникское сраженіе, о прекрасной маленькой картинкѣ извѣстнаго гравера Даніила Ходовецкаго, составляющей одну изъ иллюстрацій книги: «Almanach historique et généalogique de la vie de Catherine II» и о весьма тонкой гравюрѣ, исполненной по рисунку талантливаго Дюплесси Берто и представляющей сраженіе при Нови и смерть Жубера.

Изъ алегорическихъ и эпизодическихъ сюжетовъ всего болѣе замѣчательна большая акватинта, изображающая Суворова во весь ростъ, опирающагося на фельдмаршальскій жезлъ; фигурѣ полководца придана неестественная поза; передъ Суворовымъ—склоненная женская фигура (Варшава) подноситъ печать города, съ изображеніемъ сирены, и ключи. Надъ головой Суворова парящій ангелъ держитъ лавровый вѣнокъ: другой же геній, также въ облакахъ, держитъ въ рукахъ щитъ съ надписью—«Polonia recepta» На столѣ, около Суворова, лежитъ его шляпа, украшенная бриліантовымъ бантомъ за Крупчицы и Брестъ, а также и алмазнымъ плюмажемъ съ буквою К, за Кинбурнъ; тутъ же лежатъ шейные знаки иностраннаго ордена и бриліантовая съ эмалью табакерка, поднесенная Варшавой своему избавителю и имѣвшая на себѣ надпись—«Warczawa zbawcy swemu». У ногъ фельдмаршала лежитъ громадный барабанъ и сложены знамена и рыцарскіе доспѣхи. Эта алегорическая картинка теперь уже рѣдко встрѣчается, не иначе какъ въ большихъ собраніяхъ любителей; во время моей продолжительной и обширной переписки съ иностранными фирмами, торгующими гравюрами, мнѣ ни разу не предлагали этого листа, который мнѣ доставилъ Фельтенъ; мой экземпляръ исполненъ красками.

Не менѣе рѣдка маленькая алегорическая картинка, изображающая Императрицу Екатерину II, жалующую Суворову, побѣдителю Визиря при Рымникѣ, золотую шпагу; справа показана група преклоненныхъ турокъ. Очень интересна и другая алегорическая картинка, гдѣ Суворовъ, представленный во весь ростъ,

подаетъ Италіи въ образѣ женщины корону и пальмовую вѣтвь, какъ эмблему мира; надъ Суворовымъ парящій орелъ держитъ вѣнокъ. Также весьма любопытна русская гравюра, гдѣ Суворовъ изображенъ бесѣдующимъ съ Хароном; эта картинка служитъ плюстраціей къ сочиненію Евдокіи Тыртовой—«Разговоры въ царствѣ мертвыхъ Суворова съ Хароном и Петра Великаго съ Фридрихомъ Великимъ и Суворовымъ».

Къ числу болѣе интересныхъ эпизодическихъ картинокъ слѣдуетъ отнести гравюру, неправильно изображающую Суворова совершенно молодымъ, принимающимъ, послѣ взятія Измаила, турецкихъ пашей, а также двѣ гравюры, изъ которыхъ первая представляетъ объѣздъ Суворовымъ войскъ въ Италіи, а вторая — смотръ русскихъ войскъ въ Вѣнѣ въ присутствіи австрійскаго императора Франца II. Но наиболѣе удачная, по отношенію къ сходству—картинка, изображающая Павла I, надѣвающаго на шею, преклонившагося на одно колѣно Суворова, цѣпь съ большимъ крестомъ Мальтійскаго ордена. Встрѣчаются экземпляры этой интересной гравюры съ русскою надписью, содержащей слова, произнесенныя въ этомъ случаѣ Суворовымъ: «Господи! спаси Царя», и отвѣтъ Павла—«Тебѣ ихъ (царей) спасать». Съ этой довольно рѣдкой гравюры, имѣющейся въ Эрмитажѣ, была вылѣплена група, воспроизведенная затѣмъ въ бронзѣ и поднесенная въ 1874 году генералъ-адъютанту князю Суворову; но послѣ его смерти она попала, вмѣстѣ съ другими предметами, въ чужія руки и нынѣ находится у генерала Р. Описываемая група прекрасно передаетъ фигуры Павла и Суворова и отличается большимъ сходствомъ.

Приходится въ числѣ изображеній упомянуть и о памятникѣ Суворова, который, какъ говоритъ Ровинскій, «не имѣетъ никакого сходства съ Суворовымъ и ничего общаго съ нимъ по типу». Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться и можно съ полной справедливостью добавить, что никто изъ русскихъ не можетъ теперь себѣ представить Суворова въ образѣ римскаго воина, самый славный подвигъ котораго, если судить по памятнику, долженъ былъ бы заключаться въ охранѣ сардинской короны и папской тіары!... Несравненные боевые подвиги Суворова на пользу и славу родины вообще должны были бы привести къ убѣжденію въ томъ, что это странное алегорическое изваяніе, столь далекое отъ того представленія, которое составилъ народъ о личности своего героя, слѣдовало бы замѣнить другимъ, болѣе достойнымъ, понятнымъ памятникомъ; Ахиллеса же, работы Козловскаго, можно было бы пере

нести въ одну изъ залъ Суворовскаго музея, гдѣ онъ находился бы у мѣста, вмѣстѣ съ многими, не схожими, но интересными въ историческомъ отношеніи изображеніями Суворова. Статуя Козловскаго имѣетъ свои гравированныя изображенія, изъ которыхъ самое рѣдкое исполнено въ 1801 году Плаховымъ, подвергшимся за это преслѣдованію со стороны Козловскаго, безъ разрѣшенія котораго гравировалась доска. Вслѣдствіе жалобы сего послѣдняго, эта доска была арестована, а оттиски почти всѣ сожжены, чѣмъ и объясняется ихъ рѣдкость. Въ моемъ собраніи имѣется листъ Плахова и другія гравюры съ изображеніемъ того же памятника, исполненныя Скотниковымъ.

Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ прошлаго столѣтія, появились преимущественно въ Англіи карикатуры на Суворова; нѣкоторыя изъ нихъ весьма характерны и даютъ понятія о томъ представленіи, которое составили себѣ англичане о нашемъ великомъ полководцѣ, пользовавшемся въ 1799 году по ту сторону Ламанша особенной популярностью.

Изъ числа карикатуръ, особенно злая и несправедливая по содержанію, извѣстна подъ названіемъ «royal recreation» или «царская забава»; она была издана въ Лондонѣ 7-го января 1795 года и изображаетъ Суворова, подносящаго Екатеринѣ II отрубленныя головы женщинъ и дѣтей, убитыхъ «послѣ капитуляціи Варшавы», акты которой торчатъ изъ кармана Суворова. Въ уста Екатерины и фельдмаршала карикатуристъ вложилъ циничныя, тенденціозно сочиненныя рѣчи.

Очень забавна карикатура, изданная 7-го сентября 1799 года, въ Лондонѣ, Акерманомъ и представляющая Суворова смотрящимся въ зеркало, на которомъ читается англійская надпись—«не бывшее въ употребленіи въ теченіе этихъ послѣднихъ сорока лѣтъ»; а подъ рисункомъ: «нѣчто новое, или Суворовъ и его зеркало, въ которое онъ смотрится съ тѣхъ поръ, какъ онъ возросъ въ собственномъ мнѣніи». Суворовъ на этой карикатурѣ представленъ въ одѣяніи на подобіе того, въ которомъ появляется на сценѣ Мефистофель, въ оперѣ Фаустъ; на плечи его накинута львиная шкура; онъ опоясанъ кушакомъ, къ которому привѣшена большая кривая сабля; на табуретѣ сложенъ фельдмаршальскій жезлъ и шлемъ съ малиновымъ перомъ. Суворовъ на этомъ рисункѣ изображенъ совершенно лысымъ, съ громаднымъ выпуклымъ затылкомъ и длинными закрученными усами, которыхъ онъ никогда не носилъ; фигура представлена рисующейся передъ зеркаломъ и ей придано сложеніе атлета. Эта карика-

тура не была извѣстна Ровинскому и имѣется въ моемъ собраніи, отпечатанная красками. Приблизительно, съ такою же внѣшностью, изображенъ Суворовъ на извѣстной англійской карикатурѣ Жильрая, также изданной въ 1799 году. Этотъ рисунокъ представляетъ собою скорѣе непохожій портретъ, чѣмъ карикатуру, и авторъ его не имѣлъ въ виду представить Суворова смѣшнымъ. Онъ придалъ всей его фигурѣ особенно мощный, свирѣпый видъ. Для воспроизведенія лица пользовались несхожимъ портретомъ, гравированнымъ Чапманомъ. Фельдмаршалъ изображенъ въ бѣломъ одѣяніи, опушенномъ мѣхомъ; на плечи накинутъ зеленый, подбитый мѣхомъ плащъ; онъ опирается на обнаженную, окровавленную саблю; вдали представленъ пылающій Измаилъ. Лицо Суворова на этомъ изображеніи отличается звѣрскимъ выраженіемъ; ему приданы усы и лохматыя брови, а на щекѣ показана волосатая бородавка; на чрезмѣрно широкомъ и совершенно оголенномъ лбѣ виденъ глубокій рубецъ отъ сабельной раны. Въ свое время эта карикатура имѣла въ Англіи болѣе широкое обращеніе, чѣмъ какой либо изъ портретовъ Суворова: она даетъ намъ понятіе о томъ, какимъ, по внѣшности, понимали въ Англіи Суворова. Въ представленіи англичанъ несокрушимые боевые успѣхи Суворова не могли быть достигнуты, иначе какъ человѣкомъ богатырскаго сложенія и вотъ они для полной гармоніи придаютъ ему фигуру чуть ли не геркулеса. Подъ карикатурой находится весьма интересная надпись слѣдующаго содержанія: «Этотъ замѣчательный человѣкъ находится теперь въ расцвѣтѣ жизненныхъ силъ, онъ ростомъ шесть футовъ и десять дюймовъ; онъ не пьетъ ни вина, ни водки; ѣстъ лишь разъ въ день и каждое утро погружается въ ледяную ванну; одежда его состоитъ изъ простой рубашки, бѣлаго жилета и такихъ же брюкъ, короткихъ сапоговъ и русскаго плаща; онъ ничего не носитъ на головѣ ни днемъ, ни ночью; когда испытываетъ усталость, то заворачивается въ простыню и спитъ на открытомъ воздухѣ; онъ предводительствовалъ въ 29-ти генеральныхъ сраженіяхъ и участвовалъ въ 75-ти бояхъ».

Совершенно другой, чисто политическій характеръ, имѣетъ карикатура на Раштадтскій конгресъ, собранный въ 1797 году для умиротворенія Пруссіи и Франціи; послѣдняя изъ державъ требовала секуляризаціи владѣній трехъ духовныхъ курфюрствъ. На карикатурѣ епископы Кельнскій, Майнскій и Трирскій изображены призывающими и тщетно ожидающими помощи императора Павла, представленнаго, вмѣстѣ съ Суворовымъ, въ облакахъ, ведущимъ на выручку курфюрствъ, оборванныя и босыя русскія войска. Французъ-

скіе уполномоченные на конгресѣ показаны отдѣльно и глумящимися надъ тщетными ожиданіями епископовъ, надъ головами которыхъ паритъ украшенный фригійской шапкой Борей, весьма неприлично дующій въ обѣ стороны — на русскихъ и на министра майнскаго курфюрста Альбини. Надъ этой картиной летаетъ жалкій, общипанный австрійскій орелъ, выдерганныя перья котораго разнесъ вѣтеръ на всѣ стороны.

Очень забавна англійская карикатура, изданная въ 1799 году и изображающая Суворова въ видѣ толстаго, спившагося кондотьери, съ трубкою въ зубахъ, ведущаго благодушно въ поводу въ Россію связанныхъ членовъ французской директоріи, заплаканныя лица которыхъ выражаютъ глубокое отчаяніе, а сложенныя руки молятъ о пощадѣ. На картузѣ и портупеѣ Суворова изображены мертвыя головы, а за поясомъ воткнута цѣлая колекція пистолетовъ. Другая карикатура, также относящаяся къ побѣдамъ Суворова, изображаетъ его пожирающимъ французовъ, которые представлены разбѣгающимися отъ него во всѣ стороны, тогда какъ онъ, попирая ихъ ногами, захватываетъ бѣгущихъ двумя громадными вилками и жадно глотаетъ. Карикатура носитъ названіе «General Swallow» или «генеральное проглатываніе» и сопровождается притомъ предостереженіемъ по адресу директоріи: «берегитесь: если онъ дойдетъ до Парижа, то директорія едва послужитъ для него и закуской...» Съ распаденіемъ коалиціи англичане становятся уже менѣе любезными по отношенію къ Суворову и, приписывая ему пораженіе, понесенное Римскимъ-Корсаковымъ подъ Цюрихомъ, заставляютъ въ другой карикатурѣ «General Swallow» изрыгать, подъ вліяніемъ лѣкарства, прописаннаго ему Массеной, все поглощенное имъ. Тутъ помимо проглоченныхъ французовъ изрыгаются и жертвы прежнихъ побѣдъ.

Заканчивая описаніе суворовскихъ карикатуръ, считаю необходимымъ упомянуть о весьма интересномъ листѣ, находящемся въ моей колекціи и относящемся по сюжету и всѣмъ признакамъ къ Суворову. Это превосходно и художественно исполненная большая акватинта, изображающая нашествіе медвѣдей на лягушекъ. Какъ извѣстно, въ концѣ прошлаго вѣка въ особенности, да и вплоть до настоящаго времени даже, представляли и представляютъ алегорически Россію въ видѣ медвѣдя; что же касается Суворова, то въ современныхъ карикатурахъ онъ не разъ изображался въ такомъ видѣ. На описываемой картинкѣ представлено шествіе вооруженныхъ медвѣдей, чинно и мощно подвигающихся плотной своей массой изъ задняго плана картины на первый планъ, гдѣ ихъ

встрѣчаютъ огнемъ изъ пушекъ и ружей лягушки. Во главѣ медвѣжьей арміи грозно ступаетъ большой бѣлый медвѣдь, закалывающій штыкомъ лягушку; медвѣдю придана физіономія, очень схожая съ Суворовскою и характерный чубъ, носимый фельдмаршаломъ на лбу. Лягушки, не выдержавшія напора врага, въ смятеніи бросаются на утекъ; изъ нихъ нѣкоторымъ удается нырнуть въ близъ лежащую лужу...

Къ сожалѣнію, экземпляръ этой картинки, находящійся въ моемъ собраніи, составляетъ пробный оттискъ гравера, исполненный ранѣе всякой подписи, а потому и не содержитъ какихъ бы то ни было пояснительныхъ надписей. Въ рукахъ же другихъ лицъ я такой гравюры не встрѣчалъ, также не нашелъ ея описанія въ каталогахъ. Одно несомнѣнно, что медвѣди на рисункѣ изображаютъ русскихъ, а по техникѣ гравюры, что она была исполнена въ послѣднихъ годахъ прошлаго вѣка и, всего вѣроятнѣе, въ Англіи.

Передъ тѣмъ, чтобы перейти къ общему очертанію внѣшности Суворова, какой она намъ представляется изъ множества его изображеній, считаю необходимымъ упомянуть о трехъ портретахъ генералисимуса, принадлежащихъ князю Валеріану Сергѣевичу Оболенскому. Эти портреты особенно интересны потому, что они принадлежали прабабушкѣ князя Оболенскаго, дочери Суворова, вышедшей замужъ за графа Николая Зубова, брата извѣстнаго любимца Екатерины II. Изъ изображеній Суворова, принадлежащихъ князю Оболенскому, особенно замѣчательна миніатюра, превосходно передающая черты и выраженіе генералисимуса, который на этомъ портретѣ представленъ въ русскомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ при всѣхъ регаліяхъ и съ лентою Андрея Первозваннаго черезъ плечо. Эта миніатюра исполнена въ совершенствѣ и сохранила всю нѣжность красокъ; голубые глаза Суворова переданы особенно жизненно и миніатюра производитъ впечатлѣніе большого сходства. Описываемое изображеніе чрезвычайно похоже на прекрасный Суворовскій портретъ, находящійся въ великогерцогской библіотекѣ въ Веймарѣ и имѣетъ единственный общій съ нимъ недостатокъ, заключающійся въ нѣкоторомъ удлиненіи нижней части лица. Также интересенъ и другой, масляной краски, небольшой портретъ, принадлежащій тому же лицу и отличающійся отъ всѣхъ другихъ мнѣ извѣстныхъ изображеній Суворова, но производящій, тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе портрета, не лишеннаго сходства. Генералисимусъ изображенъ въ австрійскомъ, бѣломъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, что указываетъ на то, что этотъ портретъ не могъ быть написанъ ранѣе

1799 года; между тѣмъ, Суворову приданъ, несоотвѣтственно дѣйствительности, слишкомъ моложавый видъ; волосъ показано слишкомъ много и характерныя морщины лица, одинаково отмѣчаемыя на всѣхъ портретахъ Суворова, тутъ едва замѣтны. У нѣкоторыхъ потомковъ Суворова по женской линіи имѣются копіи съ этого портрета, считавшагося въ колѣнѣ рода Зубовыхъ, происходящемъ отъ дочери Суворова, особенно схожимъ. Третій портретъ Суворова, принадлежащій князю Оболенскому, менѣе интересенъ, чѣмъ другіе и я былъ бы склоненъ признать въ немъ копію съ какого нибудь неизвѣстнаго портрета, написаннаго въ періодъ 1795—1796 годовъ, на что указываетъ прическа (парикъ), русскій фельдмаршальскій мундиръ и ордена. Этотъ портретъ, хотя, какъ мнѣ кажется, и не оригинальный, но несомнѣнно современенъ Суворову, что и придаетъ ему цѣнность [1]).

Свидѣтельства очевидцевъ, къ сожалѣнію очень скудныя, и внимательное изученіе разныхъ, исполненныхъ съ натуры, изображеній Суворова даютъ возможность вывести одно общее заключеніе о его внѣшности, которое, однако, далеко нельзя признать за безповоротно вѣрное.

Мы можемъ составить себѣ понятіе о внѣшности Суворова, лишь начиная съ 60-ти-лѣтняго его возраста и до дня его смерти, на 70-ти-лѣтнемъ году его жизни, когда была снята съ него, съ умершаго, маска, дающая основаніе болѣе точно судить о развитіи лобныхъ костей черепа, о формѣ носа, о размѣрѣ скулъ и общемъ, хотя уже нѣсколько искаженномъ болѣзнію, овалѣ лица. Какъ было уже упомянуто въ началѣ предлежащей статьи, мы не имѣемъ изображеній Суворова, относящихся къ молодымъ его годамъ; первое его изображеніе, профильное, появляется на медали Леберехта, выбитой въ 1790 году, когда Суворову было уже 60 лѣтъ. Медаль эта, весьма артистичная по исполненію, не даетъ намъ матеріала для какихъ бы то ни было точныхъ выводовъ; одно лишь несомнѣнно, что и въ это время Суворовъ иногда слегка выдвигалъ нижнюю губу, каковая черта отмѣчена и на позднѣйшихъ портретахъ. На медали,

---

[1]) Такъ какъ настоящая статья посвящена исключительно изображеніямъ Суворова, я лишенъ возможности дать въ ней описаніе другихъ, весьма интересныхъ портретовъ, принадлежащихъ князю Оболенскому и изображающихъ разныхъ членовъ Суворовской семьи. Въ числѣ этихъ портретовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія миніатюры жены Суворова, его дочери и зятя—гр. Зубова, прекрасные масляной краски портреты жены Суворова въ возрастѣ не болѣе 26-ти лѣтъ и дочери его, «Суворочки», дѣвочки 7-ми—8-ми лѣтъ. Также интересны портреты сестры Суворова—Олешевой и племянницы его—Хорватъ.

какъ и на другихъ изображеніяхъ, замѣчается правильный, скорѣе тонкій, и пропорціональный носъ.

Лицо у Суворова было овальное, слегка продолговатое, изобличающее его скандинавское происхожденіе; лобъ былъ высокій, съ достаточно развитыми лобными костями; глаза были довольно большіе, голубые, нѣсколько углубленные въ орбитахъ, полные жизни и мысли и отличавшіеся особенною подвижностью и измѣнчивостью выраженія. Вѣки были нѣсколько спущены, что въ минуты задумчивости придавало Суворову хмурое выраженіе. Брови были какъ бы вздернуты, и отъ почти постояннаго напряженія мысли соединялись у носа въ одну глубокую складку, ярко очерченную на всѣхъ его портретахъ. Кожа на лбу, по той же причинѣ, собралась въ цѣлый рядъ глубокихъ продольныхъ морщинъ, отмѣченныхъ на всѣхъ болѣе схожихъ его изображеніяхъ. Ротъ у Суворова былъ небольшой, пріятной формы, съ неособенно мясистыми губами; онъ складывался то въ ласково-добродушную улыбку, то въ саркастическую. Судя по формѣ рта на портретахъ, бюстѣ и маскѣ Суворова, онъ сохранилъ до смерти зубы. Подбородокъ у него былъ небольшой и не выпуклый, а правильной формы и скорѣе тонкій; уши были средней величины и не выступающія. Лицо его было худощавое, съ нѣсколько впалыми щеками и двумя ясно очерченными вертикальными складками по обѣ стороны рта. Вплоть до послѣдней своей болѣзни, сведшей его въ могилу, Суворовъ сохранилъ на лицѣ румянецъ. Волосы у него были рѣдкіе, сѣдые, заплетаемые на затылкѣ въ маленькую косичку. Нѣтъ основаній къ тому, чтобы заключить, что онъ носилъ вообще парикъ; но первые его портреты указываютъ на то, что онъ пудрилъ волосы и носилъ, обычную тому времени прическу, со спущенными и закрученными на вискахъ и зачесанными назадъ на лбу волосами. Эта прическа особенно измѣняетъ физіономію Суворова и создаетъ кажущееся несходство этихъ портретовъ съ тѣми, гдѣ онъ изображенъ съ прической, носимой имъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ своей жизни и отличающейся характернымъ локономъ, собраннымъ на лбу со спущенной впередъ небольшой прядью волосъ.

Лицо Суворова отличалось особенной выразительностью, а глаза искрились умомъ и замѣчательной энергіей. Выраженіе лица Суворова постоянно мѣнялось, въ зависимости отъ воспринятыхъ впечатлѣній, и этимъ объясняется различіе извѣстныхъ намъ его портретовъ, написанныхъ несомнѣнно съ натуры и притомъ хорошими художниками. Впрочемъ и вся фигура Суворова была замѣчательна по своей живости и юркости; взглядъ его, слова, движенія — все

отличалось особенной живостью и неуловимостью, что вполнѣ объясняетъ то затрудненіе, въ которое были поставлены художники, задавшіеся цѣлью возможно правильнѣе передать выраженіе этого до крайности подвижного лица.

Суворовъ, согласно установившемуся въ его время обычаю, брилъ бороду и усы, что, конечно, не могло служить къ украшенію его физіономіи. Гдѣ тѣ 70-ти-лѣтніе старики, которые казались бы красивыми съ бритыми совершенно лицами?.. Неправы тѣ, которые утверждаютъ, что лицо Суворова было уродливо: оно, конечно, не было и не могло быть красиво въ эти года его жизни; но, по множеству, болѣе или менѣе, схожихъ изображеній, слѣдуетъ признать, что лицо Суворова было очень пріятное, а овалъ головы и правильныя черты лица его обличали аристократическое происхожденіе. Если же принять въ соображеніе крайнюю выразительность его физіономіи и особенный блескъ чрезвычайно умныхъ его глазъ, то мы придемъ къ едва ли ошибочному заключенію, что лицо Суворова было особенно интересное.

Ростомъ Суворовъ былъ нѣсколько ниже средняго; немного сутуловатъ, что, впрочемъ, относится къ послѣднимъ годамъ его жизни; по сложенію онъ былъ особенно худощавъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ онъ былъ тщедушенъ и хилъ, но укрѣпилъ затѣмъ свое здоровье постояннымъ упражненіемъ и правильнымъ и умѣреннымъ образомъ жизни, что дало ему возможность до самой глубокой старости дѣлить съ солдатами всѣ лишенія и трудности боевой жизни, не окружая себя никакими особенными удобствами, что всего ярче было имъ доказано во время его похода въ Швейцарію. До послѣдняго года своей жизни онъ сохранилъ чрезвычайную подвижность; онъ охотно танцовалъ, легко перепрыгивалъ черезъ стулья; безъ посторонней помощи быстро садился на коня и, какъ справедливо говорили о немъ современники, не ходилъ, а бѣгалъ, не ѣздилъ, а скакалъ. Весь онъ былъ израненъ и окоптуженъ, но изъ полученныхъ ранъ признавалъ лишь двѣ; говоря: «У меня семь ранъ; двѣ изъ нихъ получены на войнѣ, и пять, самыхъ мучительныхъ, при дворѣ». Съ 1789 г. онъ началъ прихрамывать отъ иглы, которая проникла ему въ подошву, и которую доктора не могли извлечь. Онъ отличался чрезвычайной дальнозоркостью. Современники находили большое сходство между Суворовымъ и знаменитымъ англійскимъ адмираломъ Нельсономъ, который съ удовольствіемъ самъ упоминалъ объ этомъ сходствѣ.

Тѣсныя рамки статьи не даютъ мнѣ возможности далѣе распространиться о предметѣ, но полагаю, что читатели найдутъ и въ этихъ строкахъ кое-какія полезныя указанія, могущія служить подспорьемъ для собирателей изображеній Суворова, личность котораго съ годами не только не утратитъ своего интереса, но будетъ все ярче освѣщаться, въ зависимости отъ того матеріала, который выдвинутъ на свѣтъ новые изслѣдователи.

Полковникъ **Сергѣй Козловъ.**

Stanford University Libraries
3 6105 019 821 060